

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 1 • 2015 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний 3

Методология перевода

Коростелёва А.А. Проблема «блуждающего комизма»: сочетание коммуникативных смыслов в звучащем переводе 21

Парина И.С. Перевод фразеологизмов в условиях недостаточности словарных данных (на материале студенческих работ) 38

Сычёва Е.С. Проблема перевода обращений и именных суффиксов в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манга) 46

Ундрицова М.В. Трансформации при переводе глоттонических текстов (на материале английского, французского, греческого и русского языков) 57

Харитоновна Е.В. Особенности функционирования социолектных текстов в родственной и неродственной этносреде: переводоведческий аспект 70

Чу Цзы-Чен. О проблемах перевода числительных, входящих в семантическое поле «два» в русском и китайском языках. 80

Теория художественного перевода

Алевич А.В. О поэтическом миропонимании: творчество Джона Донна сквозь призму социокультурных и переводческих стратегий 95

Нуриев В.А. Теория перевода и поэтический перевод: современный статус дисциплины. Проблемы и решения 108

Рецензии

Гарбовский Н.К. Р.К. Миньяр-Белоручев. Методика обучения переводу на слух. Издательство ИМО. Москва, 1959. 183 с. 117

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Японистика в славянском контексте (о языковых единицах, о переводе *хайку*, концептах и субконцептах, японизмах в лексикографии и др.) 120

Contents

General Translation Theory

<i>Garbovsky, N.K.</i> Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge	3
--	---

Translation Methodology

<i>Korostelyova, A.A.</i> Wandering Comedy: Combination of Communicative Meanings in Movie Dubbing.	21
<i>Parina, I.S.</i> Translating Phrasemes with Deficient Lexicographic Descriptions: a Case Study of Students' Translations	38
<i>Sycheva, Ye.S.</i> Translating Honorific Suffixes in Works of Modern Japanese Popular Culture: Anime and Manga Case Study	46
<i>Undritsova, M.V.</i> Transformations Used in Translations of English, French, Greek and Russian Gastronomic Texts	57
<i>Kharitonova, Ye.V.</i> On Functioning of Social Dialects in Source and Target Cultures: Translator's Perspective	70
<i>Chu Tzu-Chen.</i> On the Translation Issues of Numerals "2" in the Russian and Chinese Languages.	80

Literary Translation Theory

<i>Alevich, A.V.</i> Poetic World Reflection of John Donne's Creative Masterpieces Through Cultural and Translation Strategies (Part I).	95
<i>Nuriyev, V.A.,</i> Translation Theory and Poetic Translation: Contemporary Status, Issues and Solutions	108

Reviews

<i>Garbovsky, N.K.</i> R.K. Minyar-Beloruhev. Методика обучения переводу на слух. Moscow: Izdatel'stvo IMO, 1959. 183 p.	117
<i>Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A.</i> Japonistics in Slavic Context: Language Units, Translation of Haiku, Concepts and Subconcepts, Japonisms in Lexicography, etc.	120

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok1946@mail.ru

СИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И СИСТЕМА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

В статье предлагается системологическая модель науки о переводе, которая могла бы интегрировать научные знания об этом явлении, полученные на протяжении долгого периода эмпирическим и теоретическим методами в рамках разных научных дисциплин.

Принятие системологической модели науки о переводе и системный подход к исследованию перевода, систематизация научных данных о переводе могли бы свидетельствовать о выходе этой науки к новой парадигме системной трансдисциплинарности.

Ключевые слова: наука о переводе, системология, трансдисциплинарность.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

SISTEMOLOGICAL MODEL OF TRANSLATOLOGY: TRANSDISCIPLINARITY AND THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The author offers a systemological model of translatology that could integrate scientific knowledge about translation accumulated over a long period of time through empirical and theoretical methods within various scientific disciplines. Accepting the aforementioned model and the systemic approach to studying translation, as well as the systematization of scientific data about it, could testify to the fact that translatology has reached a new paradigm of transdisciplinarity.

Key words: translatology, systemology, transdisciplinarity.

Вступление

XXI век ознаменовался новым всплеском интереса исследователей, преподавателей и переводчиков-практиков к проблемам переводческой деятельности. Многочисленные научные конференции, форумы и конгрессы, методологические семинары и школы, новые теоретические и профессиональные журналы, посвященные переводу, позволили более пристально взглянуть на

эту разновидность когнитивной деятельности человека, требующую особых компетенций.

Массовое обращение к переводу как к объекту научного изучения всё более настоятельно ставит вопрос о методологии исследований на современном уровне этой науки.

Нередко заявляемая междисциплинарность (*интердисциплинарность*) науки о переводе (*переводоведения*) свидетельствует о том, что она приобрела относительную самостоятельность и развивается, опираясь на подходы, методы разных научных дисциплин, используя их категории и понятия, стараясь интегрировать данные разных дисциплин при изучении такого сложного общественного явления, как перевод. Но если попытаться придумать название этой науки, в котором бы отражалась её междисциплинарность по модели таких междисциплинарных наук, как астрофизика, лингвокультурология, психолингвистика, биохимия и др., где взаимное проникновение наук очевидно, при том что продолжают существовать самостоятельно астрономия, физика, психология, биология, химия, лингвистика, культурология, то наверняка мы столкнёмся с непреодолимыми трудностями. ‘Социопереводоведение’, ‘переводолингвистика’, ‘психопереводоведение’? Понятно, что каждое исследование, проводимое при таком междисциплинарном подходе, будет освещать лишь одну группу аспектов изучаемого объекта и не даст комплексного знания о нём. Разумеется, подобные подходы — серьёзный шаг вперёд по сравнению с монодисциплинарным подходом. Но нельзя отрицать того, что многие новые данные, полученные методами разных дисциплин, в этой науке прирастают через конъюнкцию. Поэтому вопрос о том, является ли современная наука междисциплинарной или многодисциплинарной (*мультидисциплинарной, плюридисциплинарной*), остаётся открытым.

В начале 70-х гг. прошлого века швейцарский психолог Ж. Пиаже обосновал идею развития кооперации в науке, которая должна привести научное знание к состоянию *трансдисциплинарности*: «Enfin, à l'étape des relations interdisciplinaires, on peut espérer voir succéder une étape supérieure qui serait “transdisciplinaire”, qui ne se contenterait pas d'atteindre des interactions ou réciprocitys entre recherches spécialisées, mais situerait ces liaisons à l'intérieur d'un système total sans frontières stables entre les disciplines» [Piaget, 1972, p. 170]¹.

¹ Наконец, можно надеяться увидеть, как стадии междисциплинарных отношений придёт на смену более высокая стадия, которая будет «трансдисциплинарной» и которая, не удовлетворяясь достижением взаимодействия и взаимопонимания между специальными исследованиями, разместит эти связи внутри некой системы, без устойчивых границ между дисциплинами (перевод с фр. мой. — Н.Г.).

От эмпиризма к теории

Всякое научное знание в своём развитии проходит обычно три стадии: *эмпирическую*, ограничивающуюся классификацией и обобщением опытных данных, *промежуточную*, когда формируются первичные теоретические модели, и, наконец, *теоретическую* стадию, когда возникает и развивается теория объекта, сумевшая ухватить его суть в огромном множестве проявлений.

Наука о переводе, как и всякое научное знание, также прошла в своём развитии несколько стадий, прежде чем превратиться в научную дисциплину, имеющую свой объект и предмет, сформировавшую собственную понятийно-терминологическую систему и предполагающую, что на смену одной научной парадигме может прийти другая.

Зародившись в форме разрозненного эмпирического знания много веков тому назад, наука о переводе нашла свою теоретическую основу и методологию лишь в середине XX в. в лингвистике, когда сосюрровские идеи о языковой системе, о структуре языка получили своё развитие в новых лингвистических теориях, претендовавших на почти математическую точность.

Разумеется, в своём стремлении понять и объяснить сущность перевода как особого вида интеллектуальной деятельности гуманисты разных веков, ораторы и поэты, богословы и философы, литераторы и литературные критики, применяли различные подходы и методы анализа, позволявшие заполнить ту или иную «клеточку» в мозаичной картине донаучных представлений о переводческой деятельности. Многочисленные трактаты, написанные в разные периоды двухтысячелетней истории размышлений о переводе, представляют собой весьма ценный материал для понимания того, какие требования предъявляло общество к результатам труда переводчиков, какие аксиологические категории доминировали в тот или иной период в оценке перевода, как сами переводчики понимали свою задачу, какие советы и рекомендации давали они своим коллегам.

Дж. Стейнер, автор книги «После Вавилона» [см.: Steiner, 1978], предложивший различать в истории перевода четыре периода, полагал, что первый период — период отчётливо выраженного эмпиризма — начался с рассуждений Цицерона о том, как он переводил, точнее, перелагал речи греческих ораторов Эсхина и Демосфена и работы Горация «Поэтическое искусство» и заканчивается комментариями Фридриха Гёльдерлина, немецкого поэта начала XIX в., к собственным переводам Софокла (1804).

Второй период Стейнер называет этапом теории и герменевтических разысканий. Начало этого периода Стейнер связывает

с именами Александра Фрейзера Тайтлера, автора очерка о принципах перевода (Alexander Fraser Tytler “Essay on the Principles of Translation”), вышедшего в Лондоне в 1792 г., и Фридриха Шлеермахера, чья работа о переводе (Friedrich Schleiermacher “Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens”), появилась в 1813 г. В этот период вопрос о природе перевода рассматривается в более широком контексте теорий о взаимодействии сознания и языка. Эта эра определения сущности перевода и философско-поэтической теории, во время которой складывается уже и историография перевода, завершается блестящей, но лишённой, по мнению Стейнера, научной строгости книгой французского писателя и переводчика Валери Ларбо «Под покровительством Св. Иеронима» (Valéry Larbo “Sous l’invocation de St-Jérôme”), вышедшей в 1946 г.

Третий период, современный, начинается в сороковые годы появлением первых статей по теории машинного перевода. Начало этого периода Стейнер связывает с именами русских и чешских учёных, которые, унаследовав, по его мнению, идеи формализма, пытались применить лингвистическую теорию и статистические методы к исследованию перевода. В этот период предпринимаются попытки установить соответствие между формальной логикой и моделями языковых трансформаций. Период отмечен интенсивными научными разысканиями в области перевода. Выходит множество публикаций о переводе. Появляются работы по теории перевода А. Фёдорова, Р.-А. Броуера, Арроусмита и др. По мнению Стейнера, этот период в той или иной степени продолжается и до настоящего времени: логический подход, построенный на оппозициях, а также контрастивный, литературоведческий, семантический и сравнительный методы, наметившиеся и развившиеся в работах 40–50 гг. XX столетия, успешно применяются и в настоящее время (нужно иметь в виду, что книга Стейнера вышла в 1975 г.). Но с начала 60-х гг. акцент в разысканиях в области теории перевода несколько смещается, начинается новый, четвёртый период.

Начало четвёртого периода Стейнер связывает с «открытием» статьи о переводе Вальтера Бенжамина (Walter Benjamin “Die Aufgabe des Uebersetzers”), а также с популярностью экзистенциалистских идей Хайдеггера и Гадамера. Это направление он определяет как герменевтическое. Наступает период почти метафизических разысканий в области письменного и устного переводов, угасания надежд на возможности автоматического перевода, стычками «универсалистов» с «релятивистами». Перевод оказывается полем сражения лингвистов.

В это же время перевод выходит за пределы круга интересов лингвистики и становится объектом *междисциплинарных научных исследований*, оказываясь на стыке антропологии, психологии со-

циологии, а также таких смежных дисциплин, как этнолингвистика и социоллингвистика. Классическая филология, сравнительное литературоведение, лексическая статистика, этнография, социология уровней языка, формальная риторика, поэтика, грамматический анализ смыкаются для того, чтобы прояснить суть акта перевода и механизмы «межъязыковой жизни», заключает Стейнер [Steiner, 1978, p. 226]².

Если взглянуть на периодизацию, предложенную Стейнером, сквозь призму истории научного знания, то второй период можно рассматривать как *промежуточную*, стадию, когда формируются первичные теоретические модели.

В русской истории размышлений о переводе эмпирическая стадия науки о переводе переходит в промежуточную стадию, предшествующую построению собственно теории перевода к началу XX в. Обобщение эмпирического опыта в области переводческой деятельности набирает критическую массу, т.е. становится достаточным для возникновения первичных форм теоретизации, для построения первых теоретических конструктов [см.: Гарбовский, 2011].

На этой стадии наука о переводе всё ещё сохраняет прескриптивный характер.

Ко второй стадии становления и развития научного знания можно отнести с достаточной степенью условности издательский проект «Всемирной литературы» М. Горького и теоретические работы К. Чуковского, Н. Гумилёва, А. Фёдорова, Ф. Смирнова, И. Кашкина и др., составившие *литературоведческую парадигму* в отечественных исследованиях перевода.

Третий и четвёртый периоды, по классификации Стейнера, можно уже охарактеризовать как *теоретическую* стадию, когда возникает и развивается теория объекта. Эта теория описывает и объясняет сущность объекта, реализующуюся в огромном множестве проявлений.

Лингвистическая парадигма и идея междисциплинарного подхода к изучению феномена перевода

На начальном этапе теоретической стадии развития науки о переводе доминирующей оказалась лингвистическая парадигма.

Точными методами, предложенными структуралистами, в тот период соблазнились не только исследователи перевода, но и учёные, изучавшие человека. Французский философ и антрополог

² Периодизация Стейнера оказывается уязвимой для критики. Так, М. Балляра настаивает даже не столько историческая неопределённость классификации Стейнера, так как тот оперирует относительно точными датами, сколько её безапелляционность [Ballard, 1992, p. 17–18].

Клод Леви-Стросс на конференции антропологов в Блумингтоне в 1952 г. заявлял: «В течение одного или двух веков в науках о человеке и обществе было принято рассматривать мир точных и естественных наук как рай, куда доступ навсегда запрещён. И вот лингвистике удалось приоткрыть дверь между этими двумя мирами... антропологи же настойчиво обращаются к лингвистам, полагая, что они могут стать их проводниками и помочь им избавиться от неясностей, видимо неизбежных при слишком тесной близости к конкретным и эмпирическим явлениям» [Леви-Стросс, 2001, с. 75].

Доминирующая в науке о переводе лингвистическая парадигма не отрицает и иных подходов к изучению объекта, что выражается в понятии *междисциплинарности* этой науки, очевидной ещё в начале теоретической стадии. Даже А.В. Фёдоров — апологет «лингвистического разреза» в теории перевода — ещё в 50-е гг. XX в., когда было необходимо отстоять только зарождавшуюся лингвистическую парадигму в науке о переводе, признавал, что «вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения» [Фёдоров, 1953, с. 12].

Лингвистический подход к изучению феномена перевода полностью соответствовал структуре классической науки, которая «занималась главным образом проблемами с двумя переменными (линейными причинными рядами, одной причиной и одним следствием) или в лучшем случае проблемами с несколькими переменными» [Берталанфи, 1962, с. 26].

Основатель общей теории систем Берталанфи приводит в качестве классического примера механику: «Она даёт точное решение проблемы притяжения двух небесных тел — Солнца и планеты и благодаря этому открывает возможность для точного предсказания будущих расположений звёзд и даже существования до сих пор не открытых планет. Тем не менее уже проблема трёх тел в механике в принципе неразрешима и может анализироваться только методом приближений. Подобное же положение имеет место и в более современной области физики — атомной физике [75]. Здесь также проблема двух тел, например протона и электрона, вполне разрешима, но, как только мы касаемся проблемы многих тел, снова возникают трудности. Однонаправленная причинность, отношения между причиной и следствием, двумя или небольшим числом переменных — все эти механизмы действуют в широкой области научного познания. Однако множество проблем, встающих в биологии, в бихевиоральных и социальных науках, по существу, являются проблемами со многими переменными и требуют для своего решения новых понятийных средств» [см.: Берталанфи, с. 26].

В науке о переводе тот или иной факт переводческого решения объяснялся как следствие лингвистической асимметрии, хотя, уже

на этапе становления лингвистической теории перевода было ясно, что лингвистическая асимметрия не является препятствием для перевода. Р. Якобсон не без оснований утверждал, что «весь познавательный опыт можно выразить на любом существующем языке» [Якобсон, с. 364]. В то же время он соглашался с тем, что «на уровне межъязыкового перевода обычно нет полной эквивалентности между единицами кода, но сообщения, в которых они используются, могут служить адекватными интерпретациями иностранных кодовых единиц или целых сообщений» [там же, с. 362].

Возможно, в этом и состоит парадокс перевода: *полной эквивалентности* нет, а *адекватность интерпретации* достигнута. Но констатация этого парадокса недостаточна для научного представления о феномене перевода. Узость границ лингвистики, однонаправленная причинность были изначально очевидны.

В начале 70-х гг. прошлого столетия, т.е. через двадцать лет после выхода в свет «Введения в теорию перевода» Фёдорова, советский лингвист, посвятивший немало работ исследованиям переводческой деятельности, А.Д. Швейцер, определяя статус науки о переводе, отмечал, что «общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией. По сути, — продолжал Швейцер, — речь идёт о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности — переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания» [Швейцер, 1973, с. 16.].

Иначе говоря, междисциплинарность науки о переводе понималась как переплетение разных лингвистических дисциплин в рамках так называемой «макролингвистики». Теория перевода продолжала втискиваться в рамки лингвистической науки на правах не слишком почитаемой «новой» родственницы.

Если ещё в 70-е г. наука о переводе рассматривалась главным образом как прикладная отрасль науки о языке, то уже в конце XX в. сомнений в том, что она является наукой междисциплинарной, практически не было.

В.Н. Комиссаров отмечал, что «переводоведение в целом — это, несомненно, особая научная дисциплина, имеющая многие интердисциплинарные аспекты. Лингвистика может описать и объяснить целый ряд важнейших факторов, определяющих характер и результаты перевода, но она не может раскрыть всю многогранность этого сложного вида человеческой деятельности» [Комиссаров, 1999, с. 5]. В то же время Комиссаров полагал, что «современное языкознание преодолело столь ограниченное (опи-

сание различных языковых систем. — *Н.Г.*) понимание своего предмета» [там же], поэтому «при макролингвистическом подходе лингвистическое переводоведение может заниматься проблемами, традиционно считавшимися нелингвистическими» [там же]. Иначе говоря, наука о переводе оставалась, в понимании исследователя, отраслью лингвистики, но сама лингвистика расширила сферу своих интересов за счёт предметов других научных дисциплин.

В то же время социальный статус перевода как общественно значимой деятельности требовал изучения с привлечением научного аппарата социологии. Особенности поведения и психического состояния устных переводчиков, работающих, как правило, в условиях жестокого стресса, привлекли к переводу внимание психологов. Необходимость научной разработки специальных методов обучения переводу, направленных на формирование специфического переводческого билингвизма, сделала перевод объектом дидактики и методики.

Выход за рамки лингвистики для объяснения переводческих решений не представлял собой чего-то принципиально нового. Цицерон в своём известном пассаже, объясняя, почему текст его перевода получился именно таким, а не иным, говорил, что переводил не как переводчик, а как оратор [см.: Гарбовский, 2004, с. 69]. Бл. Иероним, отвечая на несправедливую критику своего перевода, говорил о том, как избранный им метод перевода соответствовал типу получателя текста: «он стал неотступно просить меня, чтобы я для него перевёл письмо на латынь и изъяснил как можно точнее, чтобы легче было понять; ведь он совсем не знал греческого. Я выполнил его просьбу: позвал писца и быстро продиктовал перевод, снабдив его краткими примечаниями на полях, разъясняющими смысл каждой главы. Поскольку он очень настаивал, чтобы это было мною сделано лишь для него одного, то и я со своей стороны потребовал хранить список в доме — как бы случайно о нём не стало широко известно» [см.: Гарбовский, Костикова, 2009, с. 14].

Швейцер, говоря о состоянии науки о переводе в конце XX в., отмечал, что прошедшие годы охарактеризовались «последовательным преодолением лингвистического и литературоведческого “изоляционизма” в изучении перевода и развитием тенденции к выработке интегрированного и многомерного подхода к анализу перевода» [Швейцер, 1999, с. 21]. По мнению исследователя, «стимулом для такой методологической ориентации послужили расширение горизонтов самого языкознания, его отказ от “сепаратистских” традиций, установление тесных связей с другими науками и появление новых “дефисных” (hyphenated) направлений, способствующих взаимообогащению языкознания и ряда смежных дисциплин» [там же].

Как ни парадоксально, но и в этом утверждении о междисциплинарном характере теории перевода отчётливо прослеживается лингвистическая доминанта. Швейцер видит причину междисциплинарности науки о переводе не в том, что она преодолела рамки лингвистики, а в расширении горизонтов языкознания. Иначе говоря, не наука о переводе расширила свои границы, а сама лингвистика вышла за пределы изучения системных явлений в языке и обратилась к речи, особенности порождения и восприятия которой обусловлены не только собственно лингвистическими, но и культурными, социальными, психологическими, эстетическими и другими факторами.

Комиссаров и Швейцер ссылались на мнение американского лингвиста и исследователя проблем перевода Ю. Найды, высказанное им в работах, опубликованных в конце XX в. [см.: De Waard, Nida, 1986; Nida, 1991], о том, что в различные теории перевода можно свести к четырём основным подходам: *филологическому, лингвистическому, коммуникативному и социо семиотическому* [см.: Комиссаров: 1999, с. 5; Швейцер, 1999, с. 22].

Знаменательно, что Комиссаров в результате анализа этих подходов отмечал: «Ю. Найда коротко характеризует каждый из этих подходов, и обнаруживается, что он занимается проблемами, большая часть которых входит в сферу интересов современной макролингвистики» [Комиссаров, 1999, с. 5].

Представляется, что наука о переводе должна иметь свой предмет, отличный от предмета лингвистической науки, а не подчинённый ему как часть целому. В противном случае теория перевода, оставшись в русле лингвистики, пусть, даже некой «макролингвистики», будет подстраивать свой предмет к предмету науки о языке, то расширяя, то сужая его, «выхватывая» при этом фрагментарные знания, полученные другими научными дисциплинами. Наука о переводе, разумеется, пользуется данными, полученными лингвистической наукой, приспособливает её некоторые методы и некоторые модели для решения собственных задач, подобно тому, как пользуется, например, данными лингвистики теория психоанализа, интерпретирующая поведение человека через факты речи.

Междисциплинарность или многодисциплинарность?

Наука о переводе использует данные и методы и других научных дисциплин, а именно, культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии, философии, логики, семиотики, герменевтики, теории коммуникации, кибернетики, информатики и других, что и позволяет предположить её междисциплинарный статус.

Всякое новое знание, при условии, что оно научно обосновано, позволяет полнее понять сущность объекта научного исследования. Поэтому пренебрежение ими нерационально. Вместе с тем не исключено, что подобные знания могут войти в науку о переводе лишь после очередного сочинительного союза *и*. Это свидетельствует о новом приращении научных данных, но вряд ли способно вывести собственно теорию перевода на новый уровень научного обобщения. А именно в таком обобщении и нуждается современная наука о переводе.

Признание междисциплинарного статуса теории перевода удобно для того, чтобы уйти от решения весьма сложного вопроса о том, что же является собственным предметом этой науки, ведь междисциплинарность — это не что иное, как рассмотрение объекта сквозь призму предметов разных научных дисциплин. Но идёт ли речь действительно о *междисциплинарном* подходе или же более правильно будет определить такой подход как *многодисциплинарный*? Разумеется, изучение перевода требует многодисциплинарного подхода, но подходы к изучению определённого объекта с позиций многих научных дисциплин и междисциплинарный статус того или иного научного направления суть вещи разные. Многодисциплинарность характеризует некую научную область, определившую свой объект, но ещё не сформулировавшую свой предмет, так как каждая научная дисциплина, приступая к изучению определённого объекта, предполагает свой особый предмет.

Следует уточнить, что под объектом как конкретного научного исследования, так и научной дисциплины в целом понимается некая реальная сущность, подвергающаяся научному анализу, научной интерпретации и научному описанию. В нашем случае этой сущностью оказывается перевод как когнитивная деятельность, имеющая общественную обусловленность.

Предмет же отличается в эпистемологическом плане от объекта тем, что включает в себя лишь основные, наиболее существенные для данного исследования или научной дисциплины стороны объекта. Поэтому один и тот же объект оказывается предметом разного вида исследований, предметом разных наук. Если говорить о переводе как об объекте, то в этой области научных разысканий оказываются такие аспекты, как «лингвистика перевода», «философия перевода», «социология перевода», «психология перевода», «сравнительное литературоведение» и другие, которые, строго говоря, являются предметами соответствующих научных дисциплин.

Разумеется, феномен перевода может и должен изучаться с разных сторон, разными научными дисциплинами. Иначе говоря, многодисциплинарный подход к переводу как объекту изучения очевиден. Перевод — это когнитивная деятельность. Поэтому весь

комплекс когнитивных наук привносит новые данные, предлагает методы, которые могут применяться и для изучения перевода.

Состояние же *междисциплинарности*, характерное для всякого научного направления, покидающего лоно какой-либо научной дисциплины в связи с тем, что её границы стали слишком узкими, свидетельствует о зарождении новой научной парадигмы, основным методом которой оказывается уже не анализ, а синтез.

Именно *синтез* научных данных, полученных на предшествующем этапе развития науки, и является методологической основой междисциплинарности.

Нельзя не согласиться с мнением Швейцера, который, определяя состояние науки о переводе в конце XX в., писал: «Множественность моделей перевода отражает неединичность подходов к этому явлению, его междисциплинарный статус. Думается, что подлинно реалистическая картина этого сложного и многоаспектного процесса может быть получена лишь на основе интеграции различных, дополняющих друг друга подходов к его исследованию» [Швейцер, 1999, с. 30].

Изучение перевода как объекта разных когнитивных наук позволило накопить немало весьма полезных научных данных об этом феномене, которые, видимо, могут быть интегрированы в единое научное знание.

Попытки такой интеграции, на мой взгляд, знаменуют зарождение, пока весьма робкое, новой научной парадигмы в науке о переводе, которая может быть определена как *системологическая*.

Системология и трансдисциплинарность науки о переводе

Попытка «объять необъятное» и представить предмет теории перевода как *совокупность* предметов различных научных дисциплин делает его неоправданно расширенным, размытым, а следовательно, и операционно непригодным. Попытка разрубить этот гордиев узел и совместить необходимую широту взгляда с точно обозначенной предметностью могла бы состоять в том, чтобы не прибавлять друг к другу, а синтезировать предметы разных наук, изучающих перевод, выделив собственный предмет. Ведь именно таким путём выделяются новые научные направления. Но синтез различных предметов с целью построения единой теории объекта, способный привести к созданию новой научной дисциплины, требует системного подхода. Иначе говоря, наука о переводе должна синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой *системы*.

В этом случае предметом теории перевода могла бы оказаться когнитивная деятельность переводчика, создающего *иное*, тогда

как цель его — создать нечто *подобное*. Противоречивость перевода, возникающая из столкновения «своего» и «чужого», поиск подобия в различном и различия в подобном можно объяснить, только **синтезируя** знания о переводе, накопленные разными науками в единое целое — систему, т.е. «в единство, в котором противоречия и противоположность сглаживаются или снимаются» [см.: Синтез: Философский энциклопедический словарь, 2010].

Объяснение этого противоречия на основе анализа порождающих его причин лингвистического, логического, социального, психического, исторического, культурного, этического, идеологического, нравственного, политического и другого характера и составляет предмет теории перевода.

Очевидно, что множество моделей, теорий перевода, отражающих и объясняющих тот или иной аспект этого сложнейшего явления, а также разрозненные, часто даже весьма интересные эмпирические наблюдения, полезные сами по себе для развития переводческой практики, нуждаются в синтезе для построения науки о переводе.

Синтез разных предметных граней, имеющий целью построение единой теории перевода, требует *системного подхода*. Тогда, прежде всего, сама противоречивая переводческая реальность будет представлена как системное явление, то есть как *некая совокупность элементов, между которыми устанавливаются определённые типы связей и отношений, благодаря чему эта совокупность приобретает определённую целостность и единство* со всеми присущими системе свойствами и отношениями.

Системологический метод интеграции научных знаний о переводе, накопленных разными научными дисциплинами, был предложен мной в начале XXI в. как возможный путь построения «методологического ствола» науки о переводе [Гарбовский, 2004, с. 218–246]. За прошедшее десятилетие убеждение в необходимости системного подхода к пониманию феномена перевода только укрепилось.

Системологическая парадигма науки о переводе строится на основе синтеза множества данных, воспринимаемых как нечто целое. Разумеется, синтезу как методу познания предшествует, а часто и сопутствует его антипод — анализ, который, разлагая целое на составляющие, постоянно подпитывает системологию новыми данными об изучаемом объекте.

В период всеобщего увлечения при исследованиях перевода лингвистической теорией, будь то *микро-*, *макро-* или просто лингвистика, а также тогда, когда перевод изучался с привлечением данных и методов иных научных дисциплин, нередко анализ оказывался не только методом исследования, но и самоцелью. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на преамбулы множества

работ (диссертационных, дипломных и др.), объектом которых оказывался тот или иной аспект перевода, где заявляется, что *работа посвящена анализу тех или иных явлений...* Это и определяло состояние науки о переводе, как некой суммы разрозненных данных, полученных в результате множества аналитических операций, осуществлённых с позиций лингвистики и некоторых других, научных дисциплин. Но выявление и анализ отдельных, пусть даже очень важных элементов не достаточен для понимания феномена перевода в его целостности. Важно установить системные связи и отношения между ними.

Научное достояние, сформировавшееся за прошедший период, весьма ценно для современной науки о переводе, так как составляет необходимую основу для того, чтобы эта наука сделала следующий шаг — перешла к синтетическому, системному осмыслению аналитических данных. И современная общая системология как метод научного познания способствует тому, чтобы наука о переводе вышла на новые рубежи.

Философия системы заявляет о новой, системологической, парадигме в научном познании [см.: Turchany, p. 19]. По мнению основателя современной общей теории систем Л. Берталанфи, системология позволяет взглянуть на мир как на большую организацию [ibid.].

Методологическая ценность системного подхода к переводу состоит в том, что он позволяет ориентировать исследование изучаемого объекта на раскрытие его целостности и на анализ тех механизмов, которые эту целостность обеспечивают. При этом особое внимание уделяется выявлению многообразных типов связей как внутри самого сложного объекта, так и с окружающим миром, что позволяет в итоге свести разносторонние знания об объекте в единую теоретическую картину.

Системный подход, занимающий в современном научном познании одно из центральных мест, позволяет охватить более широкую познавательную реальность по сравнению с теми подходами, когда исследования сосредоточивались лишь на какой-либо одной предметной стороне объекта. Системный подход к переводу способен дать более полную и подробную теоретическую картину этого объекта по сравнению с отдельно взятым лингвистическим, литературоведческим или каким-либо ещё подходом.

В русле системного подхода не только предлагается новая схема объяснения механизмов, обеспечивающих целостность переводческой деятельности, но и разрабатываются такие типологии связей и отношений, которые представляют их как логически однородные. Это позволяет непосредственно сравнивать и сопоставлять между

собой все многообразные типы связей и отношений, выявляемых в переводческой деятельности, на единых основаниях.

Многообразие типов связей как внутри самой переводческой деятельности, так и по отношению к другим объектам реальной действительности с необходимостью предполагает синтез нескольких теоретических «расчленений».

Понятие системы имеет очень широкую область применения: практически всякий объект может быть представлен в теоретическом описании в виде системы.

Однако, описывая какой-либо объект как систему, следует определить, каким образом проявляются в нем основные системные признаки. Соответственно, если мы хотим представить в виде системы перевод, то должны будем проследить, как проявляются в нем основные признаки системы, а именно: целостность, структурность, взаимозависимость системы и среды, иерархичность, множественность описания.

Иерархичность, многоуровневость, структурность — это свойства не только строения системы, но и её поведения. Отдельные уровни системы обуславливают определённые аспекты её поведения, а целостное функционирование оказывается результатом взаимодействия всех её сторон и уровней. Важной особенностью большинства систем, особенно живых, технических и социальных, является передача в них информации и наличие процессов управления. К наиболее сложным видам систем относятся **целенаправленные системы**, поведение которых подчинено достижению определённых целей. Перевод входит в круг систем именно такого типа. Перевод всегда подчинён определённой цели, развёртывание всего процесса перевода и свойства возникающего в результате этого процесса продукта обусловлены его целью.

Если попытаться представить себе процесс переводческого преобразования исходного речевого произведения как системное явление, то нужно определить, обладает ли оно всеми перечисленными свойствами системы. В пользу системного подхода к переводу говорит уже то, что переводчик имеет отношения с речевыми произведениями, текстами. Тексты же сами по себе уже обладают определённой системностью.

Для методологии научных разысканий в области перевода чрезвычайно важно принятое общей теорией систем различение *систем реальных* и *систем концептуальных* [см.: Turchanu, p. 19]. Ж. Пиаже полагал, что во всякой науке присутствуют четыре области: материальная, т.е. сам объект научной дисциплины, концептуальная, представляющая собой совокупность знаний, внутренняя эпистемологическая область, характеризующая познающего субъекта, а

также критику теорий, и производная эпистемологическая область, которая определяет эпистемологическую значимость результатов, достигнутых данной научной дисциплиной. В этом плане научное знание оказывается связанным не только с объектом, но и с субъектом познания, а все дисциплины оказываются взаимно зависимыми [см.: Bourguignon, 1912].

В самом деле, в свете системологии феномен перевода предстаёт в виде определённой системной когнитивной деятельности человека. Элементы этой деятельности связаны друг с другом системными отношениями, определяющими и характер её протекания, и конечный результат — текст перевода. Форма текста перевода и его содержание рождаются в ходе когнитивной деятельности переводчика как реакция не только на текст оригинала, но и на все иные факторы информационного, социального, психологического, исторического, экономического, этического, эстетического и другого характера, связанные между собой системными отношениями. Эта деятельность является системой реальной, подобной солнечной системе, живому организму, общественной организации, машине и т.п. Эта система существует независимо от наблюдателя, исследователя, стремящегося проникнуть в её суть.

Что же касается теории перевода, науки о переводе в целом, то она представляет собой концептуальную систему, некий идеальный конструкт, отражающий с большей или меньшей степенью приближения реальную систему. Разумеется, нет непреодолимой пропасти между переводом как реальной системой и наукой о переводе как системой концептуальной. Перевод как системная человеческая деятельность не может не реагировать на «внешние раздражители», в частности такие, как смена носителей, фиксирующих информацию — от глиняных табличек до компьютера, — в корне меняющих технологию переводческой деятельности и знаменующих *реальные переходы* к очередной новой стадии в истории перевода [см.: Костикова, 2011].

Теория перевода как *концептуальная система* фиксирует, изучает и описывает эти изменения настолько точно и подробно, насколько ей позволяет её уровень научного развития: от обрывочных эмпирических «зарисовок» через построение «моделей» к синтетическому представлению о переводе как о некоей управляемой системе.

Системное представление науки о переводе как об организованном научном знании позволяет воспользоваться многими идеями, выработанными общей теорией систем, в частности идеей «чёрного ящика», обратной связи и реакции (feed-back).

Системологическая идея «чёрного ящика» в науке о переводе не нова. Р.К. Миньяр-Белоручев, отмечая, что особенность про-

цесса перевода, состоящая в «неуловимости» и «неосвязаемости» его некоторых сторон побуждает исследователя «прибегать к методу «чёрного ящика», при исследовании процесса перевода, т.е. к измерению и сопоставлению данных на входе (исходный текст) и данных на выходе (переводной текст). Метод «чёрного ящика» уже позволил не только выйти за пределы лингвистики на эмпирическом уровне исследования, но и сделать перспективные для теории перевода выводы» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 8].

Метод обратной связи и реакции может быть, в частности, успешно использован для обоснования онтологического отличия устного перевода от письменного.

Наука о переводе как концептуальная система и переводческая деятельность как система реальная в разной степени и в разных проявлениях обладают всеми статическими, динамическими и синтетическими свойствами системы, такими, как целостность, открытость, внутренняя неоднородность, структурированность, функциональность, изменчивость со временем, существование в изменяющейся среде, эмерджентность ингерентность, целесобразность и др. [см. подробнее: Гарбовский, 2004, с. 218–246].

В общей системе науки о переводе находится место и для субъекта исследования, наблюдателя, который стремится увязать в единый пучок все нити отношений между наблюдаемыми явлениями с позиции трансдисциплинарности, и для результатов исследований, в плане их эпистемологической ценности для дальнейшего развития науки.

Пиаже, отстаивая идею трансдисциплинарности, признавал, что это была пока только мечта. Но он не находил оснований для того, чтобы отказывать этой мечте в осуществлении, указывая на две причины: поражение редукционизма, стремившегося свести высшее к низшему или наоборот, а также неполнота научных знаний тех или иных дисциплин, обусловленная отделением их друг от друга [см.: Piaget, 1972, p. 170]. Уточняя, какую область покрывает собой понятие трансдисциплинарности, Пиаже в первую очередь называл общую теорию систем или структур, связывая таким образом понятие трансдисциплинарности научного знания с его системностью.

Заключение

Таким образом, системологическая модель науки о переводе открывает новые перспективы для методологии этой науки. Преодоление изоляционизма первого периода и структурированность полученных и получаемых разными дисциплинами научных данных

в единой эпистемологической системе позволяют представить более полную и более объективную картину такого сложного явления, как перевод. Разумеется, такая картина не может быть составлена ни одним исследователем, ни даже научной группой. Она будет складываться в единое, внутренне неоднородное целое, меняться со временем в меняющейся среде и функционировать в общем научном пространстве.

Принятие системологической модели науки о переводе и системный подход к исследованию перевода, систематизация научных данных о переводе, получаемых разными научными дисциплинами, могли бы свидетельствовать о выходе этой науки к новой парадигме *системной трандисциплинарности*.

Список литературы

- Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — критический обзор. // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82 // Bertalanffy, L. von. General System Theory — A Critical Review // General Systems. Vol. VII. 1962. P. 1–20. Перевод Н.С. Юлиной. http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html
- Гарбовский Н.К.* Парадигмы науки о переводе // Проблемы современного переводоведения. СПб., 2011. СПбГУ: Филологический ф-т. С. 39–56.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 3. С. 3–36.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. М.: ЧеРо, 1999.
- Костикова О.И.* История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2. С. 3–22.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-пресс, 2001.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980.
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода. М., 1953.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 1983.
- Философский энциклопедический словарь, 2010.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
- Швейцер А.Д.* Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. Вып. 24. М., 1999.
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Роман Якобсон. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.
- Ballard, M.* De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions. Lille, 1992.
- Bourguignon, A.* De la pluridisciplinarité à la transdisciplinarité. Centre International de Recherches et études Transdisciplinaires. <http://ciret-transdiscipli->

narity.org/locarno/loca5c1.php — Dernière mise à jour: Samedi, 20 octobre 2012 11:39:53.

Nida, E.A. Theories of Translation // TTR. Vol. IV. N 1. 1991. P. 19–32.

Piaget, J. Epistémologie des relations interdisciplinaire // OCDE. L'interdisciplinarité: problèmes d'enseignement et de recherche dans les universités. Paris: OCDE. 1972. http://www.fondationjeanpiaget.ch/fjp/site/textes/VE/jp72_epist_relat_interdis.pdf

Steiner, G. Après Babel. Une poétique du dire et de la traduction. Trad. de l'angl. par Lucienne Lotringer. P. 1978 (*Steiner G.* After Babel. Oxford, OUP, 1975).

Turchany, G. La théorie des systèmes et systémiques. Vue d'ensemble et définitions. http://www.prof-turchany.eu/culture/La_theorie_des_systemes.pdf

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

А.А. Коростелёва,

кандидат филологических наук, доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: korosteleva.a@gmail.com

ПРОБЛЕМА «БЛУЖДАЮЩЕГО КОМИЗМА»: СОЧЕТАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СМЫСЛОВ В ЗВУЧАЩЕМ ПЕРЕВОДЕ

В работе рассматривается явление «блуждающего комизма», характерное для звучащего киноперевода. Доказывается непредсказуемость появления комических эффектов в переводном кинодиалоге в силу специфики коммуникативной интерпретации; показана асимметрия различных переводов одного фильма с точки зрения доли комического в них. Проявления «блуждающего комизма» оказывают значительное влияние на восприятие переводного фильма зрителями, сложным образом меняя характеры персонажей и нюансы показанных на экране ситуаций.

Ключевые слова: эстетическая функция коммуникативных средств языка, коммуникативная семантика, комические эффекты в переводном кинодиалоге, коммуникативная интерпретация.

Anna A. Korosteleva,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Department of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: korosteleva.a@gmail.com

WANDERING COMEDY: COMBINATION OF COMMUNICATIVE MEANINGS IN MOVIE DUBBING

The article is dedicated to the “wandering comedy” phenomenon, characteristic of movie dubbing. It proves the unpredictability of comic effects in movie dialogue translation due to the specifics of communicative interpretation. It shows the asymmetry of different translations of the same movie in terms of the amount of comic effects in them. The manifestations of the “wandering comedy” greatly influence the viewers’ perception of translated movies by changing the nature of the characters and the nuances of the situations shown on the screen in a very complex manner.

Key words: aesthetic function of language communicative means, communicative semantics, comic effects in movie dialogue translations, communicative interpretation.

Применение метода коммуникативного анализа, предложенного М.Г. Безяевой (см.: [Безяева, 2002, 2005, 2014]), к звучащему художественному тексту позволило сформулировать понятие коммуникативной интерпретации и выявить закономерности, которым она подчиняется [Безяева, 2010, 2013]. Эстетическая функция коммуникативных средств языка подразумевает формирование образов персонажей (а также отношений персонажей в пределах

ансамбля), коммуникативной композиции эпизода и фильма либо спектакля в целом; более того, определённый отбор средств из коммуникативной системы языка способен влиять на жанр произведения, модифицируя его по сравнению с первоначальной версией — инвариантом (сценарием, оригинальной дорожкой и т.п.).

Законы создания звучащего киноперевода оставляют достаточно большой простор для развития «поверх» новой коммуникативной дорожки вторичных, иногда непредусмотренных эффектов, в том числе эстетически значимых. Ранее было показано, что звучащий перевод в норме подчиняется законам создания любой коммуникативной интерпретации [Коростелёва, 2008, 2010]. Это означает, что при переводе «инвариантной», исходной реплики сохраняется наиболее общий, базовый коммуникативный параметр, который представляется интерпретаторам ключевым на данный момент для характеристики соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации; при этом он может варьировать *вплоть до антонимии*, на него могут наслаиваться дополнительные коммуникативные семы, если же в оригинале имелись дополнительные коммуникативные смыслы, они могут отбрасываться либо изменяться. При настроенности на общий параметр каждый интерпретатор следует своей собственной трактовке характеров и коллизий, что предопределяет тип соотношения позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации в интерпретации. Подмена базового коммуникативного параметра чаще всего относит перевод к области недопустимого.

Напомним, что в исходном тексте высказывание репрезентировано определённой целеустановкой, переданной определённой конструкцией, складывающейся из конкретных языковых средств. Необходимость выбора возникает перед создателями перевода начиная с первой из трёх ступеней варьирования (*целеустановка — конструкция — средство*), т.е. с выбора целеустановки высказывания.

Образующееся в переводной реплике переплетение коммуникативных смыслов по названным выше причинам уникально и представляет собой благоприятную почву для возникновения вторичных эффектов, одним из которых является комизм. Комический эффект порождается разнообразными несоответствиями коммуникативных параметров, причём комизм в высказывании не просто присутствует либо отсутствует — существует также *градация комического*. Учитывая сложное соотношение вектора, заданного переводчиком — автором письменного текста, и накладываемой на него работы актёра озвучивания, мы не можем утверждать, что доза комизма в переводе всегда бывает отмерена взвешенно и осознанно.

Продемонстрируем две версии перевода, различающиеся по степени комизма, которая зависит от количества накопленных несоответствий, на примере из фильма «Заколдованное королевство» / «Железный человек» (*Tin Man*, США, 2007)¹.

Героиня фильма Ди Джи бежит из плена вместе с Глюком, бывшим королевским советником, у которого половина мозга изъята злой колдуньей Азкаделией. Они решают направиться в столицу.

Перевод I («Железный человек»):

Глюк: Дорога где-то ²здесь // Я... / я ²знаю // (Переводя взгляд на Ди Джи, с улыбкой). Кажется, / я тебя ⁶знаю.

Перевод II («Заколдованное королевство»):

Глюк: Дорога где-то ^{2\}здесь, / я / это ²знаю // (С улыбкой). Мне ¹знакомо твоё ¹лицо, / мы ⁴раньше встречались?

В первом переводе представлен минимум комического эффекта. Утверждая, что знает дорогу в столицу, Глюк дважды использует ИК-2 ('реализован именно этот вариант', то есть 'знаю несомненно, иначе и быть не может'), но сразу вслед за тем вводит утверждение со сниженной степенью уверенности, свидетельствующее о крайней забывчивости говорящего. Оно наводит на подозрение, что и дорогу в столицу он «знает» так же твёрдо, то есть выдаёт всю неадекватность Глюка и, как следствие, полную ненадёжность его в путешествии. Комичен в данном случае контраст смыслов 'несомненно знаю дорогу' и 'лишь смутно припоминаю свою спутницу'.

Во втором переводе Глюк не просто сознаётся в том, что внезапно забыл, кто с ним рядом, но и переходит от информативной речи к *поддержанию контакта*, то есть заводит светскую беседу (хотя их окружает опасность и прежде всего нужно уйти от погоны). Выбор более книжной, церемонной структуры (высказывание *Мне знакомо твоё лицо* относится к более высокому регистру общения, чем *Я тебя знаю*), развитие реплики во имя всё того же поддержания контакта, светское дистанцирование, достигнутое

¹ В работе используется понятие коммуникативной интерпретации, а также инвариантные параметры коммуникативных средств, предложенные М.Г. Безяевой в курсе «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста», читавшемся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2010–2014 учебных годах. При анализе интонационных средств мы основываемся на усложнённой интонационной транскрипции, разработанной Е.А. Брызгуновой [Брызгунова, 1980, 1982]. Ей же принадлежит первый опыт анализа интонационных средств в художественном тексте [Брызгунова, 1984].

при помощи ИК-4, сильные колебания тона в предцентре, дающие оттенок кокетства, — всё это крайне неуместно в сложившейся ситуации. Глюк во втором переводе не только не понимает, кто перед ним, но и выпадает из обстоятельств, в которых находится и которые резко отличны от обстановки светского раута. Таким образом, во втором переводе наблюдаются два накладывающихся друг на друга источника комизма: 1) контраст уверенности при поисках дороги (ИК-2, как и в первом случае) и резко сниженной степени уверенности при выражении ещё более базового знания ('кто моя спутница') и 2) появление контактоподдерживающей речи в ситуации, когда нужно быстрее мыслить и сосредоточиться на грозящей опасности (неуместный выбор коммуникативного типа высказывания). Отметим, что второй источник комизма всецело коммуникативного происхождения.

Тот же диалог содержит пример отсутствия коммуникативного комизма в одном из переводов при наличии его в другом.

Ди Джи и Глюк наблюдают из укрытия жуткую сцену убийства мирной семьи солдатами Азкаделии. Подбежав, они понимают, что сцена не происходила в реальности, а прокручивалась, как голографическое кино, и находят «проектор».

Перевод I («Железный человек»):

Ди Джи: Что² это?

Глюк: Тэ-Вэ-Гэ-Пэ-Вэ-О⁶ // Трёхмерный... / внутриэнергетический / голографический / проектор временного отрезка // Модная / безделушка // По-моему, / я её избрёл.

Перевод II («Заколдованное королевство»):

Ди Джи: Что² это?

Глюк: ТМЭ / АГПВПэ¹ // Трёхмерная / энергоавтономная / голографически проецируемая / временная петля // Изящная маленькая штучка // Чёрт, / по-моему, / я её избрёл.

В выделенном высказывании Глюка в первой версии комизма как такового нет. Говорящий с обычной для него сниженной степенью уверенности сообщает, что сам избрёл в своё время это устройство; это неожиданно, но вполне объяснимо и не смешно (не вступает ни в какое противоречие с известным ранее: он был советником королевы, человеком колоссальных знаний, теперь же страдает серьёзными провалами в памяти).

Во втором переводе в той же реплике за счёт коммуникативных средств достигается комический эффект. Используя единицу *чёрт*, Глюк указывает на то, что имеет место иная качественная характеристика ситуации, чем рассчитывал говорящий, что нарушает его интересы и представляет собой отход от бытовых норм. Параметр отхода от бытовых норм имеет сразу несколько реализаций: ‘я отклонился от нормы, так как забыл даже, что изобретение принадлежит мне’, ‘я отклонился от бытовой нормы (в хорошем или дурном смысле), когда изобрёл это’ и ‘ситуация отклонилась от бытовых/социальных норм, так как изобретённое мной устройство служит в руках врага совсем не благому делу, а я в этом косвенно виноват’. ИК-6 на словах *чёрт* и *по-моему* говорит о наличии неизвестной пока говорящему информации (‘в голове забрезжила мысль, но ещё неясная’), а ИК-3 на слове *я* довершает картину, так как передаёт значение ‘не могу сориентироваться в ситуации’, и это окончательно помогает сформировать оттенок растерянности и удивления. Такое стечение коммуникативных параметров оказывается комичным, поскольку сталкиваются смыслы: 1) ‘мне принадлежит сложнейшее изобретение’ — ‘необходимо, чтобы кто-нибудь подтвердил мне этот факт’; 2) ‘мне принадлежит необычное изобретение, требующее мощнейшего интеллекта’, — ‘считаю это совершенно ненормальным’.

При наличии большего числа версий перевода и/или на большем отрезке диалога мы можем наблюдать ещё более яркие случаи «блуждающего комизма», с ещё более сложными соотношениями смыслов и широким разбросом параметров.

Обратимся к эпизоду из японского анимационного фильма «Рыбка Поньо на утёсе» (2008): возле дома главных героев появляется вышедший со дна океана волшебник Фудзимото. Он странно выглядит, необычно одет и разбрызгивает вокруг себя морскую воду, так как не может существовать вне морской среды. Сравним реакцию героев на его появление в двух разных переводах.

Перевод I (студия RUSCICO, официальное дублирование):

Риса: Я не знаю, кто вы, / но не разбрызгивайте здесь химикаты.

Фудзимото: М? // Э... Ну, что вы, / никакой химии // . Это чистойшая морская вода // . Для увлажнения.

Риса: Ладно, / водой поливайте // . Мы поехали.

Фудзимото: Плохо дело! // Совсем плохо.

Риса: ¹Надо же, / ¹какой странный тип // ⁶Впрочем, Сооскэ, /
⁶нельзя судить людей / ¹по их внешнему виду.
 Сооскэ: ⁶А я и не сужу.

Как видим, какой бы то ни было комический эффект в этом переводе отсутствует. Риса, мама маленького мальчика, произносит банальную поучительную сентенцию, сын же в ответе указывает на то, что он, собственно, и ранее следовал этой сентенции в своём поведении.

Перевод II (одногласый любительский перевод, 2008):

Риса: Не знаю, кто вы, / ²но перестаньте ^{3²}поливать нашу дорогу
 химикатами!

Фудзимото: ^{6³}Нет, / ²это не химикаты // ⁴Я поливаю дорогу водой /
⁴из глубин / океана.

Риса: Тогда поливайте ⁶дальше! // ²Нам ⁷пора.

Фудзимото: ^{2³}Плохо! // ^{2³}Очень плохо!

Риса: ⁶Что ³это был за мерзкий тип? // ¹Но ³запомни, Сооскэ: /
 людей ³нельзя судить по внешнему виду.

Сооскэ: ⁷Хорошо, ⁷мама.

В этом переводе Риса, услышав, по меньшей мере, необычный ответ незнакомца про «воду из глубин океана» (в торжественной подаче, на ИК-4 с замедлением темпа — ‘вам следует соотнести реальность и ваше неверное предположение, между ними огромная дистанция’, с ИК-3 — ‘сориентируйтесь на очевидное положение дел, ведь это так естественно — поливать всё кругом водой из океанских глубин’), реагирует взбалмошно и, несомненно, комично, вводя энергичное разрешение, где содержится отсылка ко вновь открывшимся обстоятельствам (*тогда*) и смысл ‘должен быть реализован именно этот вариант — полив надо продолжать’ (ИК-2). Уже здесь сталкиваются плохо совместимые коммуникативные смыслы, порождающие вспышку комизма. Однако подведение Рисой итогов встречи оказывается ещё смешнее. Она выражает недоумение, включающее в себя нелестную характеристику Фудзимото (*Что⁶ это был за мерзкий тип¹?*; *что* — ‘незнание говорящим сложившейся нормы ситуации’; ИК-6 — указание на не-

известную говорящему информацию), сразу же спохватывается (*но* — происходит «погашение» предшествующей небенефактивности — переход от негативной характеристики Фудзимото к доброжелательной установке социума, гуманному призыву не судить по внешности) и вводит назидательную сентенцию для сына на ИК-3, значение которой развёртывается как ‘сориентируйся на социально значимую информацию, воспринимай её как непререкаемую истину’. Но главный комический контраст образуется здесь на более крупном, целеустановочном уровне. Первое высказывание определяется как недоумение; говорящий вполне мог адресовать это недоумение не собеседнику, а самому себе, следовательно, оно совершенно искренне (зачем лгать самому себе?). Оценка Фудзимото как мерзкого типа — это искренняя, неэтикетная позиция Рисы. Когда затем поспешно вводится назидание, невольно возникает мысль о большом лицемерии говорящего; за произнесённым маячит смысл ‘сын свою долю поучений в воспитательных целях получил, я же останусь при убеждении, что незнакомец — мерзкий тип’.

Следующий пример, взятый из анимационного фильма «Ходячий замок Хаула» (Япония, 2004), демонстрирует «плавающий», слабопредсказуемый характер коммуникативного комизма. Это довольно типичное соотношение трактовок, при котором в части переводов комизм отсутствует, в других же присутствует, однако размещение его там неидентично (эффект привязан к разным репликам). Рассмотрим сцену, в которой к главной героине, Софи, пристают в переулке солдаты и её выручает незнакомец, который впоследствии оказывается знаменитым волшебником Хаулом. В первых двух переводах (заметим, значительно отличающихся друг от друга на коммуникативном уровне) комического эффекта не возникает.

Перевод I:

Первый солдат: Привет! // Что ищет наша... милая мышка?

Софи: Спасибо, / но я справлюсь сама.

Первый солдат: Может, выпьем вместе чай?

Софи: Простите... / но меня ждут дела.

Второй солдат: Посмотри, / она и вправду похожа на мышку.

Первый солдат: Сколько тебе лет? // Ты из этого города?

Софи: Пропустите меня!

Первый солдат (второму): Вот видишь, / твои усы, как всегда, /
все испортили.

Второй солдат: Она милая, даже когда злится.

Хаул (обращаясь к Софи): Простите за опоздание // . Вот вы где.

Первый солдат: А ты кто такой?

Хаул: Я вместе с ней // . А вас я попрошу... / немного прогуляться.

(По мановению его руки солдаты становятся по стойке «смирно», против своего желания разворачиваются и уходят строевым шагом.)

Хаул: Простите их // . На самом деле они хорошие парни // .
Вам куда? // Позвольте мне вас проводить².

Перевод II (субтитры):

— Эй, ты что-то здесь ищешь, маленькая мышка?

— Нет, господин, ничего.

— Что скажешь, если мы пригласим тебя на чашечку чая?

— Спасибо, но мне некогда.

— А ты и правда похожа на маленькую мышку.

— Да, а сколько тебе лет? Ты живёшь в этом городе?

— Позвольте мне пройти, пожалуйста.

— Ты её испугал своими кошачьими усами!

— Хе-хе, она очень миленькая, когда сердится...

— Ах, вот ты где. Я тебя искал.

— А ты кто такой?

— Я — друг... но это не важно. Вам всё равно уже пора пойти куда-нибудь поразвлечься.

— То есть что это он хочет сказать?! Моё тело двигается само по себе...

— Они тебе не хотели зла... Прости. Куда вы идёте, мадемуазель? Позвольте мне вас сопровождать.

В третьем переводе появляется несомненно комичная реакция солдат на применение к ним волшебства (в других переводах соответствующая реплика отсутствует либо представляет собой обычное выражение недоумения, растерянности, которое не заставляет зрителя смеяться):

Перевод III:

Хаул: Прости // . Задержался // . Я тебя везде ищу.

Первый солдат: А ты кто такой²?

Хаул: Я её ↓ сопровождаю // . А вы, парни, может, пойдёте прогуляетесь?

(По мановению его руки солдаты становятся по стойке «смирно», против своего желания разворачиваются и уходят строевым шагом.)

Солдаты: Что / такое? // Чего / это? // Это / как?

Хаул: Ты уж их прости // . Они вообще-то неплохие ребята // . Тебе куда? // Давай провожу.

В выделенном высказывании *что*, *чего* означает ‘говорящим неизвестна сложившаяся норма ситуации’, *такое* — ‘говорящие ощущают на себе следствия из ситуации, не соответствующие их представлениям о норме и явно небенефактивные для них’, *это* — ‘имеет место иная качественная характеристика ситуации, чем рассчитывали говорящие (ничего подобного с ними просто никогда не случилось)’, *как* — ‘полное отсутствие у говорящих предшествующего представления о реализуемом варианте’. Очень большая концентрация средств, передающих неуверенность и нулевую компетентность, контрастирует с их прежней самоуверенностью и наглостью. Наконец, многократно повторённая ИК-7, в свою очередь, обеспечивает комизм: она реализует здесь параметр *расхождения позиций*, только вот в расхождении солдаты находятся не с собеседником или каким-то иным оппонентом, а со своими собственными ногами, которые быстро уносят их прочь из переулка, где они хотели бы задержаться.

В четвёртом переводе реакция солдат не выделяется на фоне других переводов, однако стоит обратить внимание на реплику Хаула, с которой тот заколдовывает солдат:

Перевод IV:

Хаул: А, / вот и ты // . А я тебя искал.

Первый солдат: Какого чёрта, / ты кто такой?

Хаул: Да, так, никто // . Кстати говоря, / ребят, / вам не надо идти разбе?

(По мановению его руки солдаты становятся по стойке «смирно», против своего желания разворачиваются и уходят строевым шагом.)

Солдаты: Эй, эй, стой // . Кто... ты, чего, делаець? // . Мое тело меня не слушается.

Хаул: Не волнуйся²¹ //. Они тебя не тронут¹ //. И куда же вы[\]
идёте, мисс? // Позвольте, / я вас провожу.

В ответе Хаула *да* указывает на неадекватность вопрошающего ('сам данный вопрос совершенно ни к чему'), *так* — на отсутствие каких бы то ни было небенефактивных следствий для собеседников из сложившейся ситуации, смычка голосовых связок говорит о расхождении позиций говорящего и слушающих ('если вы считаете, что важно знать, кто я такой, так поверьте мне — это совсем не важно'), убыстрение темпа дополнительно снижает значимость вводимой информации. Далее, при помощи *кстати говоря* Хаул вводит информацию, которая оказывается «кстати» только с его собственной точки зрения, но в представлении слушающих ничем не поддержана (они и не подозревали, что им «надо идти»); используя *надо*, Хаул насмешливо подаёт эту необходимость ухода как якобы потребность минисоциума ('и сами вы заинтересованы в том, чтобы куда-то отправиться, и некое общее для всех нас дело того требует') и подкрепляет это интимизирующим обращением *ребят(а)* и центром ИК-3 ('я ориентирован на вашу позицию, но и вы ориентируйтесь на имеющиеся обстоятельства: вам явно уже пора'); *разве* передаёт смысл 'говорящий противопоставляет поведение адресатов своему фоновому знанию — вы ведёте себя так, как будто вам ещё не пора уходить, но я знаю обратное'.

Если сравнить это с репликой из третьего перевода: «А вы, пар-
ни, может, пойдёте прогуляйтесь?»³ (где *a* — ввод слушающих в новую для них ситуацию, *может* — ненастойчивый ввод варианта действий, нарушающего норму развития ситуации, при учёте факторов, препятствующих исполнению каузируемого действия, *будущее время глагола* — акцентуация (мнимой) необязательности реализации данного действия, ИК-3 — предложение сориентироваться на позицию говорящего), то мы увидим, что в третьем переводе целеустановка задана как мягкое предложение, в четвёртом же сформировано заботливое напоминание с оттенком недоумения — ложная целеустановка, маскирующая насмешку. Обратим внимание на отсутствие в четвёртом переводе *a* (ср.: *Кстати говоря, ребят, а вам не надо идти разве?*); наличие данной единицы свидетельствовало бы о переходе говорящего к новой ситуации, что уменьшило бы эффект комичной псевдозаботливости: в отсутствие *a* говорящий как бы изначально посвящён и погружён в ситуацию собеседников и даже не думал из неё выходить (только об их делах и печётся).

Заметим, что сколь угодно тщательный анализ диалога в первых двух переводах никоим образом не подскажет нам, в каких репликах можно ожидать появления коммуникативного комизма в

других версиях, где здесь имеется «ниша», потенциальная почва для комического. Противоречие коммуникативных смыслов может возникнуть на крайне малом речевом отрезке и не прогнозируется, причём выбранные коммуникативные параметры могут контрастировать как друг с другом, так и с номинативно выраженной либо визуально введённой информацией, с показанными зрителю обстоятельствами.

Рассмотрим пример из фильма А. Куросавы «Цубаки Сандзюро» (1962): в четырёх разных переводах передаётся реакция бывалого, опытного воина, который во время слежки за домом молниеносно перемещается на новую позицию — из одного укрытия в другое — и видит, что группка молодых самураев, во всём берущих с него пример, неуклюже и нелепо пытается следовать за ним «хвостом».

Перевод I (А. Руссков, любительский одноголосый):

Сандзюро: Передвигаться, как сороконожка // ¹. Этого нам и не ₁ хватало.

Использованный здесь *инфинитив* — попытка говорящего сориентироваться на норму происходящего, осмыслить её; удлинение гласного на первом центре ИК-1 маркирует, что поведение слушающих произвело на него определённое впечатление (которое может быть как позитивным, так и негативным). Вторая часть высказывания окончательно позволяет определить целеустановку как иронию (*это* — одновременно должная и недолжная качественная характеристика происходящего; *и* — соответствие/несоответствие предполагаемому). Важно, что вся информация вводится на ИК-1, следовательно, подаётся как лежащая в пределах нормы. Оценка происходящего как нормы контрастирует с ситуацией, а именно — с опасностью, в которой находятся герои. К этому добавляется столкновение антонимичных реализаций самих параметров: говоря ¹ «Передвигаться, как сороконожка», Сандзюро словно бы спокойно взвешивает преимущества и недостатки этой впечатлившей его военной тактики, и только следующее высказывание припечатывает адресатов как далеко отклонившихся от нормы, причём вновь — при маркированном соответствии ситуации в целом норме (ИК-1). За сложным взаимодействием антонимичных развёрток параметров проявляется смысл 'я знал, что вам недостаёт опыта и ума, но не думал, что настолько'.

Упрёк, возмущение и раздражение, представленные на этом месте в других переводах, не способствуют возникновению коммуникативного контраста:

Перевод II (профессиональный, многоголосый закадровый):

Санджуро: Мы не можем ходить, как сороконожка.

Перевод III (Cinema Prestige, профессиональный, двухголосый закадровый):

Санджуро: Чёрт! // Нельзя нам ползать, как сороконожка!

Перевод IV (профессиональный, одноголосый закадровый):

Санджуро: Да не идите вы за мной!

Другой эпизод из того же фильма Куросавы вновь убедительно иллюстрирует феномен «блуждающего комизма»: из четырёх имеющихся у нас переводов коммуникативный комизм появляется в двух — реплики, где наблюдается данный эффект, не совпадают. Это сцена, где Санджуро намерен тайком пробраться в усадьбу врага по соседству (Дворец камелий / Усадьба камелий), чтобы подготовить освобождение содержащегося там пленника, и обсуждает с помощниками, как лучше подать им сигнал к атаке.

Перевод I (А. Руссков, любительский одноголосый):

Санджуро: Не нападать, пока не дам сигнал!

Самурай: Поняли // Какой сигнал?

Санджуро: Я подожду дом.

Жена управляющего: Что вы, / это же слишком жестоко.

Дочь управляющего: У меня есть мысль // Бросьте / что-нибудь в ручей // Когда мы это увидим, / мы поймём, / что вы / дали сигнал¹.

Жена управляющего: Какая умная девочка! // Никого не надо убивать.

Дочь управляющего: Раз уж бросать что-нибудь из Дворца камелий, / почему бы не бросить камелии? // Например, / красные камелии // Они очень красивы¹.

Жена управляющего: А мне больше нравятся белые.

Санджуро: Впрочем, / какая разница? // Так, / камелии.

Один из самураев: Но они сами по себе иногда падают.⁴⁶

Сандзюро: Вы поймёте,² когда их брошу я.

Первый проблеск смешного наблюдается здесь на грани коммуникативного и номинативного: Сандзюро прерывает эстетический спор о сравнительной красоте камелий (не вполне уместный в ситуации боевых действий) и подытоживает: «Так, / камелии»: ‘реализованный вариант (ИК-2) соответствует представлению говорящего о норме, при этом он оценивает ситуацию как бенефактивную и актуализирует идею следствий из этого (*так*), то есть камелии как идея годятся, но необходимо переходить к задуманным действиям’, ИК-1² на слове *камелии*, с одной стороны, отмечает камелии как приемлемый вариант (оттенок ИК-2), с другой — указывает на то, что ситуация эта остаётся в границах нормы (ИК-1). Так образуется лёгкий комический контраст: суровый воин включает в свой стратегический план (показывая это коммуникативными средствами) нечто столь эфемерное, хрупкое и прекрасное, как камелии (номинативный аспект).

Финальная реплика Сандзюро являет собой пример полноценного коммуникативного комизма: в ответ на высказанное союзником беспокойство, сумеют ли они распознать такой сигнал, ведь камелии и «сами по себе иногда падают», командир отряда обещает:

«Вы поймёте², когда их брошу я». Здесь ИК-2 означает ‘может быть реализован только этот вариант’, *будущее время глаголов* подчёркивает обязательность реализации, *но-* в *поймёте* связано с будущим переключением ситуации на бенефактивную, *я*, отнесённое в конец синтагмы, формирует противопоставление обычного, природного явления тому сигналу, который подаст говорящий, однако что именно он собирается сделать, не эксплицировано (ср. все остальные переводы). Это неназывание предстоящего действия в какой-то мере сближает слова Сандзюро с неназыванием действия возмездия при угрозе. Слушающий волен сам достроить, что же произойдёт и как будет выглядеть этот сигнал, — при полной уверенности говорящего в том, что никаких пояснений не потребуется.

Во втором и третьем переводах коммуникативный комизм никак себя не проявляет, тем не менее мы приводим их здесь для сравнения:

Перевод II (профессиональный, многоголосый закадровый):

Сандзюро: Ждите, пока я не буду уверен,^{6/} / что мы сможем его¹² освободить.

Самураи: А что будет сигналом?

Сандзюро: Когда загорится дом.

Жена камергера: Нет, / это слишком дико.

Дочь камергера: У меня идея // Пошлите что-нибудь по ручью... /
а мы... / проследим.

Жена камергера: Это... / прекрасная / идея // Мирный / способ.

Дочь камергера: Это / от усадьбы «Камелия», / так почему
бы... / не выслать камелию? // Сигнал к атаке — / красная... /
камелия.

Жена камергера: Это должно быть чудесно // Но... / я бы пред-
почла белую.

Сандзюро: Какая разница! // Камелия.

Один из самураев: Но некоторые падают... естественным путём.

Сандзюро: Я брошу охапку.

Перевод III (Cinema Prestige, профессиональный, многоголосый закадровый):

Сандзюро: Всё ясно? // Я подам сигнал... / когда можно будет
зайти в поместье.

Самураи: Ясно // Какой сигнал?

Сандзюро: Ждите, пока я не подожгу особняк.

Жена управляющего: Это слишком рискованно.

Дочь управляющего: Я знаю сигнал // Пустите что-нибудь по
ручью... / из Дома камелий // Ваш сигнал... / мы не пропустим, /
мы будем у ручья.

Жена управляющего: Доченька, / как славно ты придумала //
Изящно / и деликатно.

Дочь управляющего: Знаешь, мам? — / это ведь Дом камелий //
Может быть — / цветок камелии? // Красные камелии! // Это... /

так / красиво!

Жена управляющего: Я предпочитаю белые камелии.

Санджуро: Камелии и есть камелии // . Какая разница.

Один из самураев: Но иногда они сами падают в ручей.

Санджуро: Брошу целую охапку.

В четвёртом переводе финальное обсуждение выстреливает целым фейерверком неуместных по отношению к ситуации и друг к другу коммуникативных параметров.

Перевод IV (профессиональный, одноголосый закадровый):

Санджуро: Всем ясно? // Не атаковать, пока я не скажу // . Пока я не буду уверен, / что... можно спасти управляющего.

Один из самураев: А какой твой будет сигнал?

Санджуро: Когда дом начнёт гореть...

Жена управляющего: → Нет, / это слишком уж опасно.

Дочь управляющего: У меня есть идея / по этому поводу // . Пошлите что-нибудь вниз по течению // . Это будет очень понятный / и быстрый сигнал.

Жена управляющего: Какая умная девочка! // Отличная идея.

Дочь управляющего: Раз это будет Дворец камелий, / почему бы не послать камелии? // Пошлите красные камелии // . Это будет в качестве сигнала // . Они очень красивые.

Жена управляющего: Ну, мне, честно говоря, нравятся больше белые.

Санджуро: Да ладно, / какая, к чёрту, разница, / камелии...

Жена управляющего возражает дочери, начиная высказывание с ну, что привносит смысл ‘я говорю это, реагируя на всеобщее ожидание моего мнения по этому вопросу’; *честно говоря* — ‘говорящий высказывает позицию, отличную от позиции собеседника, при том, что осознаёт, что такая позиция может быть воспринята адресатом или третьими лицами как отклонение от нормы’. Введение в структуру этих средств непомерно увеличивает важность во-

проса о цвете камелий, что очень смешно в ситуации военного совета. Коммуникативные параметры в ответе Сандзюро интерпретируются следующим образом: *да* — ‘говорящий указывает слушающим на неадекватность их поведения’, *ладно* — ‘говорящий предлагает слушающим отвлечься от их интересов в данной ситуации ради общего дела’, *какая* — ‘у говорящего отсутствует представление о реализуемом варианте развития ситуации, то есть он не представляет, о чём и зачем можно в данном случае спорить’, *к черту* — ‘имеет место иная качественная характеристика ситуации, чем рассчитывал говорящий (обсуждается сигнал к атаке, а не эстетический аспект дела), что нарушает интересы всех присутствующих и является отходом от социальных норм’. В то же время высказывание Сандзюро, который прав с точки зрения логики, этикетно неуместно, так как предполагается, что он должен более вежливо обращаться с дамами-аристократками.

Простейший вариант коммуникативного комизма — такой ход переводчика, при котором сам выбор целеустановки вступает в противоречие с ситуацией либо с соседней целеустановкой. Если этого не произошло, есть ещё две другие ступени варьирования — уровень конструкции и уровень отдельных средств с их инвариантными параметрами, и работа переводчика на любой из этих ступеней чревата возникновением коммуникативного противоречия, в том числе, по-видимому, и незапланированного. Смеховой эффект вырастает из трактовки, та получает своё настоящее завершение при озвучании, а колоссальные смысловые возможности русских звучащих средств обеспечивают непредсказуемость итогового варианта.

Это, в частности, означает, что обращение к оригиналу и соотнесение версий перевода с оригинальным диалогом с целью выяснить, какое именно распределение комического было задано средствами коммуникативного уровня в исходном тексте и кто из переводчиков в данном случае «подхватил посыл» автора оригинала и точнее всех реализовал его русскими средствами, более или менее бесполезны. Такой анализ возможен для номинативного уровня, но не для коммуникативного.

Таким образом, появление комического в том или ином месте русской звучащей коммуникативной дорожки не может быть спрогнозировано теоретически. Кроме того, как было показано, различаются как градация комического при его наличии, так и процент комического в разных переводах одного диалога (количество затронутых им реплик). Такое положение дел может служить основой для формирования различных характеристик персонажей, различного впечатления от эпизода и, наконец, для жанровых колебаний и мены жанра при переводе фильмов.

Список литературы

- Безяева М.Г.* Коммуникативная семантика звучащего художественного текста // IV Международный конгресс «Русский язык. Исторические судьбы и современность». М., 2010.
- Безяева М.Г.* Коммуникативное поле как единица языка и текста // V Международный конгресс «Русский язык. Исторические судьбы и современность». М., 2014.
- Безяева М.Г.* О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 2.
- Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
- Безяева М.Г.* Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.
- Брызгунова Е.А.* Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. Т. 2. М., 1982.
- Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
- Коростелёва А.А.* Об особенностях коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском, польском и ирландском языках // Слово. Грамматика. Речь. Вып. X. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.
- Коростелёва А.А.* К вопросу о допустимой степени расхождения коммуникативной интерпретации переводного фильма и оригинала («Катень» А. Вайды) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XII. М., 2010.

И.С. Парина,

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: parina@yandex.ru

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УСЛОВИЯХ НЕДОСТАТОЧНОСТИ СЛОВАРНЫХ ДАННЫХ (на материале студенческих работ)

В статье рассматривается перевод фразеологизмов, о которых в лексикографических источниках дана неполная или неточная информация. Материалом служат выполненные студентами переводы немецкоязычных газетных статей общественно-политической тематики. Показано, что неточности словарного описания могут повлиять на качество перевода. В то же время отсутствие готового словарного эквивалента не препятствует успешному переводу идиом. Основная причина ошибок состоит в нарушении норм переводящего языка.

Ключевые слова: фразеология, лексикография, перевод.

Irina S. Parina,

Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia; e-mail: parina@yandex.ru

TRANSLATING PHRASEMES WITH DEFICIENT LEXICOGRAPHIC DESCRIPTIONS: A CASE STUDY OF STUDENTS' TRANSLATIONS

The aim of the present article is to show how students cope with translating phrasemes for which sufficient information is not available in dictionaries. Though incorrect lexicographic information sometimes leads to inaccurate translation, the absence of a dictionary equivalent does not necessarily cause problems.

Key words: phraseology, lexicography, translation.

Изучению фразеологии в рамках занятий по иностранному языку посвящено немало научных работ. Чаще всего в них обсуждаются проблемы создания и использования учебных словарей [Hallsteinsdóttir, 2009; Szczepaniak, 2006], составления фразеологических минимумов и оптимумов — то есть списков единиц, с которыми необходимо знакомить учащихся в первую очередь [Gréciano, 1999; Hallsteinsdóttir, 2001; Hessky, 2007], значимость различных аспектов семантики фразеологизмов (образной основы, буквального значения компонентов, этимологии) [Hallsteinsdóttir, 2007, 2009; Kühn, 1993], а также влияние родного языка учащихся на усвоение фразеологии иностранного языка — интерференция и трансференция [Hallsteinsdóttir, 2007, 2009; Hessky, 1997, 2007; Jesenšek, 2007].

В то же время при обсуждении вопросов подготовки переводчиков о фразеологии речь заходит нечасто — возможно, потому, что фразеологизмы с точки зрения перевода — это лишь одно из многочисленных языковых явлений, при передаче которых могут возникнуть затруднения. Однако эта тема заслуживает внимания, поскольку здесь требуется несколько иной подход, чем при преподавании иностранного языка. Например, для будущего письменного переводчика умение распознать в тексте устойчивое сочетание слов — в том числе и малоупотребительное — может оказаться важнее, чем знание наиболее распространённых фразеологизмов иностранного языка. Ведь, как отмечают, например, С. Влахов и С. Флорин, неудача при переводе устойчивого словосочетания нередко бывает связана с тем, что его ошибочно принимают за свободное сочетание слов или авторскую метафору [Влахов, Флорин, 1980, с. 180].

Кроме того, переводчику необходимо умение работать со словарями и справочниками — самыми разнообразными, в то время как в преподавании иностранного языка используются преимущественно учебные словари. Заметим, что исследователи периодически обращают внимание на недостатки словарей — как общих, так и учебных, — и на низкую эффективность их применения. Так, У. Валенчич Арх [Valenčič Arh, 2007] указывает, что при переводе студенты, вместо того чтобы вчитаться в текст оригинала и проанализировать его структуру, концентрируются на значении отдельных языковых единиц и сразу переходят к их поиску в словаре. В проведённом Р. Шчепаниак [Szczepaniak, 2006] эксперименте показано, что студенты лишь в 28 процентах случаев смогли, пользуясь учебным одноязычным словарём, объяснить значение модифицированных идиом в контексте, — в основном же они дословно копировали словарное толкование. Автор исследования связывает столь низкий результат с тем, что статьи учебного словаря чрезмерно упрощены, и потому представленная в них информация недостаточна для понимания значения идиомы. Кроме того, в них не хватает примеров и прагматической информации об употреблении фразеологизмов [Szczepaniak, 2006, с. 88]. На поверхностность словарных толкований фразеологизмов указывает и Ш. Эттингер [Ettinger, 2007, s. 897].

В переводе словарь играет несколько иную роль, чем в изучении языка. Эквивалентность в переводе, в первую очередь, определяется контекстом — то есть общими параметрами текста, а не отдельными лексическими единицами [Добровольский, 2013, с. 536]. Поэтому в словаре в принципе не может быть исчерпывающего списка готовых соответствий, которые позволили бы передать значение фразеологизма в любом контексте. Словарь может лишь послужить

переводчику ориентиром — но в реальности он не в полной мере выполняет и эту функцию, так как информация в нём иногда оказывается неточной или вовсе отсутствует. О том, как неточность словарного описания может отразиться на качестве перевода, пойдёт речь в настоящей статье.

Материалом для исследования послужили переводы на русский язык статей общественно-политической тематики из немецких газет ZEIT ONLINE, Frankfurter Allgemeine и Süddeutsche Zeitung, подготовленные студентами пятого курса переводческого факультета НГЛУ, изучавшими немецкий язык как первый иностранный. Общий объём статей составил 25 800 знаков. Число студентов, выполнявших перевод одного текста, варьировалось от 7 до 15. При переводе студенты использовали следующие источники: Большой немецко-русский словарь [БНРС, 2004], одноязычный словарь фразеологии [Duden, 2002], базу данных по немецкой фразеологии [Redensarten-Index] и электронный пользовательский словарь [Мультигран]. Переводившиеся студентами статьи содержали одиннадцать идиом. Нами было установлено, что для четырёх из них в указанных источниках даны неполные сведения. Контексты с этими идиомами и предложенные студентами варианты перевода будут подробно рассмотрены далее.

Первая идиома — *auf breiter Front* — не указана ни в одном из названных источников. На ресурсе [Мультигран] встречается словосочетание *in breiter Front*, для которого предлагаются соответствия *на широком фронте*, *широким фронтом*. Статья снабжена пометой *воен.*, которая даёт основания предполагать, что сфера употребления идиомы ограничена, и, таким образом, в переводимом контексте, где речь идёт о снижении цен, словарное соответствие не будет уместным:

*Regierung und Zentralbank haben sich vorgenommen, Japan von der langjährigen Deflation — also einem konjunkturschädlichen Preisverfall auf breiter Front — zu befreien*¹.

Возможно, по этой причине ни один из студентов не использовал в переводе указанное в словаре [Мультигран] соответствие. В проанализированных работах предлагались варианты описательного перевода — более (*широкомасштабное падение цен*) или менее удачные (*падении цен по всем направлениям*), либо нулевой перевод.

Между тем в русском языке, как и в немецком, употребление словосочетания «*широким фронтом*» не ограничивается военной сферой. Так, в Национальном корпусе русского языка встречается ряд примеров употребления фразеологизма, в которых речь идёт о снижении или росте цен:

¹ Источник: <http://www.zeit.de/wirtschaft/2014-10/geldpolitik-japan>

*Бумаги компаний дорожали широким фронтом, а тон задавал высокотехнологичный сектор*².

Таким образом, словарь в определённой степени дезориентировал переводчиков — и хотя в ряде случаев это не помешало им предложить адекватный вариант перевода, общий «репертуар» использованных ими средств был неоправданно ограничен.

Фразеологизм *etw. zur Disposition stellen* не указан в базе данных [Redensarten-Index] и словаре [Duden, 2002], однако зафиксирован в использовавшихся студентами двуязычных источниках. В словаре [БНРС, 2004] для него предлагаются соответствия *перевести в резерв, уволить в запас; не принять (товар)*, а на сайте [Мультитран] — *временно отстранить, уволить*. Однако эти эквиваленты вряд ли могут быть использованы в контексте, где речь идёт об отказе от реализации отдельных положений планируемой реформы бундесвера.

*Der derzeit aus den Leitlinien zur Neuausrichtung der Bundeswehr „abzuleitende Ausrüstungs-Bedarf“ sei „im Planungszeitraum nicht mit finanziellen Mitteln hinterlegt“, heißt es in dem Dokument. Sollte es „in der mittelfristigen Perspektive“ keine „angemessene Erhöhung“ der <...> vorgesehenen Haushaltsmittel geben, sei eine „Präzisierung der Zielvorgaben“ unvermeidlich. Damit werden indirekt die Vorgaben der laufenden Reform zur Disposition gestellt*³.

Несмотря на неполноту информации в лексикографических источниках, большинством (шестью из семи) студентов предложение, содержащее фразеологизм, было переведено адекватно, например:

Если «в среднесрочной перспективе» не будет произведено «соответственного увеличения» бюджетных средств, <...> окажется неизбежным «уточнение целей реформы». Это приведёт к отказу от некоторых её пунктов.

Если в среднесрочной перспективе увеличения финансовых средств <...> не произойдёт, возникнет необходимость в пересмотре положений военной реформы.

Если «в ближайшее время» не будет принято решение о «надлежащем увеличении бюджета» <...>, встанет необходимость «пересмотра целей». Таким образом, придётся отказаться от отдельных положений реформы.

Лишь один вариант противоречил смыслу оригинала:

Таким образом, цели Бундесвера будут косвенно противопоставлены целям текущей реформы.

Ошибка в переводе, скорее всего, связана с неправильным толкованием структуры оригинала: родительный падеж *der laufenden*

² РБК Daily, 2004.03.26, пример из Национального корпуса русского языка.

³ Источник: <http://www.sueddeutsche.de/politik/finanznot-bundeswehr-bangt-um-ihre-kampfkraft-1.2200856>

Reform воспринят как дательный, и «положения реформы» превратились в положения, «которые будут противопоставлены реформе». Этот пример иллюстрирует типичную проблему начинающих переводчиков: неправильно поняв одно слово в контексте, они не обращают внимания на нелогичность получившейся структуры или даже стремятся приспособить всю её к своему варианту перевода. С. Влахов и С. Флорин называли её «гипнозом слова» [Влахов, Флорин, 1980, с. 180].

Ещё один фразеологизм — *die Post geht ab* — в двуязычном словаре [БНРС, 2004] не зафиксирован. В словаре [Duden, 2002] в лемме опущен глагол — *Ab die Post!* — что может усложнить словарный поиск. Поскольку в тексте оригинала фразеологизм употребляется в форме изъявительного наклонения прошедшего времени, словарное толкование в форме повелительного наклонения (*ugs.*): *schnell fort!; los, vorwärts!* — (букв. «уйди скорее! давай, иди!») едва ли позволит уяснить его значение в контексте, где он к тому же употребляется с адвербиальным модификатором *geopolitisch*:

*Abgesehen von der Finanzkrise und dem Preisabsturz 2008 und 2009, wurde Öl tatsächlich immer teurer. Doch seitdem stagnieren die Preise und gehen langsam nach unten — und zwar gerade in den Jahren, in denen, begonnen mit dem arabischen Frühling, geopolitisch die Post abging*⁴.

На сайте [Redensarten-Index] фразеологизм указан в форме изъявительного наклонения, и для него предлагается иное толкование: *es ist Stimmung (meist: Freude, seltener: Ärger); es ist viel los; es herrscht Aufregung; es wird kräftig gefeiert* — «все охвачены каким-либо настроением (радостью, реже злостью); кипит веселье; кругом воодушевление; происходят бурные празднества». Словарная статья снабжена целым рядом примеров, указывающих на широкую сферу употребления фразеологизма, и в целом может быть полезной для переводчика. Наконец, на сайте [Мультитран] для *es geht die Post ab* предлагаются русскоязычные соответствия *кипит, бурлит жизнь, царит веселье и событие набрало обороты*. Последнее из них, по-видимому, содержит речевую ошибку, поскольку для фразеологизма *набирать обороты* нетипичная форма совершенного вида (ср., например, [Ожегов]). К сожалению, именно оно и было выбрано некоторыми студентами для использования в переводе. В ряде работ встречалась форма несовершенного вида, но и она не вполне корректна, поскольку неясно, о каком «событии» идёт речь:

Однако в последнее время, начиная с арабской весны, цены медленно, но стабильно падают, когда событие набрало обороты (сохранена авторская пунктуация. — И.П.).

⁴ Источник: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/trotz-weltweiten-krisen-bleibt-der-oelpreis-stabil-13151814-p2.html>

Но после «Арабской весны» цены остановились и даже начали падать — **событие набирало обороты**.

Всё же с тех пор цены остановились на одном уровне и начали медленно снижаться — как раз в течение тех лет, после начала арабской весны, **события начали набирать оборот** (сохранена авторская пунктуация. — И.П.).

Здесь нужно отметить ещё одну тенденцию, негативно влияющую на качество студенческих переводов, — отсутствие критического подхода к эквивалентам из электронного словаря «Мультитран». Этот ресурс приобрёл у студентов большую популярность, благодаря наличию на нём множества переведённых фраз и целых предложений и бесплатному доступу. Однако, по-видимому, следует обращать внимание учащихся на то, что «Мультитран» — это пользовательский словарь, и далеко не вся содержащаяся в нём информация прошла квалифицированную проверку.

Что же касается контекстов с фразеологизмом *die Post geht ab*, то для них было предложено и несколько адекватных вариантов перевода — в основном описательного:

Однако с того самого времени, когда геополитическая ситуация в мире стала слишком беспокойной, а именно с начала «арабской весны», цены перестали расти и поползли вниз.

Однако с тех пор цены не повышались, а наоборот, пошли на спад — и при этом именно в те годы, когда <...> в арабском мире произошло большое количество вооружённых конфликтов.

Но с того времени цены стали медленно понижаться — как раз в те годы, когда <...> события на геополитической арене развивались более чем стремительно.

И, наконец, четвертая идиома, не представленная ни в БНРС [2004], ни в Мультитран — *am Boden liegen*. Её нет и в Duden [2002], где указан только близкий по форме фразеологизм *am Boden zerstört sein*, имеющий значение «быть подавленным, сломленным». Это тем более удивительно, что фразеологизм *am Boden liegen* высокочастотен. В крупнейшем корпусе немецкого языка [DeReKo] из почти 79 тысяч контекстов со словосочетанием *am Boden* в двадцати тысячах оно встречается именно с глаголом *liegen* (с *zerstören*, для сравнения — лишь в трёх с половиной тысячах).

Лексикографическое описание фразеологизма *am Boden liegen* дано лишь в базе [Redensarten-Index]: „*geschwächt, kampfunfähig sein, sich in einem schlechten Zustand befinden*“ — «быть ослабленным, небоеспособным, находиться в плохом состоянии». Однако, несмотря на недостаток справочной информации, студенты успешно справились с переводом фразеологизма, предложив целый ряд адекватных соответствий:

*Europas Wirtschaft lag am Boden, doch den Deutschen ging es so gut wie lange nicht*⁵.

В то время как экономика других стран Европы переживала спад, в Германии всё шло только в гору.

В то время как в Европе бушевал кризис, в Германии дела шли хорошо.

В то время как экономику Европы сотрясал небывалый кризис, экономика Германии переживала лучшие времена.

Отдельные неудачи в переводе были связаны с нарушением норм семантической сочетаемости:

В то время как экономика Европы барахталась на дне, в Германии всё шло как никогда прекрасно.

Таким образом, наличие эквивалентов фразеологизма в двуязычном словаре не является залогом его успешного перевода в конкретном контексте, а отсутствие готовых словарных соответствий — препятствием его адекватному переводу. В целом наиболее существенным фактором, определяющим эффективность перевода контекстов, содержащих фразеологизмы (как рассмотренные в статье подробно, так и прочие, встретившиеся в переведённых студентами статьях), оказалось владение русским языком. Ошибки в переводе были преимущественно связаны с нарушениями семантической сочетаемости и структуры фразеологизма.

Поэтому при подготовке студентов следует обращать их внимание на необходимость соблюдать нормы переводящего языка, особенно сочетаемостные, не полагаться на словарь и интуицию, а проверять свои догадки — например, с помощью текстовых корпусов.

Список литературы

БНРС — Большой немецко-русский словарь по общей лексике / Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др. Под общ. рук. О.И. Москальской. М.: Русский Язык Медиа, 2004.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 352 с.

Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.

Мультитран — Электронный словарь Мультитран [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.multitran.ru>

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>

Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru>

Redensarten-Index — Redensarten-Index [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.redensarten-index.de>

⁵ Источник: <http://www.zeit.de/2014/47/kapitalismus-marktwirtschaft-zeitgeist>

- DeReKo — The Mannheim German Reference Corpus [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>
- Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. — 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim u. a.: Dudenverlag, 2002. 954 s.
- Ettinger, S.* Phraseme im Fremdsprachenunterricht // Phraseologie/Phraseology. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / An International Handbook of Contemporary Research. Berlin; N.Y.: de Gruyter, 2007. S. 893–908.
- Frankfurter Allgemeine [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.faz.net>
- Gréciano, G.* Phraseologisches Minimum als Berufschance. Zur mündlichen Übersetzung (Deutsch — Französisch) in der Agrégation // A. Sabban (Hrsg.): Phraseologie und Übersetzen. Phrasemata II. Bielefeld: Aisthesis, 1999. S. 131–145.
- Hallsteindóttir, E.* Zweisprachige Lernerphraseografie aus funktionaler Sicht // C. Mellado Blanco (Hrsg.). Theorie und Praxis der idiomatischen Wörterbücher. Tübingen: Max Niemeyer, 2009. S. 208–230.
- Hallsteinsdóttir, E.* Das Verstehen idiomatischer Phraseologismen in der Fremdsprache Deutsch. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2001. 350 s.
- Hallsteinsdóttir, E.* Kontrastive Phraseologie in der Fremdsprache Deutsch // V. Jesenšek, M. Fabčič (Hrsg.). Phraseologie kontrastiv und didaktisch. Neue Ansätze in der Fremdsprachenvermittlung. Maribor: Slavistično društvo: Filozofska fakulteta, 2007. S. 207–220.
- Hessky, R.* Feste Wendungen — ein heißes Eisen? Einige phraseodidaktische Überlegungen für den DaF-Unterricht // Deutsch als Fremdsprache. 1997 (3). S. 139–143.
- Hessky, R.* Perspektivwechsel in der Arbeit mit Phraseologie im DaF-Unterricht // V. Jesenšek, M. Fabčič (Hrsg.). Phraseologie kontrastiv und didaktisch. Neue Ansätze in der Fremdsprachenvermittlung. Maribor: Slavistično društvo: Filozofska fakulteta, 2007. S. 9–16.
- Jesenšek, V.* Lehr- und Lerngegenstand Phraseologie // V. Jesenšek, M. Fabčič (Hrsg.). Phraseologie kontrastiv und didaktisch. Neue Ansätze in der Fremdsprachenvermittlung. Maribor: Slavistično društvo: Filozofska fakulteta, 2007. S. 17–26.
- Kühn, P.* Aus dem Bilderbuch der deutschen Sprache. Die verkürzte Betrachtung der Phraseologismen in Sprachbüchern — Bestandaufnahme und Perspektiven // Der Deutschunterricht. 1993. 6. S. 68–77.
- Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/>
- Szczepaniak, R.* The Role of Dictionary Use in the Comprehension of Idiom Variants. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. 158 s.
- Valenčič, Arh U.* Phraseologie in der Übersetzung. Aus der Unterrichtspraxis // V. Jesenšek, M. Fabčič (Hrsg.). Phraseologie kontrastiv und didaktisch. Neue Ansätze in der Fremdsprachenvermittlung. Maribor: Slavistično društvo: Filozofska fakulteta, 2007. S. 139–154.
- ZEIT ONLINE [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zeit.de/>

Е.С. Сычева,

аспирантка кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ; e-mail: alena.sycheva.1@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ОБРАЩЕНИЙ И ИМЕННЫХ СУФФИКСОВ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ (на примере аниме и манга)

При переводе с японского возникает ряд проблем, связанных с невозможностью полной передачи смыслов, вкладываемых в обращения, с помощью языковых средств русского языка. В частности, без именных суффиксов, которые в японском языке играют важную социально-разграничительную роль, указание на место собеседников и предмета их беседы в иерархической системе координат уничтожается; в этом случае теряется значительное количество информации, связанной с тонкостями как личных, так и социально обусловленных отношений между персонажами. Эта проблема актуальна при переводе как произведений классической японской литературы, так и современной массовой культуры (в частности, японских комиксов *манга* и анимационных фильмов и сериалов *аниме*).

Ключевые слова: именные суффиксы японского языка, категории вежливости в японском языке, перевод с японского языка, классическая литература Японии, современная массовая культура Японии, *манга*, *аниме*.

Yelena S. Sycheva,

Graduate Student at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: alena.sycheva.1@gmail.com

TRANSLATING HONORIFIC SUFFIXES IN WORKS OF MODERN JAPANESE POPULAR CULTURE: ANIME AND MANGA CASE STUDY

One of the specific problems of translation from Japanese into other languages is the impossibility of finding adequate analogues of Japanese honorific suffixes, or honorifics, in the target language. The reason for that is deeply rooted in the original features of Japanese traditional ways of communication: the complex system of relations within a traditional social hierarchy seems to be integrated into the very matter of the Japanese language even in its modern variety. This problem is topical not only for translations of Japanese classical literature, but also for works of modern Japanese popular culture, such as *manga* comic books and *anime* cartoons.

Key words: Japanese honorifics (Japanese honorific suffixes), translations from Japanese, politeness in Japanese, Japanese classical literature, modern popular culture of Japan, *manga*, *anime*.

Результатом долгого процесса формирования вежливости в Японии стало то, что уровень вежливости при коммуникации изменяется в зависимости от ситуации, статуса говорящего и его собесед-

ника, а также от статуса тех людей, о которых идёт речь в беседе. Ключевой для понимания этого феномена является дихотомия «*ути* — *сото*» (буквально «внутреннее — внешнее»), которую на русский можно перевести как «свои — чужие». Система здесь такая: между «своими» возможно фамильярное общение, по отношению к «чужим» всегда соблюдается вежливость; о «своих» всегда говорят скромно, о «чужих», в том числе и о собеседнике, — очень уважительно.

Самая большая сложность заключается в том, что восприятие того, что является чужим, а что — своим, изменяется в зависимости от обстоятельств. Например, Мияно-сан, служащий фирмы, в разговоре со своим начальником будет говорить о себе и своей семье скромно (как о «своих»), к начальнику же он будет относиться очень вежливо (как к «чужому»). Но если Мияно-сан встретится с сотрудником другого предприятия, то он будет говорить о себе, о своём начальнике и обо всей своей фирме в очень скромной форме, как о «своих», а о собеседнике — как о представителе «внешнего мира», то есть о «чужом», — наоборот, очень вежливо. «Уже в простом указании на человека, предмет или место, говоря “он”, “это”, “там”, японец не может не принимать во внимание основного критерия коммуникации, свойственной этой нации — оппозиции *ути* — *сото*, противопоставления “свой — чужой”. Восприятие мира через призму *ути* vs. *сото* представляет собой явление психологического характера, оно связано с социокультурными традициями и определяет восприятие японцем окружающего его мира и людей, и вещей» [Гуревич, 2008, с. 26].

Вообще, бóльшая или меньшая речевая дистанция, которую люди выдерживают между собой при разговоре, имеет двойкий смысл. Чем дистанция больше, тем больше и вежливость; но тем больше и отчуждённость. При этом, чем дистанция меньше, тем ближе, интимнее могут быть отношения между участниками коммуникации. Отсутствие необходимой дистанции указывает на фамильярность, панибратство, невежливость и в конечном итоге выглядит оскорбительно.

С самой общей точки зрения эта характеристика, наверное, подходит для многих языков, если не для всех (в том числе и для русского). С другой стороны, способы выражения вежливости в японском настолько разнообразны, а градации и оттенки вежливости — настолько сложны, что попытки адекватно передать их на другой язык почти неизбежно терпят поражение: ведь не во многих других странах есть такая разветвлённая и многоуровневая система социальных отношений. Например, не везде есть по десятку вариантов местоимения «я», чуть меньше вариантов местоимения «ты»

и разные формы одних и тех же глаголов в зависимости от уровня вежливости.

В японский язык на разных уровнях — и на грамматическом, и на лексическом — «встроены» исторически обусловленные социальные реалии, которые, конечно, менялись на протяжении веков, но менее сложными для иностранцев от этого не стали. Для переводчика, пытающегося как-то отразить тонкости отношений между героями, остаются два пути: пытаться найти аналоги в языке перевода или «погружать» зрителя в сложную систему японских взаимоотношений. Риски понятны в обоих случаях: как и при переводе на другие языки, в первом случае существует опасность чрезмерной «русификации» событий, героев и реалий, о которых идёт речь в оригинальном произведении; во втором случае есть риск чрезмерно утомить читателя и в конечном счете остаться вообще непонятым.

Одна из важнейших проблем перевода обращений в японском языке — это адекватная передача смыслов именных суффиксов (самый известный из них — «-сан»), которые в японском языке играют важную социально-разграничительную роль. «Именные суффиксы... присоединяются к именам, фамилиям, названиям профессий, должностей и т.д. и передают отношение говорящего к лицу, обозначенному данным словом» [Алпатов, Крючкова, 1980, с. 62].

Как в официальных, так и в любительских переводах японских комиксов *манга* и анимационных фильмов и сериалов *аниме* на русский язык этот вопрос решался по-разному. Раньше в среде любителей манги и аниме общепринятым было мнение о том, что русскому человеку следует проникнуться коммуникативными особенностями японской культуры, и поэтому суффиксы стоит максимально сохранять. В принципе, это вполне адекватный подход: в конце концов, все знают, что японцы часто добавляют к именам «-сан», точно так же как в англоязычных странах принято обращение “mister” (или miss, miz, missis). Любителю японской популярной культуры надо лишь запомнить, что есть ещё несколько суффиксов, которые употребляются в иных случаях: запомнить эту информацию не так уж сложно, а ощущение «погружения» в японскую культуру знакомство с именными суффиксами даёт очень значительное. Однако же в последние годы — вероятно, не в последнюю очередь это связано с официальными переводами популярной манги издательствами «Комикс-Арт» и «Эксмо» — наметилась тенденция отказа от использования именных суффиксов даже в любительских переводах манги и аниме [Кубо, Жикаренцев, 2008–2014, 12 т.].

Что же происходит при попытках передать тонкости обращения в японском языке при переводе на английский и русский языки?

Если в переводе с японского убрать именные суффиксы, огромный пласт смыслов, заложенный в этих специфических способах коммуникации, будет просто уничтожен, и это может поставить читателя или зрителя в сложное положение. В этом случае потеряется значительное количество информации, связанной с тонкостями отношений между персонажами, да и атмосфера, ощущение того, что действие происходит именно в Японии, в значительной степени нивелируется.

В Японии людей чаще всего зовут по фамилии, а не по имени, с использованием какого-либо именного суффикса. Особенно это характерно для мужского общения, когда даже друзья зовут друг друга по фамилии — правда, с добавлением соответствующего суффикса «-кун», означающего «товарищ» или «приятель». По имени друг друга редко зовут даже очень близкие друзья, потому что так принято обращаться к кровным родственникам. Обращаться просто по фамилии, без всяких суффиксов — даже по-русски это звучит невежливо и свысока, а в японском это просто откровенно грубо.

Получается, что если в переводе с японского «отменить» именные суффиксы, «заставив» всех персонажей называть друг друга только по фамилии, это во всех случаях будет звучать крайне невежливо, пренебрежительно, а иногда — даже немного скандально. В особенности это относится к общению между представителями разных полов. Молодые люди обычно обращаются к знакомым девушкам по фамилии с добавлением суффикса «-сан», — естественно, намного более вежливого, чем немного панибратский «-кун». В тех случаях, если девушка — хорошо знакомый человек, скорее даже близкий друг, к ней могут обращаться по имени с добавлением именного суффикса «-тян», который имеет приблизительно такой же смысл, что и наши уменьшительно-ласкательные суффиксы «-чка», «-енька» или «-ушка» (чаще так обращаются друг к другу девушки-подруги). Знакомую или коллегу по работе, которой хотят выразить свою личную симпатию, могут называть по фамилии с добавлением суффикса «-тян»; звучит это достаточно игриво, но в неофициальных ситуациях это вполне в рамках приличий (официально следует обращаться только по фамилии с добавлением «-сан»).

В редких случаях девушку могут называть по фамилии с прибавлением мужского суффикса «-кун». Например, так называет свою юную подчинённую один из высокопоставленных самураев в фантастическом произведении Bleach. Такое обращение подчёркивает, что девушка занимает совершенно «неженскую» должность [Кубо, 2001—2014, т. 12, гл. 100, с. 32], [Кубо, Абэ, 2004—2012, сер. 34].

Просто по имени могут называть только младшую сестру или младшего брата (потому что к ним не надо проявлять уважение), или любимого человека; даже к старшей сестре или старшим братьям,

тоже членам семьи, уже надо проявлять уважительное отношение. Соблюдается это правило, на взгляд западного человека, до смешного строго: даже близнецы с разницей в возрасте примерно в несколько минут разделяются на старшего, к которому младший почтительно обращается *о-ни:-сан* «старший братец» или *о-нэ:-сан* «старшая сестрица», и младшего, к которому старший обращается просто по имени. Соответственно социальные роли у них тоже различаются, — насколько это вообще возможно в такой ситуации... Для нас это действительно несколько странно, — но для народа, в языке которого нет слов «брат» и «сестра», а есть только слова «старший брат», «старшая сестра», «младший брат» и «младшая сестра», это, пожалуй, неизбежное явление. А может быть, это та же концепция «ути — сото», доведённая до логического предела, как в пословице *Ке:дай-ва танин-но хадзимари* — «и брат родной — /уже/ чужой или с брата начинаются чужие» [Гуревич, 2008, с. 28].

Отдельное явление — это сверхвежливый именной суффикс «-сама». Вообще, обычно он употребляется, когда речь идёт о богах, императоре, высшей аристократии — то есть о тех, кто вызывает восхищение и преклонение. Кроме того, он вполне обычен для письменной речи в качестве заменителя разговорного «-сан» (письменная речь в Японии традиционно гораздо более формализована и вежлива, чем устная [Алпатов, 2003, с. 83]). Интересно то, что именной суффикс «-сама» в произведениях современной японской массовой культуры зачастую используется подростками для выражения своего личного сверх уважительного отношения к кому-либо. В частности, девушки часто добавляют этот суффикс к именам своих любимых рок-звёзд, спортсменов или просто популярных в школе харизматичных юношей для того, чтобы таким образом выразить своё восхищение перед ними. Именной суффикс «-сама» может добавляться к имени или фамилии любимого человека, — и обычно это означает, что романтические отношения как таковые ещё находятся на стадии «любования издалека».

Проблема адекватной передачи смыслов при переводе именных суффиксов на русский язык возникла не в наши дни. Переводчикам с японского уже приходилось сталкиваться с этим вопросом при работе над произведениями классической японской литературы. Названия таких книг известного писателя Нацумэ Сосэки, как «Мальчуган» [Нацумэ, Карлина, 1956] и «Ваш покорный слуга кот» [Нацумэ, Коршиков, Стругацкий, 1960], а также романа Сюсаку Эндо «Уважаемый господин дурак» [Сюсаку, Тумахович, 2005] являются яркими примерами данной проблемы.

В оригинале название сатирического романа «Ваш покорный слуга кот», повествование в котором ведётся от лица безымянного кота, звучит как *Вагахаи-ва нэко-дэару*, что буквально переводится

как «Я — кот». Тонкость здесь заключается в личном местоимении первого лица *вагахай*, которое имеет очень приниженный оттенок, — герой говорит о себе крайне скромно, что является одной из форм проявления вежливости к собеседнику, который автоматически «возвышается» над говорящим. Так в русском переводе появилось выражение «[Я —] Ваш покорный слуга кот», которое очень удачно передаёт оттенок скромности говорящего. К счастью, излишней «уничужительности» в русском эквиваленте в данном конкретном случае удалось избежать: выражение «ваш покорный слуга» хоть и кажется, на первый взгляд, принадлежащим к речи «обслуживающего персонала», но на самом деле это, напротив, фраза галантная, «рыцарская» или джентльменская, и поэтому она скорее ассоциируется с утончённым поведением аристократии, причём мужской её части (так было передано и то, что герой — именно кот, а не кошка). В современной же литературной речи это выражение имеет хоть и немного устаревшее, но до сих пор понятное значение «я, автор этого текста», что тоже здесь совершенно уместно.

Другой, чуть более сложный с точки зрения исторического контекста пример — это название романа *Боттян*, которое было переведено на русский язык как «Мальчуган». Дословно *боттян* — это «юный господин», название в принципе отдалённо напоминает английское *master* (так, как мы помним, негр Джим обращался к Тому Сойеру, и в одном из русских переводов это обращение, чуть искажённое, даже не стали переводить, — так и оставили «масса» [Твен, Чуковский, 1985, с. 16]. В каком-то смысле это соответствует понятию «барчук», но у русского слова вследствие исторических коннотаций это слово приобрело подчёркнуто негативный оттенок. Слово *боттян*, наоборот, имеет уважительный оттенок обращения к человеку, высшему по социальному статусу, и, в то же время, — покровительственно-ласковый оттенок обращения к ребёнку.

Название в этом романе Нацумэ Сосэки имеет важную смысловую нагрузку, — оно характеризует главного героя, от лица которого ведётся повествование, как человека юного и благородного, что противопоставляется окружающему его миру низменных идеалов; кроме того, так его ласково называет старушка-служанка, которая относится к нему как к родному человеку. Название «Мальчуган», по сути, не передаёт ни одного из вышеприведённых смыслов, кроме указания на молодость и жизненную неопытность персонажа. Вероятно, немаловажным фактором здесь является и то, что перевод был выполнен в Советском Союзе, в 50-е гг. XX в., — едва ли официальная идеология того времени допустила бы появление в печати «барчука» или даже «юного господина» как положительного героя. С другой стороны, даже если абстрагироваться

от этого фактора — например, если мы в наше время захотим сделать новый перевод романа *Боттян* на русский язык, — всё равно адекватный перевод этого понятия будет подобрать очень сложно...

И, наконец, последний пример из переводов классической японской литературы, — это название романа Эндо Сюсаку *О-бака-сан*, который на русский перевели описательной конструкцией «Уважаемый господин дурак», — слегка, пожалуй, причудливой для русского восприятия. По сути, название состоит из одного слова *бака* с гонорифическим префиксом *о-* и уважительным суффиксом «-сан» (которое на русский обычно переводится как «господин»). Само по себе слово *бака*, в принципе, соответствует русскому «дурачок» или «балда», но сказанному с вполне дружелюбной интонацией, потому что само по себе это слово воспринимается как достаточно «детское». Два показателя вежливости здесь, конечно, придают некоторый оттенок уважительности, но, вообще говоря, они скорее выражают ласковую иронию, «подтрунивание». То есть, по сути, они придают «детскому» слову *бака* одновременно и уважительный, и в то же время — ласково-покровительственный оттенок. В общем, не вызывает сомнений то, что от этой почти нежной интонации в переводе на русский не осталось ничего; что касается вежливости, то даже словосочетание «уважаемый господин» в сочетании с грубым «дурак» скорее придают всему названию не вежливое а, наоборот, презрительное звучание. Вообще говоря, князь Мышкин (которого главный герой «*О-бака-сан*» очень напоминает) тоже в целом положительный персонаж, но при этом сам роман Достоевского называется совершенно неласковым словом «Идиот»; с другой стороны, здесь мы, по крайней мере, знаем, что это было решением самого автора, а не интерпретацией переводчика.

Что же происходит в официальных и любительских переводах произведений современной массовой японской культуры? Прежде всего стоит отметить, что официальных переводов японских комиксов *манга* и анимационных фильмов и сериалов *аниме* немного, — любительских вариантов перевода существует гораздо больше. Но проводить между ними какое-либо строгое различие не стоит, поскольку задачи и затруднения, с которыми сталкиваются и те и другие, в общем, одинаковы. Строго говоря, они и по уровню не особенно отличаются друг от друга; скорее, неофициальные переводы иногда даже выигрывают, поскольку находятся такие энтузиасты, которые берутся переводить на русский язык с японского оригинала, а не с англоязычного варианта перевода.

Вообще, переводчики с японского на английский обычно стремятся к тому, чтобы сохранять японскую систему суффиксов, и на то есть свои причины. Если её отменить, то получится, что по-английски друга по имени Ямадзаки (фамилия) Сусуму (имя) будут

звать просто «Ямадзаки», хотя в оригинале его достаточно ласково называли «Ямадзаки-кун», то есть «мой приятель Ямадзаки» (или даже «мой товарищ Ямадзаки»). Если бы его звали хотя бы на «ты» или по имени «Сусуму», то характер отношений между персонажами был бы яснее, — но в современном английском языке и «ты», и «Вы» выражается через универсальное *you*.

В русском ситуация чуть лучше, потому что хотя бы можно различить отношения на «Вы» и «ты», хотя всей той градации уважительности, которая существует в разнообразных японских местоимениях второго лица, они и не отражают. Исторически считалось, что местоимение «Вы» в японском языке было — *аната*, но в последние годы и оно стремительно теряет оттенок уважительности, превращаясь в разновидность «ты» [Алпатов, 2003, с. 93]. В любом случае, пушкинское «Пустое “вы” сердечным “ты” она, обмолвясь, заменила...» в Японии не сможет подействовать в полной степени, поскольку обычно к человеку обращаются в третьем лице. Градация личной близости или отстранённости (а также официальности или неофициальности ситуации) передаётся при помощи различных грамматических средств, в том числе — с помощью всё тех же именных суффиксов. Условно говоря, когда Фукуяма обращается к Окамото, он скажет не «Ты пойдёшь завтра в кино?», а «Окамото-сан (или Окамото-кун, или Окамото-тян) пойдёт завтра в кино?». Как вариант, в дружеских или фамильярных отношениях «от высшего к низшему» Фукуяма может сказать «Окамото-кун, ты завтра пойдёшь в кино?», то есть вставить «ты» после обращения по имени. Сказать просто «ты», без имени, — это уж совсем фамильярно.

Более того, самих местоимений второго лица, каждое из которых можно перевести на русский как «ты», в японском языке несколько (самые распространённые — *аната*, *кими*, *омаэ* и несколько архаичных форм вроде *о-нуси*, которые тоже иногда используются в стилистических целях). При этом некоторые из них настолько грубы — например, *кисама* или *тэмэ*, — что как на русский, так и на английский языки их обычно переводят разными ругательными словами. Обычно, но не всегда: например, Кутики Рукия из манги и аниме *Bleach* относится к главному герою вполне дружелюбно, но при этом постоянно называет его *кисама*, поскольку, по её мнению, он принадлежит к гораздо более низкому сословию [Кубо, 2001–2014, т. 1, гл. 1, с. 13] [Кубо, Абэ, 2004–2012, серия 1]. Конечно, будь Рукия по происхождению благородной леди *одзё:-сан*, она бы таких грубых слов не употребляла. Однако, поскольку она выросла практически на улице, потом готовилась стать обычным воином, а в аристократическую семью её приняли по исключительному стечению обстоятельств, её речь отличает некоторая мужественность,

а значит, и фамильярность. Обращаясь же к самураям относительно высокого ранга, Рукия применяет суффикс «-доно» (уважительный суффикс, означающий что-то вроде «равный благородный воин»).

Что касается перевода самого распространённого в нейтрально-вежливой речи именного суффикса «-сан», то у английского языка по сравнению с русским есть одно существенное преимущество: степень уважительности «-сан» хорошо соответствует формально-вежливым “mister/missis/miss”. В современной России ситуация намного сложнее: просто по фамилии обращаться невежливо, по имени — тем более, подходящего современного нейтрального обращения у нас сейчас нет (и «товарищ», и «господин» хоть и используются в речи, но очень ограниченно, в силу понятных исторических причин). Единственное, что полностью соответствует такому уровню вежливости — это обращение по имени-отчеству, но понятно, что на иностранные имена это распространяться не может. В случае с европейскими языками «мистер», «герр» и «месье» существуют и сами по себе (в силу давно сформировавшихся в межкультурном общении России с западноевропейскими странами традиций), и легко трансформируются в русское «господин». В случае же с Фукуяма или Окамото это звучит нормально, наверное, только в том случае, если дело происходит в России.

Классический пример того, что может получиться при попытке хотя бы частично отразить смысл именных суффиксов в полном дубляже на русский язык, был продемонстрирован компанией Reanimedia при озвучивании аниме-сериала «Меланхолия Харухи Судзумии» [Танигава, Исихара, Фильченко, 2008, серия 2]. В качестве «лазейки» было использовано то обстоятельство, что именной суффикс «-тян» имеет значение, сходное с уменьшительно-ласкательными суффиксами в русском языке. Это, правда, никак не могло уменьшить недоумение зрителей, когда они услышали, как девушку по имени Микуру, к которой в оригинале обращаются «Микуру-тян», в официальном русском дубляже приветствуют нелепым словечком «Микурочка!». Полный же вариант этой фразы: «Микурочка, а ты ходишь в какие-нибудь кружочки?» — вошёл в анналы интернет-мемов Рунета. С другой стороны, сейчас в фансабе (перевод в форме субтитров, подготовленных любителями) «Микуру-тян» скорее всего перевели бы просто как «Микуру», полностью уничтожив уменьшительно-ласкательный оттенок обращения.

Иными словами, возможно, для отражения японских бытовых реалий и коммуникационных штампов ничего лучше использования именных суффиксов, принятых в этой стране, и не придумать. Впрочем, это вопрос открытый: возможно, стоит отдельно решать

эту проблему для перевода субтитрами (когда слышна речь персонажей со всеми теми именными суффиксами, которые они используют в речи) и отдельно — для полного дубляжа. Всё же полностью русская речь с вкраплениями типа «-сан» и «-сама» тоже, наверное, может показаться странноватой. Однако в том же дубляже Reanimedia, который считается чуть ли не лучшим в истории официального дублирования *аниме* на русский язык, главный герой называет одноклассниц «госпожа Асахина» и «госпожа Нагато», но при этом обращается к ним на «ты» [Танигава, Исихара, Фильченко, 2008, сер. 2, 3], что звучит абсурдно...

Крайне сложным представляется заменить русскоязычными аналогами и такие обращения, как *сэннай* («старший товарищ» — употребляется по отношению к коллегам по работе, имеющим больший стаж; в школе младшие ученики так называют старших) или *сэнсэй* («учитель» — употребляется по отношению к преподавателям, врачам и юристам). Эти слова могут также играть и роль именных суффиксов: например, ученики могут называть учителя в школе просто «сэнсэй», а могут и «Танака-сэнсэй». Обращение «Танака-сан» в данном случае будет невежливым, потому что у «-сан» есть значение «господин», но на образованность и высокую степень социальной ответственности может указывать только «сэнсэй».

Подводя итоги сказанного выше, можно сделать вывод о том, что в переводе на русский язык полностью устранить такой специфически японский языковой феномен, как именные суффиксы, не представляется возможным. Большую, чем в наших условиях, сложность социальных отношений может проиллюстрировать только более сложная система вежливости, которой в русском языке попросту не существует. В данном случае калькирование представляется более адекватным подходом, чем искусственная и зачастую некорректно проведённая «русификация» речи персонажей. Тем более что, как правило, даже неподготовленная аудитория очень быстро начинает улавливать оттенки обращения на интуитивном уровне. В особенности это касается просмотра *аниме* с субтитрами, — правильному пониманию смысловых акцентов очень помогают интонации японских актёров дубляжа. В конце концов, сам сюжет произведения в любом случае пронизан определёнными реалиями японской жизни, — даже если обстановка подчёркнуто фантастична, особенности японской коммуникации и социальной иерархии из неё никуда не исчезают. В любом случае, как показывает практика, даже самые юные любители японской культуры с удовольствием осваивают систему именных суффиксов как нечто по-настоящему японское и именно поэтому имеющее для них особую ценность.

Список литературы

- Аллатов В.М.* Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2003 г. 208 с.
- Аллатов В.М., Крючкова Т.Б.* О мужском и женском вариантах японского языка. Вопросы языкознания. М., 1980. № 3. С. 58–68.
- Блич (ブリーチ) Bleach.* Кубо Тайто. Shueisha. 2001–2014. 65 томов. Лицензия на территории России и перевод: М.: Эксмо; СПб.: Комикс-Арт (в сотрудничестве). Отв. ред. Жикаренцев А., гл. ред. Жикаренцева Е., пер. Рябова Е. 2008–2014. 12 томов.
- Гуревич Т.М.* Японская грамматика как зеркало национального менталитета. Россия и Запад: диалог культур: сб. статей XII международной конференции. МГУ 28–30 ноября 2007. Ч. 2. М., 2008. С. 26–32.
- Меланхолия Харухи Судзумии (涼宮ハルヒの憂鬱) Suzumiya Haruhi-no Yūutsu,* автор оригинала Танигава Нагару, реж. Исихара Тацую. Киото, Kyoto Animation, 2006. 14 серий. Лицензия на территории России и дублирование: Воронеж, Reanimedia. Реж. дубляжа Фильченко А., пер. на русский Караев Н., текст дубляжа Толстобров А. 2008.
- Нацумэ Сосэки.* Ваш покорный слуга кот / Пер. Л. Коршикова, А. Стругацкого. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 432 с.
- Нацумэ Сосэки.* Мальчуган / Пер. Р. Карлиной. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 136 с.
- Твен М.* Приключения Тома Сойера; Приключения Гекльберри Финна / Пер. Корнея Чуковского, Н. Дарузес. Л.: Судостроение, 1985. 512 с.
- Эндо Сюсаку.* Уважаемый господин дурак / Пер. Ф. Тумаховича. М.: Эксмо, 2005. 320 с.
- Источники**
- Bleach (ブリーチ)* Блич. Кубо Тайто. Shueisha. 2001–2014 (65 томов).
- Bleach (ブリーチ)* Блич, автор оригинала Кубо Тайто, реж. Абэ Норуюки. Токио: Studio Pierrot, 2004–2012 (366 серий).

М.В. Ундритцова,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: marusiaun@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ГЛЮТТОНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (на материале
английского, французского, греческого и русского языков)**

Глюттотнический дискурс является одним из наиболее распространенных и употребляемых в социальной коммуникации, однако вопросам перевода его текстотипов посвящено немного работ. В данной статье верифицируются основные признаки и свойства глюттотнического дискурса, характеризуются особенности работы с текстами кулинарных рецептов. Выделяется комплекс трудностей, таких как перевод заголовков, ингредиентов, кулинарных лексем, в соответствии с которыми вырабатываются переводческие стратегии. Рассматривается типология трансформационных операций и исследуются наиболее репрезентативные переводческие преобразования. Анализ производится на материале кулинарных книг, переведенных с английского, греческого, французского языков на русский, анализируются используемые трансформационные операции и оценивается степень адекватности их применения.

Ключевые слова: глюттотнический (гастрономический) дискурс, трансформационные операции, кулинарные рецепты, перевод заголовков.

Maria V. Undritsova,

Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: marusiaun@mail.ru

**TRANSFORMATIONS USED IN TRANSLATIONS
OF ENGLISH, FRENCH, GREEK AND RUSSIAN
GASTRONOMIC TEXTS**

Gastronomic discourse is one of the most common ones in social communication; however, few works are devoted to translation of gastronomic texts. The author enumerates main features of this type of discourse. The peculiarities of recipes are analyzed. Complex difficulties such as translation of titles, ingredients and culinary lexis, for which translation strategies are developed, are distinguished. A typology of transformations is studied along with the most representative translation transformations. The analysis is based on culinary books translated from English, Greek, and French into Russian. Transformation operations used in the translations are analyzed and the adequacy of their application is assessed.

Key words: gastronomic discourse, transformation operations, recipes, translation of titles.

Глюттотнический дискурс в самых различных странах является одним из наиболее распространённых и употребляемых в социальной коммуникации. Культура питания как важнейший компо-

ментальности народов мира стала неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Объектами данного вида дискурса являются тексты различной спецификации и жанров, которые представляют обширное поле для лингво-культурологических исследований.

Глоттонический дискурс представляет особый вид вербально-социального дискурса, целью которого является достижение гастрономической коммуникации, где учитываются участники, условия, способы общения, среда, в которой протекает разговор, место и время коммуникации, цели и мотивы, а также жанр и стиль речи. Глоттонический дискурс отражает культурные, языковые, этнические и социально-идеологические картины мира. Он выступает как базовый элемент в бытовом общении, а также носит индивидуальный и статусный характер.

Несмотря на большой интерес к данной проблематике, её научному освещению посвящено немного специальных работ. Ситуация потребления пищи национально обусловлена, отражает этнические, культурные, социально-религиозные особенности народов. Важнейшими текстовыми структурами являются рецепты, меню, а также гастрономические художественные тексты как наиболее репрезентативные разновидности глоттонических структур. Особенности в сложившихся гастрономических нормах у различных этносов порождают проблемы для межкультурной коммуникации и перевода.

При переводе глоттонических текстов используется большое количество трансформационных операций.

Известно, что в литературе описаны самые различные типологии трансформационных операций. Их разработкой занимались ведущие теоретики перевода, такие как Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер, В.Г. Гак, Р.К. Миньяр-Белоручев и др.

Н.К. Гарбовский отмечает, что в отечественной теории перевода возникла четырёхчастная типология трансформаций: добавление, опущение, перестановка и замена [Гарбовский, 2004, с. 372]. Так, Л.С. Бархударов в работе «Язык и перевод» пишет о трансформациях как о качественно разнообразных межязыковых преобразованиях, направленных на то, «чтобы текст перевода с максимальной возможной полнотой передавал всю информацию, заключённую в исходном тексте, при строгом соблюдении норм» языка перевода [Бархударов, 1975, с. 189].

Развёрнутую типологию представил В.Н. Комиссаров. По его мнению, переводческие трансформации могут быть рассмотрены как приёмы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей.

В зависимости от характера преобразований, переводческие трансформации подразделяются на лексические, грамматические и лексико-грамматические [Комиссаров, 1990, с. 164–172].

Особое внимание привлекает теория трансформаций А.Д. Швейцера. Исследователь утверждает, что семантические, стилистические и прагматические проблемы в практике перевода решаются одновременно. В его теории выделяются семантические и синтаксические (грамматические) трансформации. Одними из наиболее частотных трансформаций, по его мнению, являются трансформации, обусловленные словообразовательными факторами, то есть лексической сочетаемостью. Выбор переводчика также может обуславливаться структурой высказывания. Среди семантических трансформаций А.Д. Швейцер выделяет векторную замену; добавление семантических компонентов; замену семантических категорий; опущение семантических компонентов; перенос; перегруппировку семантических компонентов; повтор семантических компонентов; расширение; смещение; сокращение семантических компонентов и сужение. К синтаксическим трансформациям, по его мнению, относятся антонимический перевод; генерализация; конкретизация, а также различные замены и преобразования, такие как лексическое развёртывание; лексическое свёртывание; стилистическая модификация, компрессия и прагматическая адаптация. А.Д. Швейцер подчеркивает, что предпочтение трансформации может обуславливаться лексико-морфологическими, синтаксическими и семантическими факторами [Швейцер, 1973].

Особое внимание следует уделить концепции Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, поскольку все дальнейшие типологии отталкивались именно от этой классификации. Учёные выделяют два вида перевода: *прямой (буквальный)* и *косвенный*. К прямому переводу относятся заимствование (транскрипция и транслитерация), калькирование и буквальный перевод. К косвенному переводу исследователи относят транспозицию, модуляцию, эквиваленцию и адаптацию. Данный список также дополняется такими разновидностями трансформаций, как амплификация, шассе-круазе, компенсация, свёртывание, эксплицитация, генерализация, грамматикализация, имплицитация и партикуляризация (конкретизация), которые являются вариантами первых четырёх.

Как отметил Н.К. Гарбовский, отдельно могут быть рассмотрены такие виды преобразований, как опущения и добавления, которые могут представлять определённое творческое переводческое «я», в том случае, если они не обусловлены системными расхождениями языков. Переводчик таким образом принимает решение, что некий фрагмент может быть лишним или неуместным или, наоборот, си-

туация, присущая оригиналу, не будет ясна читателю без добавлений [Гарбовский, 2004, с. 389–394].

В данной работе мы обратим особое внимание на проблему перевода рецептов кулинарных книг, выделим комплекс трудностей, с которыми сталкивается переводчик, и проанализируем используемые трансформационные операции.

Кулинарная книга представляет собой сборник рецептов, где человеку, увлекающемуся приготовлением еды, описывается процедура приготовления блюда. При всей простоте изложения, «пошаговости», доступности этого вида гастрономического дискурса его перевод может оказаться не таким простым занятием, как само приготовление блюда. Достаточно ознакомиться с многочисленными интернет-блогами, чтобы убедиться в том, что массовый читатель недоволен переводными текстами данной направленности. Конечно, эти критики, в основном, далеки от переводческого искусства. Однако данная оценка не случайна. Для перевода рецептов отнюдь не достаточно владеть хорошо языком перевода. Основным фактором является знание кулинарии, а также культуры и реалий, без которых подчас самый простой рецепт не может быть удачно переведён. В отличие от текста художественной литературы и меню кулинарный рецепт требует строгой приверженности тексту оригинала, где каждый опущенный фрагмент может исказить конечный результат.

Для анализа особенностей перевода кулинарных книг мы сравнили оригиналы и перевод рецептов на английский, французский и греческий языки. За основу были взяты книги Florian V. Hugo “Les Contemplations gourmands” и её перевод Нины Кулиш «Кулинарная книга Гюго», Gordon Ramsay “Ultimate cookery course” и перевод Екатерины Костиной «Курс элементарной кулинарии» и рецепты Μοναχός Ελιφάνιος “Ο Μυλοποταμινός. Μαγειρική του Αγίου Όρους” и перевод на русский язык Авраама Кутитаса «Кулинария святой горы Афон». Рецепты с английского и французского были переведены носителями русского языка, в то время как греческая кулинарная книга была переведена на русский греческим переводчиком. Выбор данных книг был обусловлен доступностью оригиналов и переводов на рынке.

В первую очередь следует отметить, что при переводе данных книг переводчики в большей степени использовали конструкции, присущие оригиналу произведения, в особенности, конечно, это касалось греческого перевода. В данном случае переводчик не являлся носителем русского языка. Продемонстрируем это в нижеследующей таблице.

Sprinkle in the spices, being careful not to burn them	Посыпьте пряностями (следите, чтобы не подгорели)	Императивная конструкция
Réserver sur un linge ou du papier absorbant pour éliminer l'excédent de gras	Выложить на бумажные полотенца, чтобы впитался излишек жира	Инфинитивная конструкция
Προσθέτουμε τα κρεμμύδια, τα οποία έχουμε ψιλοκόψει σε πολύ λεπτές φέτες	Добавляем предварительно мелко нарезанный лук	Конструкции с использованием глагола I лица множественного числа — на русский язык передаётся глаголом несовершенного вида

С одной стороны, эти конструкции употребляемы в русском языке, однако данное использование можно отнести, скорее, к следованию переводчиками форме текстов оригиналов.

При переводе рецептов на русский язык довольно частотны *перестановки*. Перестановкам очень редко подвергаются «алгоритмы действия», поскольку это может привести к неправильному приготовлению блюда. Частотны перестановки внутри предложений. К примеру, во французском и английском языках структура предложения предполагает прямой порядок слов. Таким образом, сначала используется глагол, обозначающий, что следует сделать с продуктом, за которым следует существительное, предполагающее сам продукт.

В русском переводе данная конструкция меняется. Акцент ставится на продукт, на предмет, которым нужно работать, или на способ приготовления блюда, а потом на произведённое с ним действие. Мы говорим о смещении акцента, поскольку повтор иностранной конструкции вполне возможен.

Сравним: «*Tartiner 8 demi-macarons de ganache avec une petite spatule ou une cuillère. Dresser une dizaine de framboises sur les bords de la moitié d'entre eux. — Маленькой лопаточкой или ложкой намазать ганашем 8 печений. По краям четырёх из них положить десяток ягод малины*».

Во французском варианте мы наблюдаем такую формулу V-O1-O2, то есть указывается что сделать, с чем и при помощи чего. В русском языке конструкция выглядит таким образом O2-V-O1.

Подобная ситуация наблюдается и в английском языке: «*Heat a frying pan over medium heat and toast the flatbreads. — На среднем огне нагрейте сковороду и поочерёдно обжарьте лепёшки*».

Что касается греческого, несмотря на то что греческий язык — синтетический и обладает относительно свободным строем, в ку-

линарных рецептах порядок членов предложения напоминает упомянутый в английском и французском языке, поэтому при переводе происходит аналогичная перестановка: «*Δεν αφαιρούμε την πέτσα του ροφού.* — *Кожуцу рофоса не удаляем*».

Наряду с перестановками одними из наиболее распространённых приёмов при переводе кулинарных рецептов являются **добавления и опущения**. Эти приёмы применяются с различными целями: для добавления конкретики в рецепт или опущения излишних деталей; для следования нормам русского языка.

Например: «*Roast for 5–10 minutes per 500g for medium-rare meat, or 10–15 minutes per pound for medium.* — *Запекайте из расчёта 5–10 минут на каждые 500 г веса для слабой степени прожарки, или 10–15 минут на 500 г — для средней*».

В данном примере переводчик добавляет, что нужно рассчитывать на «каждые» 500 г «веса». Первое уточнение даётся для правильного приготовления, а второе — для соответствия нормам русского языка.

Добавление также может использоваться для разъяснения способа приготовления: «*Former un puits avec la farine sur un plan de travail.* (Дословно: Сделать углубление (колодец) при помощи муки на рабочей поверхности.) — *Высыпать муку на разделочную доску и проделав в ней углубление*». В данном случае переводчик, используя добавление глагола «высыпать», которого нет в оригинале, а также перестановку, разделяет данное предписание на два шага.

Наряду с добавлениями при переводе рецептов достаточно часто используется такой приём, как **опущение**. Данный приём применяется для устранения при переводе избыточности. Также он осуществляется в том случае, если переводчик считает некую информацию лишней, ненужной в данном тексте.

«*Stift the flour into a bowl with the salt and set aside.* (Дословно: Просейте муку в миску с солью и отложите.) *Put the butter and sugar in a mixing bowl and beat with an electric mixer until smooth and creamy.* — *Муку с солью просейте в миску. В другую миску положите сливочное масло с сахаром и взбейте электрическим миксером, чтобы получилась гладкая, кремовая масса*». — Последняя часть в первом предложении переводчиком опускается, поскольку далее кулинару нужно заняться приготовлением других ингредиентов, и даже без этого фрагмента понятно, что приготовленную смесь следует отложить.

Наряду с положительными чертами данного приёма, опущение может также порождать неточности и недопонимание. Приведём пример: «*Mélanger 160 g de sucre glace et la poudre d'amandes et les passer au tamis pour éliminer tout grumeau et obtenir une poudre bien fine.* — *Смешать сахарную пудру и миндаль в порошке и просеять сквозь сито, чтобы удалить крупные фрагменты и получить очень мелкий порошок*». В данном случае переводчиком не упоминается количе-

ство сахарной пудры, которую следует смешать, что неверно, поскольку готовящий, не прочитавший текст далее, может высыпать всю сахарную пудру, количество которой указано в интродуктивном блоке.

Значительную трудность при переводе кулинарных текстов представляет перевод лексических единиц, здесь встречается наибольшее количество лексико-семантических трансформаций. К основным проблемам, с которыми сталкиваются переводчики, относятся: перевод заголовков; ингредиентов; части/количества ингредиента; сокращений; приборов, утвари; кулинарных лексем (кулинарных глаголов, существительных, обозначающих способ приготовления, которые отсутствуют в русском языке).

Данные лексемы составляют основу любого кулинарного рецепта, и именно благодаря им можно говорить о существовании национальных кухонь, своеобразных и непохожих на остальные.

I. Перевод заголовков

Заголовок является первым элементом, на которое обращает внимание читатель и переводчик. Именно с него начинается восприятие всего дальнейшего текста. От удачного перевода заголовка зависит дальнейшее прочтение рецепта.

Несмотря на то что заголовки в кулинарных книгах, как правило, более изощрённые, нежели всеми употребляемые в повседневной жизни названия блюд, их тем не менее можно отнести к реалиям, лексемам, отображающим быт и нравы народов. Именно названия еды придают кулинарным рецептам их национальный колорит. Наиболее частотными приёмами являются:

1. **Транскрипция или транслитерация:** каннеле (cannelés), мильфей (millefeuilles), консоме «Диветт» (Consommé “Divette”) буше (Bouchée), киш-лоррен (Quiche Lorraine), ювечи (Γιουβέτσι), дзадзики (τζατζίκι);

2. **Калькирование:** пикантные блинчики (spicy pancakes), содовый хлеб (soda bread), блинчики с ромом (crêpes au rhum), шоколадно-малиновый торт (tarte choco-framboise), чечевица (φακές), нут с рисом (ρεβίθια με ρύζι);

3. **Частичная транскрипция:** фондю из помидоров (fondue de tomates), мильфей из баклажанов (millefeuille d’aubergine), яблочный крамбл (apple crumble), острый чатни (spicy chutney), бамья в масле (μπαμιες λαδερες);

4. **Транскрипция с пояснениями:** Молочная рисовая каша (ризогало) (ριζόγαλο), бобы (фава) (φάβα), галеус (суповая акула) саганаки (в горшочке) (γαλέος σαγανάκι);

5. **Адаптация** (в исключительно редких случаях): кулич (τσουρέκι), запеканка с картошкой, баклажанами и фаршем (мусака), сырни-

ки (gamequins). (Примеры взяты также из книг Σουλή Σ.Α. “Ελληνική μαγειρική και κουζίνα”, Escoffier A. “Le guide culinaire. Aide-mémoire de cuisine pratique” и Oliver J. “Jamie’s Kitchen”.)

Поскольку Франция является одной из величайших гастрономических империй, то в переводах с этого языка зачастую мы видим употребление транскрипции и транслитерации с дополнительным переводом ингредиентов, причём многие языки в дальнейшем начинают использовать данные названия повсеместно, несмотря на иностранное происхождение, а, скорее, воспринимая это как нечто диковинное и даже красивое.

II. Перевод ингредиентов

Перевод ингредиентов также может вызывать трудности. Определённые продукты в экзотических рецептах могут быть недоступны, поэтому следует искать эквивалентные ингредиенты, либо, посоветовавшись с автором, использовать другой продукт. В таком случае избирается продукт с похожим вкусом и консистенцией.

Особых проблем с переводом не возникает, если данный ингредиент имеет эквивалент на языке перевода или известен не только на его родине. Следует отметить, что зачастую в кулинарных книгах могут быть указаны ингредиенты из других культур, что также представляет сложность для переводчика, который может быть незнаком с этой кухней.

Например: «*Cannellini beans* — белая фасоль», «*Leek* — лук-порей, барабулька».

При всех существующих эквивалентах, зафиксированных в словарях, переводчики могут ошибаться. К примеру, в одном из греческих переводов такое растение, как орегано (ορίγανη), было переведено «регано». Проблемы могут возникать, если знакомый всем ингредиент выступает в своей разновидности (в тексте он получает определения). В таких случаях переводчики прибегают к **опущениям**: «*All-purpose flour* (мука для выпечки, мука общего назначения) — мука»; «*crème liquide* — сливки».

Переводчики прибегали к опущениям для разгрузки текста, однако нельзя назвать такое применение во всех случаях оправданным, поскольку уточнение может иметь существенное значение в приготовлении блюда.

Подобным образом переводчики могут неправильно передавать названия ингредиентов при учёте того, что их эквиваленты зафиксированы в словарях: «*Free-range egg yolks* — свежие яичные белки». Данный перевод является неверным, поскольку под «свежими яичными белками» понимается их недолгий срок хранения, в данном же случае имеются в виду яичные желтки от кур свободного выгула.

В следующую группу входят ингредиенты, присущие иностранной культуре, отображающие иностранный колорит. Сюда относятся: названия овощей и растений; сыров; морепродуктов (которые так отличают, в особенности, средиземноморские культуры); соусов, приправ. Конечно, данный список далеко не ограничивается перечисленными ингредиентами.

Среди основных приёмов перевода данных ингредиентов встречаются:

1. **Транскрипция или транслитерация** (лексема, как правило, транскрибируется из языка, откуда произошёл этот ингредиент). Например: *Linguine* — *лингвини* — это длинные, плоские и узкие макароны. Их название переводится с итальянского как «маленькие язычки» [Готовим, Эл. ресурс].

Pancetta — *Панчетта* — «некопчёная бескостная свиная беконная грудинка, засоленная с перцем и пряностями. Панчетта (*Pancetta* — свиная грудинка). Панчетта — постная свиная ветчина из брюшной части свинины (*pancia*)». [СКТ, Эл. ресурс].

Palamida — Παλαμιδα;

La ganache — *ганаш (крем)*.

Данный приём является распространённым, однако подходит только для читателей, хорошо знакомых с кулинарией, в противном случае любителю вряд ли захочется тратить своё время не только на приготовление блюда, но и на поиск ингредиентов в энциклопедиях, интернете и, в конце концов, в магазине.

2. **Транскрипция или транслитерация с пояснением.**

«*I bunch bok choу* — *небольшой качан капусты бок-чой*»; «*180 g de beaufort* — *180 г сыра бофор*»; «Κεφαλοτύρι — *Сыр кефалотири*».

Пояснение может быть целым определением в скобках. Таким приёмом пользуется переводчик с греческого языка: «Ροφός — *Рофос (крупная рыба семейства морских окунёвых, научное название *Epinerhelus marginatus*)*».

3. Следующим приёмом, к которому может прибегать переводчик, — **калькирование**. Например: «*Parma ham* — *пармская ветчина*»; «*Poivre de Cayenne* — *кайенский перец*».

4. К более редким приёмам может относиться **конкретизация**.

Например: «*750 g red-skinned potatoes* — *картофель сорта “дезире”*»; «*Mâche (f)* — *салат рапуница, словарное значение этого слова “овощная валерианница”*».

В данном случае подобный перевод можно обосновать стремлением переводчиков к большей точности, хотя повару-любителю, за исключением последнего случая, будет более понятно оригинальное значение, чем его перевод.

5. Также можно говорить о применении **адаптации**, хотя этот приём встречается довольно редко в исследованных нами рецептах.

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что переводчики стремились передать исконную кухню, представляемую в данных рецептах, в которых потеря ингредиентов может привести к утрате первоначального вкуса блюда.

К примеру, в одном рецепте находим «*Noodles with chiles — лапша с чили*», в другом рецепте можно встретить такой перевод: «*Noodles — fine ones dried — вермишель — фунчоза*». Как мы видим, одна и та же лексема была передана по-разному.

III. Перевод количества ингредиента

Говоря об ингредиентах, нельзя забывать, что в рецептах обычно предлагается взять какую-либо его часть или какое-либо его количество. И здесь речь идёт не о числовом количестве (кг, г, мл и т.д.), а о лексемах, заменяющих эти единицы.

Данные лексемы, как правило, присутствуют в интродуктивном блоке, хотя их можно встретить и в основной части.

Обычно проблем при переводе не возникает, если существует эквивалент на языке перевода и выделяемая часть полностью соответствует предлагаемой в оригинале: «*A pinch of salt — щепотка соли*»; «*Rosemary sprig — веточка розмарина*»; «*Botte de basilic — пучок базилика*»; «*7 σιελίδες σκόρδο φιλοχομμένο — 7 зубчиков чеснока*».

Трудности при переводе могут возникать, если ингредиент имеет сложный вид или происхождение. К примеру, во французской кулинарной книге среди перечисленных ингредиентов встречается *салат-ромен*. Обычно часть салата называют пучком, в данном случае переводчик её именуёт «кочаном», видимо, ссылаясь на внешнее сходство с капустой: «*2 cœurs de romaine — 2 кочанчика салата ромен без верхних листочков*». В другом рецепте данное словосочетание переводится иным образом, что кажется более обоснованным: «*2 сердцевины салата ромен*».

Трудности также могут возникать при переводе частей мяса. Традиции разделки туши во многих странах различаются. К примеру, во французском рецепте читателю предлагается взять “*600 g de plat de côte en morceaux de 30 g environ*”. Словосочетание “*plat de côte*” передаётся как «толстый край говядины», в то время как в другом рецепте это выражение переводится как «рёберная серединка».

В первом варианте переводчик, видимо, по своей невнимательности, передал значение лексемы *côte* (f), что в словаре значит как рёберная [спинная] часть говяжьей туши, толстый и тонкий край; покромка. Действительно, если взглянуть на схему, то можно заметить, что французский “*côte* (f)” захватывает часть толстого и тонкого края. Однако в данном случае в оригинале говорится о “*plat de côte*”, а это, судя по схеме, другая часть говядины.

В словаре даются такие переводы термина “plat de côtes” — краевая покромка; рёберная серединка. Именно второй вариант был выбран переводчиком. Однако словосочетание «рёберная серединка» не используется при описании разделки туши и скорее является описательным переводом, в то время как первый термин присутствует, поэтому первый вариант (краевая покромка) наиболее приемлем.

IV. Перевод кухонной утвари

Перевод кухонной утвари также составляет определённую трудность, поскольку в данном случае, как в случае с ингредиентами, речь может идти о безэквивалентной лексике, то есть о словах, обозначающих предметы, не существующие в культуре языка перевода. Как и в переводе ингредиентов, одними из самых частотных способов передачи подобной лексики являются: *транскрипция/транслитерация (обычно сопровождающаяся пояснениями); опущения; генерализация.*

К примеру, в одном из первых греческих рецептов можно встретить некий прибор, под названием «тавас». Переводчик, понимая, что русскому читателю не знаком данный предмет кухонной утвари, передаёт лексему с помощью транскрипции и в скобках поясняет, что это *«неглубокий противень типа плоской кастрюли»*. В действительности не каждый грек знает, что означает это слово.

Что касается опущения, этот приём также применяется переводчиком при учёте того, что подобное опущение не навредит целостности текста и не помешает приготовлению блюда. В одном из французских рецептов по приготовлению печенья «Макарон» можно встретить такой пример:

«À l'aide d'une spatule en plastique ou d'une corne, macaronner délicatement le mélange; en faisant un geste circulaire du centre de l'appareil vers le bas et en remontant en raclant sur les côtés — veiller à ne pas trop faire retomber l'appareil. — Размешать пластиковой лопаточкой круговыми движениями от центра вниз, затем наверх, обводя края — очень осторожно, чтобы не дать пене опасть».

В данном случае можно заметить, что автором рецепта предлагается два предмета утвари, в то время как переводчиком — один. “*Une spatule en plastique*” переводчик передаёт как «пластиковая лопаточка», в то время как вторая лексема была им опущена. При поиске во франко-русских словарях перевод данной лексики в его кулинарном значении не был найден. Объяснение дано во французском толковом словаре: “*Corne — Ustensile plat, grand comme la paume de la main, ovale ou demi-circulaire, utilisé pour rassembler les restes de pâte, de crème ou d'un appareil sur les parois du récipient qui a servi à sa préparation*” [LG, 1997, p. 328]. В действительности это ло-

пачочка в форме ладони, которой следует собирать остатки теста. Такого предмета в русской кулинарии не существует. Возможно, лишь истинный любитель французской кухни сможет приобрести себе данную вещь, поэтому опущение здесь является вполне уместным.

V. Перевод кулинарной лексики, обозначающей способ приготовления блюда

Ещё одна сложность, с которой может столкнуться переводчик, работая с рецептами, — это перевод кулинарной лексики. Сюда можно отнести лексику, обозначающую нарезку, обработку, приправу блюда, а также способы приготовления блюд. Перевод данной лексики осложняется тем, что в русском языке, в отличие от английского, греческого и, в особенности, французского, где для каждого процесса приготовления есть свой термин, словарный состав достаточно беден.

При отсутствии таких лексем на языке перевода переводчики используют, как правило, такие приёмы: *генерализация (используют родовое понятие); описательный перевод; заимствование слова путём транскрибирования или транслитерирования и добавления флексий.*

В качестве примера генерализации мы можем привести такой фрагмент: «*Fold in the ricotta — Вмешайте рикотту*». Глагол “to fold” обозначает «добавлять какой-л. ингредиент, медленно вливая его и помешивая ложкой».

Заимствование можно продемонстрировать на глаголе *macaronner*. Конечно, в данном случае переводчик прибегает к генерализации, однако во многих интернет-рецептах уже даже встречается такой глагол, как «*макаронировать*» — тщательно лопаткой вымесить тесто до однородного состояния, сохраняя его воздушность.

Таким образом, очевидно, что глоттонический дискурс, являясь частью национальной культуры и составляющей языковой картины мира, может представлять существенную трудность для перевода. Для правильной передачи текстов, входящих в состав глоттонического дискурса, а именно рецептов, необходимо обладать достаточной компетенцией в области их языковых характеристик. При всей популярности кулинарных рецептов их перевод представляет определённую сложность. Проведённый анализ выявил, что переводчики пытались следовать нормам жанра, сохраняя сжатость и лаконичность. Тем не менее в некоторых случаях не удалось избежать ошибок и недочётов.

Довольно часто при переводе использовались перестановки, а также опущения и добавления. Данные приёмы применялись для устранения избыточности или недостаточности, а также следования нормам русского языка.

Наибольшую сложность составили перевод заголовков или наименований блюд; ингредиентов; количества ингредиента; приборов, утвари, а также кулинарных лексем. Зачастую данные лексем относятся к безэквивалентной лексике, что затрудняло процесс перевода. Распространёнными приёмами при передаче данной лексики являлись транскрипция или транслитерация, калькирование, адаптация, конкретизация и генерализация. Перевод подобных слов осложнялся тем, что в русском языке, в отличие от английского, греческого и, в особенности, французского, где для каждого процесса приготовления и кулинарного явления есть свой термин, словарный состав достаточно беден.

Перспективным в дальнейшем является рассмотрение трансформационных операций, используемых при переводе других текстотипов глуттонического дискурса.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Готовим.ру [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.gotovim.ru/dictionary/203/lingvini.shtml>
- Гюго Ф.В.* Кулинарная книга Гюго / Флориан В. Гюго; пер. с фр. Нины Кулиш. М.: Слово, 2012. 176 с.
- Епифаний Милопотамский.* Кулинария Святой горы Афон. Афины, 2008.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Оливер Д.* Кухня Джейми. М: КУКБУКС, 2007. 336 с.
- Словарь кулинарных терминов [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_culinary/3115#Панчетта0
- Рамзи Г.* Курс элементарной кулинарии. М.: Издательская группа Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
- Сули С.А.* Греческая кулинария и вина. Афины: Toubi's, 1989. 192 с.
- Эскофье О.* Кулинарный путеводитель. Рецепты от короля французской кухни / Пер. с фр. М.В. Орьевой. М.: Центрполиграф, 2005.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Escoffier, A.* Le guide culinaire. Aide-mémoire de cuisine pratique. Paris: E. Flammarion, 1921. 942 p.
- Hugo, F.V.* Les contemplations gourmandes. Neuilly-sur-Seine: Editions Michel Lafon, 2011.
- Larousse Gastronomique / Joel Robuchon. Paris: Larousse, 1997.
- Oliver, J.* Jamie's Kitchen. London: Penguin Books, Limited, 2007. 336 p.
- Ramsay, G.* Home Cooking. New York: One potato, two potato limited, 2012.
- Μοναχός Επιφάνιος ο Μυλοποταμινός.* Μαγειρική του Αγίου Όρους. Αθήνα: Σύγχρονοι Ορίζοντες, 2008.
- Σουλιά, Σ.Α.* Ελληνική μαγειρική και κουζίνα. Αθήνα: Toubi's, 1989. 192 p.

Е.В. Харитонова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан); e-mail: eharitonova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИОЛЕКТНЫХ ТЕКСТОВ В РОДСТВЕННОЙ И НЕРОДСТВЕННОЙ ЭТНОСРЕДЕ: ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье автором рассматриваются природа и особенности функционирования социолектных текстов в различных лингвокультурах, постулируется вывод о необходимости принятия во внимание социолектной специфики текстов для успешного перевода, описываются стратегии передачи социолектных единиц на язык перевода.

Ключевые слова: субкультура, социолектный текст, стратегия перевода.

Yelena V. Kharitonova,

Associate Professor at the Department of English, Northeastern State University, Magadan, Russia; e-mail: eharitonova@yandex.ru

ON FUNCTIONING OF SOCIAL DIALECTS IN SOURCE AND TARGET CULTURES: TRANSLATOR'S PERSPECTIVE

The article deals with the peculiarities of functioning of social dialects (a.k.a. sociolects) within different lingual cultures. Special stress is laid on the necessity of taking into account the specificity of sociolect texts which is viewed as one of the conditions of a successful translation. The strategies of translating sociolect texts are analyzed.

Key words: subculture, social dialect (a.k.a. sociolect), translation strategy.

Средством коммуникации культур (субкультур) является текст, выступающий в роли уникального зашифрованного культурного кода, требующего особой интерпретации, так как заключённый в нем смысл, как правило, лежит за пределами значений составляющих его языковых знаков. Как справедливо отмечал М.М. Бахтин, всякая «система знаков (то есть всякий язык) <...> принципиально всегда может быть расшифрована, то есть переведена на другие знаковые системы (другие языки) <...> Но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведён до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов. Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин, 1979, с. 284–285]. Иными словами, взаимопонимание между автором и читателем (получателем текста) будет зависеть от способности реципиента

постичь смысл, заложенный в тексте отправителем. При этом успех или неуспех коммуникации зачастую определяется характером переводимого текста. По мнению Р.Р. Чайковского, поэтические тексты можно разделить на преимущественно эквiculturalные, т.е. такие, содержание и особенности языкового воплощения которых в целом доступны благодаря переводу представителям других культур, и на неэквiculturalные, или этногетерогенные, т.е. тексты, адекватному переводу которых препятствуют лингвокультурные барьеры [Чайковский, 2013, с. 140]. Представляется, что разграничение текстов на эквiculturalные и этногетерогенные не только открывает перспективу для более глубокого анализа особенностей поэтического перевода, но и может быть полезным при изучении специфики перевода прозаических текстов.

Этногетерогенность текстов означает наличие в них этнодифференцирующих культурологических признаков, т.е. различий, возникающих при сопоставлении вербального и невербального поведения представителей коммуницирующих лингвокультур, обусловленных, с одной стороны, своеобразием языков, а с другой — самобытностью культур, а именно, традиций, ценностей, религий, представлений о мире, исторической памяти, национальных характеров, норм поведения и т.д.

Не требует доказательств тот факт, что язык и общество не могут существовать друг без друга: «язык вообще всегда реализуется в каком-либо отдельном языке, в определённой конкретной языковой структуре, неотделимой от конкретного общества» [Бенвенист, 1974, с. 31]. Продолжая мысль учёного о том, что «человек рождается не в природной среде, а в среде определённой культуры» [там же, с. 58], добавим, что культура — это гетерогенное образование. Так же как мировая культура включает в себя множество локальных (национальных) культур, национальная культура представляет собой своеобразный сплав взаимодействующих субкультур различных социальных общностей, классификация которых возможна по различным основаниям: социально-классовым, социально-профессиональным, возрастным, социально-демографическим и т.д. Взаимодействуя между собой, участники коммуникации осознанно или неосознанно эксплицируют присущие им культурологические знания в процессе формулирования текста. Иными словами, они создают социолектный текст, выступающий средством коммуникации субкультур. Эта коммуникация осуществляется при помощи подязыков (социолектов) этих субкультур. Разумеется, что перевод текста, в котором автором намеренно аккумулируется языковой материал, специфический для определённого социума, будет представлять двойную сложность для переводчика: с одной стороны, возникает необходимость правильной интерпре-

тации единиц социально-групповых диалектов, с другой — требуется поиск способов передачи «социолектизмов» средствами языка перевода.

Пути преодоления межкультурных барьеров, связанных с присутствием этнодифференцирующих культурологических признаков в тексте оригинала, в принципе известны, так как не раз рассматривались и в теории и практике перевода, и в теории межкультурной коммуникации.

Вместе с тем следует признать, что стратегия перевода задаёт лишь общее направление действиям переводчика, не раскрывая алгоритма поиска и выбора тех или иных переводческих решений. При воссоздании социолектизмов на иностранный язык достаточно сложно найти оптимальное переводческое соответствие, которое сочетало бы в себе точность передачи содержания и адекватное языковое оформление. Кроме того, в ситуации кросскультурного взаимодействия может оказаться, что поведение социолектизмов будет существенно отличаться, в зависимости от особенностей принимающей их этносреды. Так, в условиях родственной этносреды социолектизмы, являясь основными единицами социально-профессиональной дифференциации словарного состава языка той или иной социальной группы, употребляются членами группы в процессе их интерного общения¹, обладают ярко-выраженными экспрессивно-оценочными коннотациями, наконец, функционируют как важный фактор внутригрупповой идентификации, выполняя роль своеобразного «языкового паспорта».

Совершенно иначе социолектизмы ведут себя в условиях неродственной этносреды. Продемонстрируем данное утверждение, обратившись к переводам русской лагерной прозы на английский и немецкий языки. Лагерную литературу, на наш взгляд, с полным правом можно отнести к социолектным текстам, поскольку на лагерном подязыке разговаривали огромные группы людей, замкнутые не социальными рамками, о которых пишут исследователи социолектики, а в результате насильственных действий власти, выразившихся в невиданных по масштабам репрессиях, формой которых стала сеть исправительно-трудовых лагерей, накрывшая всю страну. Возникновение лагерного социолекта было связано с тем, что миллионы людей, лишённые свободы и возможности

¹ В нашей работе при определении терминов «социолект» и «социолектизм» мы опираемся на теоретические положения, представленные в диссертационном исследовании В.С. Захарова: социолект — «языковая подсистема особого рода, используемая той или иной социальной группировкой как средство коммуникации в процессе интерного общения», социолектизм — «основная единица социально-профессиональной дифференциации словарного состава языка» (цит. по: [Липатов, 2010, с. 18]).

выбора общения, оказались вынуждены искать некое подобие общего языка, невзирая на различия в социальном происхождении, уровне образования, вероисповедании и т.д.

Выполняя перевод лагерной социолектной лексики, переводчик может прибегнуть к таким видам перевода, как адаптивный перевод, суть которого заключается в использовании различных механизмов компенсации, обеспечивающих «правильную» интерпретацию слов оригинала (см. об этом подробнее: [Клюканов, 1998, с. 68–69]). Примером адаптивного перевода может послужить следующий перевод отрывка из «Архипелага ГУЛАГ», выполненный немецкой переводчицей А. Петурниг:

...правильно ли он распорядился с пайкой вчера? War er gestern umsichtig gewesen mit seiner Ration?

И в немецком и русском языковом сознании существует чёткое представление о лагерной пайке, но осмысливается это понятие по-разному. *Пайка* — это «ежедневная норма хлеба в ИТУ» [Грачёв, 2003, с. 644]; *Ration* — это “1. zugeteilte Menge an Lebensmitteln; 2. Verpflegungssatz (bes. Für Soldaten)” [Duden, 1996, p. 1216]. Таким образом, понятие «пайка» более конкретно и гораздо уже, чем понятие “*Ration*”, которое является более общим обозначением. Поэтому, когда возникает необходимость конкретизации, переводчик прибегает к нейтральному аналогу — “*Brot*”: «*Теперь вы будете волноваться от подхода дневного допросного времени, и от событий дня, и нагружаться пайкой, водой и баландой...*» “*Nun werden Sie von Unruhe gepackt: Die Stunde der Tagesverhöre rückt näher; und allerhand anderes strömt auf Sie ein, auch Ihr Magen füllt sich mit Wasser und Suppe und Brot...*”.

Адаптивный перевод или, если прибегнуть к терминологии, разработанной профессором Г.Д. Воскобойником, «одомашнивание» («доместикация») оригинала позволяет, в той или иной степени, передать содержание произведения и тем самым, образ автора на высшем — прагматическом уровне, охватывающем такие факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата и т.д. Вместе с тем адаптивный перевод зачастую приводит к потере социолектной маркированности текста оригинала. В тех случаях, когда у переводчика получается воспроизвести в той или иной степени значение социолектизма, велика вероятность подмены понятий, описываемых в оригинальном и переводном текстах.

Переводчик социолектного текста может также прибегнуть к резистивному переводу, являющемуся по своей сути противоположностью адаптивного перевода, так как резистивный перевод («остранение» или «форенизация») помогает «...оригинальным

знакам сопротивляться воздействию принимающего коммуникативного универсума» [Клюканов, 1998, с. 68–69]. Причин, по которым переводчик может пожертвовать читательским восприятием, которое, по мнению известного переводоведа П. Топера, является высшим аргументом в споре о том, хорош данный перевод или плох [Топер, 2000, с. 226], может быть несколько. Во-первых, резистивный перевод позволяет сохранить самобытность и оригинальность подлинника и тем самым побудить читателя к восприятию лингвистических и культурных реалий переводимого произведения. Во-вторых, резистивный перевод предполагает включение в текст перевода экзотических элементов, например, при переводе безэквивалентной или неполноэквивалентной лексики. Не вызывает сомнений тот факт, что любой экзотический элемент в тексте выполняет как минимум две функции: обозначает реалии жизни и быта того или иного лингвоэтнического коллектива (номинативная функция), а также создаёт своеобразный инокультурный колорит (художественно-стилистическая функция). В зависимости от замысла автора одна из этих функций может стать преобладающей. Показательным примером такой экзотизации текста перевода путём включения в перевод экзотических социально-маркированных элементов оригинала может послужить анализ авторского перевода тюремно-лагерного жаргона, характерного для носителей лагерного социолекта в СССР, выполненного Т.Р. Смитом. Разумеется, роман Т.Р. Смита (*The Secret Speech*) не является переводом, так как создавался автором на английском языке, однако учитывая тот факт, что объектом нашего исследования является русский лагерный социолект, мы полагаем возможным рассматривать Т.Р. Смита не только в качестве автора, но и в качестве переводчика русских лагерных социолектизмов.

Лагеризмы в книге Смита стали своего рода антуражем к описываемым событиям. В первую очередь об этом свидетельствует специфика тематики использованных в тексте экзотизмов. Несмотря на то что лексика лагерного субъязыка, как и любого другого социолекта, достаточно ограничена по сравнению с общенародным языком, лагерный социолект может быть представлен несколькими тематическими группами (названиями предметов лагерного быта, наименованиями действий заключённых и представителей правоохранительных органов, обозначениями различных видов взаимоотношений между заключёнными и т.д.). Сплошная выборка обозначений лагерных реалий из произведения Смита показала, что собственно лагеризмов в тексте немного: *Glavnoe upravlenie lagerei, zona, norma, isolator, vakhta, lagpunkts, feldshers, tyazoly fezichesky trud*. Подавляющее большинство случаев употребления иноязычных лексем связано с характеристикой главных действующих лиц ро-

мана: Фраеры и её банды: *derzhat mast, klikukha, chiffr, torpedy, avtoritet, vory, vorovskoi mir, urki* и т.д. Следует при этом отметить, что и здесь при достаточно высокой частотности употребления экзотизмов в тексте обращает на себя внимание достаточно ограниченный тематический состав лагеризмов.

Другим свидетельством преимущественно стилистической функции экзотизмов в анализируемом тексте является характер освоения автором иноязычных элементов. В романе Т.Р. Смита определяются два способа освоения экзотизмов: с сохранением исконных звуковых и морфологических форм иноязычного слова (It depended on the tastes of the *urki* (ср.: *уркѹ*. — *E.X.*), many of whom enjoyed snuffing out a fight as much as sex. As far as Leo could tell she was no *torpedy* (ср.: *торпеды*. — *E.X.*), no mere foot soldier — she was the *avtoritet*, the leader) и с приспособлением внешней формы слова к нормам принимающего языка (*Fraera* was integrated into the rituals: her body covered with tattoos, her birth name tossed aside and replaced with a *klikukha*, a *vory* nickname (не “vorovskoy”. — *E.X.*). Previously it had been composed of many *lagpunkts* (замена нехарактерного для английского языка окончания *-ы* на традиционную форму множественного числа. — *E.X.*) scattered over the mountainside, sub-colonies within a colony, some positioned in such exposed topography and in such poor mining yields that their purpose can only have been death).

Отсутствие единого подхода к освоению наименований инокультурных реалий может быть связано с тем, что главной задачей автора являлось создание определённой атмосферы текста, пользуясь высоким потенциалом экзотизмов как выразительных средств, а не пополнение преинформационных запасов носителей принимающей культуры².

Таким образом, попадая в неродственную этносреду социолектизмы функционируют уже не в качестве номинативных единиц, естественных для общения социально-замкнутых коллективов, а как инородные лексические вкрапления, перевод которых требует учитывать рецептивные возможности читателей целевой лингвокультуры.

Помимо адаптивного и резистивного переводов переводчик может также прибегнуть к интерпретативному переводу, позволяющему истолковать «тёмные» места оригинала и тем самым преодолеть сопротивление принимающего коммуникативного пространства или этноцентризмкоммуницирующих культур.

² Подробнее об экзотизации текста перевода как переводческой стратегии см.: Харитонова Е.В. Экзотизация текста наименованиями реалий воссоздаваемой культуры: к вопросу о переводческих стратегиях // European Social Science Journal / Европейский журнал социальных наук. М.: Междунар. исследовательский институт, 2013. № 4 (32). С. 181–186.

Обратимся к двум другим примерам авторского перевода русских лагерных социолектизмов, выполненных С.Ф. Коэном (“*The Victims Return. Survivors of the Gulag After Stalin*”) и М. Соломоном (“*Magadan*”). Основной функцией лагерной лексики в работах Коэна и Соломона являлось воссоздание исторической правды о жизни в условиях лагерной действительности, описание которой без лагерного субъязыка было бы ущербным. Использование лагеризмов в работах этих авторов каждый раз обусловлено необходимостью верно передать особенности быта в советских лагерях. При этом авторы, используя экзотические для иностранного читателя наименования, не забывают дать подробное объяснение транскрибированных/транслитерированных лексем: The total number of Gulag inmates — or *zeks*, as they were commonly called, from the Russian word for prisoner (*zaklyuchonnyi*) — during the Stalin era is unknown [Cohen, 2010, p. 3]. “Make yourself ready. You are to be shipped out.” The official word for it was *etap* almost as frightening a word as death. It meant transfer from one camp to another, sometimes thousands of miles away [Solomon, 1971, p. 70]. Подобный подход представляется нам верным, несмотря на то что интерпретация социолектизмов неизбежно приводит к «утяжелению» перевода описательными конструкциями, совершенно не характерными для лагерного социолектного текста, тяготеющего к лаконичности, словосокращению и усечению многословных терминообразований.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что переводческие дублеты (транскрибирование или перенос социолектной единицы с одновременным кратким или полным толкованием/описанием) уместны, в случае использования социолектизмов в не родственной для них этносреде, поскольку интерпретация в данном случае оправдана необходимостью компенсировать пробелы в восприятии реципиентов, в культурной картине мира которых отсутствуют данные реалии. И наоборот, в этнокультурной среде, являющейся родной для того или иного социолекта, использование интерпретативного перевода будет существенно мешать естественному восприятию текста. Обратимся к роману Т.Р. Смита и его переводам на немецкий и русский языки. Сравним (с. 77–78).

В анализируемых нами примерах фрагменты на русском языке, несмотря на то что они являются переводами с английского оригинала, тем не менее относятся не к целевой этносреде, а к средисточнику, внутри которой и создавался лагерный социолект. В этой связи, толкование таких социолектизмов, как *авторитет*, *кликуха*, *урки*, *сходка*, *политические*, *держатъ масть* и другие, представляется совершенно излишним. Иными словами, чрезмерная точность при передаче социолектизмов на референциальном уровне привела в данном случае к нарушению эквивалентности на

<p><i>The Secret Speech</i> by T.R. Smith</p>	<p><i>Колыма</i> übersetzt von A. Gontermann</p>	<p>«Колыма» пер. А. Михайлова</p>
<p>...she was no <i>torpedy</i>, no mere foot soldier — she was the <i>avtoritet</i>, the leader (143).</p>	<p>So weit Leo beurteilen konnte, gehörte sie nicht zu den <i>torpedy</i>, den einfachen Fußsoldaten — sie war die <i>avtoritet</i>, die Anführerin (155–156).</p>	<p>...она была не простой <i>торпедой</i>, а <i>авторитетом</i>, главарём. Ссылка в тексте перевода: Торпеда — рядовой преступник, обычно специализирующийся на насилиии. Синонимы — пехота, пехотинец (жарг.) (147).</p>
<p>Fraera was integrated into their rituals: her body covered with tattoos, her birth name tossed aside and replaced with a <i>klitkukha</i>, a <i>vory</i> nickname (144).</p>	<p>Frajera hatte sich die Rituale der Männer zeigen gemacht. Ihre Körper hatte sie mit Tätowierungen geschmückt und ihren eigentlichen Namen abgelegt zugunsten eines <i>klitkucha</i>, eines <i>vory</i>-Spitznamens (156).</p>	<p>Фраерша прошла ритуал посвящения: тело её было покрыто татуировками, имя, данное ей при рождении, было забыто и заменено <i>клиткухой</i>, воровским прозвищем (147).</p>
<p>During Stalin's reign the guards frequently colluded with the <i>urki</i> — the career criminals (147).</p>	<p>Unter Stalin hatten die Wärter oft gemeinsame Sache mit den urki gemacht, den Berufsverbrechern (159).</p>	<p>В сталинские времена охранники частенько вступали в сговор с <i>урками</i> — профессиональными преступниками (151).</p>
<p>Payment for this transaction was information on the politicals — convicts sentenced for crimes against the State (147).</p>	<p>Die Gegenleistung für solche Transaktionen waren Informationen über Politischen, jene Gefangenen also, die man für Verbrechen gegen den Staat verurteilt hatte (160).</p>	<p>В качестве платы за подобные сделки урки доносили на <i>политических</i> — заключённых, осуждённых за преступления против государства (151).</p>

<p>Despite his injuries he'd insisted that the <i>skhodka</i>, a trial to meditate between disputing gang members, go ahead (186).</p>	<p>Doch er hatte darauf bestanden, dass die <i>shodka</i>, ein Schiedsgericht zwischen streitenden Bandenmitgliedern, stattfand (201).</p>	<p>Несмотря на свою рану, он настоял на немедленном созыве <i>сходки</i> — своеобразного суда чести между членами преступной группировки (189).</p>
<p>In contrast to other <i>derzhat mast</i> — the leader of a community of thieves... (189).</p>	<p>Im Gegensatz zu jedem anderen <i>derschat mast</i> oder Anführer einer Diebesbande... (205).</p>	<p>В отличие от авторитетов, <i>державших масть</i>, — то есть лидеров воровского сообщества, — Фраершу не вдохновляло желание существовать независимо от государства. Ссылка в тексте перевода: держать масть — значит верховодить в воровском сообществе, следить за поддержанием порядка и исполнением воровских законов, судить по справедливости... (193).</p>

высшем прагматическом уровне. Данный вывод противоречит заключению А.Д. Швейцера о том, что каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях [Швейцер, 1988, с. 85]. Приведенные нами примеры наглядно демонстрируют тот факт, что в процессе воссоздания социолектной лексики достижение эквивалентности на одном из более низких уровней может привести к её потере на более высоком.

Не вызывает сомнений тот факт, что игнорирование языковой и культурной составляющей текстов приводит к низкокачественному продукту переводческой деятельности. Принятие во внимание социолектной специфики текстов (как оригинала, так и перевода) является одним из обязательных условий успешного перевода, поскольку социолектизмы, как правило, несут на себе печать психологии и мировоззрения создавшего их коллектива, а значит, переводчик должен понимать особенности функционирования социолектных единиц в культуре языка оригинала и языка перевода.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
- Грачёв М.А.* Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.
- Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь: ТГУ, 1998. 99 с.
- Липатов А.Т.* Сленг как проблема социолектики: монография. М.: ООО Эллис, 2010. 318 с.
- Смит Т.-Р.* Колыма: роман / Пер. с англ. А. Михайлова. Харьков: Клуб Семейного Досуга; Белгород: ООО Клуб семейного досуга, 2013. 448 с.
- Тонер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.
- Чайковский Р.Р.* Поэтический перевод как способ межкультурной художественной коммуникации // Вестник Северо-Восточного государственного университета. № 19. Магадан: СВГУ, 2013. С. 137–145.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Cohen, S.F.* The Victims Return. Survivors of the Gulag After Stalin. Exeter, NH: Publishing Works, 2010. 216 p.
- Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 s.
- Smith, T.R.* Kolyma: Thriller / Übersetzt von A. Gontermann. Köln: Du Mont Buchverlag, 2009. 473 s.
- Smith, T.R.* The Secret Speech. London; Sydney; New York; Toronto: Pocket Books, 2010. 449 p.
- Solomon, M.* Magadan. Princeton; New York; Philadelphia; London: A Vertex Book, 1971. 243 p.

Чу Цзы-Чен,

аспирант Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук; e-mail: evgenychu@mail.ru

О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ, ВХОДЯЩИХ В СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ДВА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассмотрены проблемы двухстороннего перевода русских и китайских числительных, входящих в семантическое поле «два» и «二» èr, на основании теории эквивалентности перевода. Главная цель данного исследования — выяснить семантические особенности числительных, означающих концепт количества «2» (числительное «2») в русском и китайском языках, точно определить возможности их взаимной замены и описать способы их представления при переводе. С этой целью ведётся сопоставительный анализ семантики и грамматических особенностей соответствующих числительных двух языков (в частности, правил их употребления и сочетания с другими словами) в двух основных контекстуальных условиях — в составе свободных языковых сочетаний и фразеологических оборотов.

Ключевые слова: имя числительное, китайские шуцы, русская грамматика, китайская грамматика, русско-китайский перевод, китайско-русский перевод.

Chu Tzu-Chen,

Graduate Student at Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; e-mail: evgenychu@mail.ru

ON THE TRANSLATION ISSUES OF NUMERALS “2” IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

The article focuses on Russian and Chinese numerals related to the semantic field of “2” and difficulties of their translation. The main research goal is to distinguish multiple numerals associated with the concept of “2” in both languages, to define and describe regulations and restrictions of their intertranslation and some alternative representing methods. In order to achieve this goal, a comparative analysis of semantics and grammatical rules (with particular emphasis on the usage rules and those of combination with other words) of these numerals is carried out in two main contextual conditions: within common word combinations and as a fixed part of phraseological units.

Key words: Numerals, Chinese Shuci, Russian grammar, Chinese grammar, Russian to Chinese translation, Chinese to Russian translation.

Как в русском, так и в китайском языке термин имя числительное (數詞 shùcí «имя числительное») традиционно употребляется для названия слов, имеющих количественночисловое и счетно-порядковое значения. В современном русском языке, если говорить подробнее, грамматическую категорию имён числительных,

или счётных слов, образуют слова, являющиеся отвлечёнными обозначениями чисел, количества и счёта [Виноградов, 1972, с. 221].

В языкознании русского языка существуют разные мнения относительно того, обладает ли предметностью русское числительное. А.А. Реформатский пишет, что в русском языке такие части речи, как числительное, местоимение и междометие, не относятся к именам, поскольку они имеют совершенно иную характеристику и не обладает предметностью [Реформатский, 1996, с. 171–172]. Ю.С. Маслов выразил другое мнение: в русском языке имя числительное является словом-названием и, соответственно, относится к знаменательным словам [Маслов, 1987, с. 165]. Имя числительное китайского языка в традиции российской китаистики относится к предикативным словам, предикативность которых проявляется в том, что числительные в древнекитайском языке «обычно бывают в предложении сказуемым или определением к имени. Если количество чего-то является тем новым, о чём сообщается в предложении, числительное обычно делается сказуемым» [Яхонтов, 1965, с. 52]. И это свойство предикативности в большинстве обнаруживается у числительного современного китайского языка.

Имена числительные столь непохожих языков различаются не только грамматическими функциями, но и способностью сочетаться с другими словами. Тем не менее способам передачи числительных двух языков при переводе до сих пор не уделено достаточного внимания. Например, нет работ, посвящённых самым сложным для перевода числительным, входящим в состав семантического поля «два» и «二» (далее — числительные «2») соответственно в русском и китайском языках. В русском языке сюда можно отнести слова *два*, *двое* (а также ряд мотивированных стилистических вариантов *двойка*, *двушка* и т.п.), *второй*, *пара* и *оба*, а в китайском — иероглифы 二 èr, 貳 èr, 兩 liǎng, 雙 shuāng и 對 duì.

Переводческая эквивалентность в традиционном понимании устанавливается в условиях формального или содержательного соответствия оригинала и его перевода. Это может быть их содержательное соответствие [Комиссаров, 1990, с. 43–44] или отражение в переводе не только содержания, но и формы оригинала («исчерпывающая передача смыслового содержания текста и передача содержания равноценными средствами») [Рецкер, 1973, с. 7]. В общем, такое нормативно-содержательное соответствие включает два требования: соблюдение нормы переводящего языка (ПЯ) и точную передачу всех существенных элементов содержания исходного текста [Латышев, 1981, с. 7].

В относительно новом и расширенном понимании переводческая эквивалентность обусловлена не столько совпадением формальных и смысловых языковых характеристик оригинала и

перевода, сколько полным дублированием коммуникативного эффекта оригинала в тексте перевода. Иными словами, речь идёт о «связи между переведённым сообщением и его получателем, которая должна быть такой же, как и между исходным сообщением и его получателями»¹. Данному понятию об эквивалентности перевода американский переводчик Ю. Найда предложил название «динамическая эквивалентность» (*dynamic-equivalence*), под которым подразумевается сходство коммуникативной функции оригинала и перевода у носителей исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). В советской и российской традиции идеи, связанные с динамической или функциональной эквивалентностью, высказывали такие учёные, как Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, Ю.И. Львин, Л.К. Латышев и т.п. В целом динамическая или функциональная эквивалентность в переводе в российской традиции также понимается как функциональное соответствие оригинала и перевода в пределах одного контекста [Гак, 1980, с. 8]. Иными словами, это «крупномасштабная эквивалентность», основывающаяся на соответствии функций двух текстов [Латышев, 1988, с. 129]. При этом основное значение имеет прагматический аспект перевода (при всех возможных добавлениях, прояснениях, опущениях и даже при полной замене фрагментов текста оригинала) [Бархударов, 1975, с. 125].

Отношения эквивалентности при переводе возникают также между конкретными языковыми единицами двух языков, выступающими в составе речевых высказываний и определяющимися их значениями и особенностями употребления в речи. Единицу, регулярно используемую для перевода конкретной единицы другого языка, можно назвать переводческим соответствием [Казакова, 2001, с. 159–162]. Это коммуникативно равноценные единицы, которые необходимо извлекать из коммуникативно равноценных высказываний, объединяемых при переводе. Таким образом, для обсуждения проблемы эквивалентности перевода числительных, передающих значение «2» в русском и китайском языках, необходимо рассмотреть эти слова в определённых контекстуальных условиях. В целом числительные, передающие значение «2», в русском и китайском языках используется в двух основных контекстах — в составе свободных языковых выражений и в составе устойчивых фразеологических сочетаний. В составе свободных сочетаний слов данные числительные в большинстве случаев употребляются в свободных лексических значениях (т.е. прямых), зафиксированных в толковых и двуязычных словарях, при помощи которых возможно

¹ “Dynamic equivalence is therefore to be defined in terms of the degree to which the receptors of message in the receptor language respond to it in substantially the same manner as the receptors in the source language” [Nida, 1982, p. 24].

предположить их переводческие соответствия в ПЯ. В составе фразеологических единиц числительные, передающие значение «2», нередко употребляются в ряде переносных коннотативных значений, входящих в состав актуальных значений фразеологических единиц в целом. В данном случае составляющие числительные компоненты фразеологических единиц могут быть переданы разными лексическими способами для создания коммуникативного соответствия оригиналу.

1. Перевод числительных, передающих значение «2», в русском и китайском языках в составе свободных языковых выражений

Приведённые выше числительные «2» в русском и китайском языках различаются не только лексическими значениями, но и связью с другими словами, обусловленной присущими данному языку законами сочетания словесных значений, семантическими соотношениями с их числительными синонимами, а также экспрессивными и стилистическими особенностями употребления. Согласно словарным описаниям в толковых словарях русского и китайского языков у числительного «2» в двух языках выделяют следующие общие типы свободного значения: **1) число/цифра «2»; 2) порядок «2»; 3) количество «2»; 4) несколько и немного; 5) о двух лицах или предметах, существующих как одна совокупность; 6) о лицах и предметах, называемых цифрой «2».**

1) Понятие ‘число/цифра «2»’ в русском языке обозначается количественным числительным *два*. Например, выражение *Дважды два — четыре*. В китайском языке соответствующим числительным считается иероглиф 二 èr, который употребляется преимущественно в математическом счёте. Например, 一、二、三 yī èr sān «раз, два, три». 二十 èrshí «двадцать». Стоит отметить, что в китайском языке существует ещё иероглиф 貳 èr, который рассматривается как формальная запись (или пропись) иероглифа 二 èr. Иероглиф 貳 èr употребляется довольно редко и почти лишь только в коммерческих и финансовых документах (чеках, счетах и т.п.) для затруднения подделки.

2) Понятие ‘порядок «2»’ обозначается русским порядковым числительным *второй* и китайским словом 第二 dìèr «второй». Однако в китайском разговорном языке и в конкретных условиях сочетания с другими словами принято употреблять упрощённую форму 二 èr (вместо 第二 dìèr) [Ли, 2008, с. 70]. Точнее говоря, в составе свободных словосочетаний, указывающих на категории предметов — 二樓 èrlóu «второй этаж» (а не 第二樓 dìèrlóu); в составе свободных словосочетаний, указывающих на членов семьи — 二哥 èrgē «второй из старших братьев» (ни в коем случае не го-

ворится 第二哥 *dìèrgē*); в составе свободных словосочетаний, указывающие на дату — 二月二日 *èryuèèrì* «второе февраля». В составе этих словосочетаний иероглиф 二 *èr* практически употребляется в значении ‘второй’ и функционирует как порядковое числительное.

3) Понятие ‘количество «2»’ в русском языке передают слова *два, двое и пара*, среди которых чаще всего употребляется количественное числительное *два*. Например, *два раза, два стакана*. Собирательное числительное *двое*, согласно «Грамматике русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой, используется только при сочетании с существительными мужского или общего рода, обозначающими лиц (*двое юношей*), с существительными, имеющими только множественное число и с личными местоимениями во множественном числе (*Двое ножиц. У них двоих*). Слово *пара* выступает как счётное слово, обозначающее количество «2», почти только в разговорной речи (*купить пару яблок*). В китайском языке для указания количества «2» в подавляющем большинстве случаев употребляется иероглиф 兩 [лян] *liǎng* «два»: 兩個 *liǎnggè* «две штуки», 過兩天 *guōliǎngtiān* «через два дня», 兩塊盧布 *liǎngkuàilúbu* «два рубля».

4) С представлением о неопределённом количестве ‘несколько и немного’ могут быть связаны русские слова *два* и *пара* в составе таких разговорных выражений, как *Через минуты две. Через пару дней*. В китайском языке соответствующим словом является иероглиф 兩 *liǎng*². Например, китайское выражение 過兩天再說 *guōliǎngtiānzàishuō* «Через пару (несколько) дней поговорим». Стоит отметить, что данное значение наблюдается у китайского 兩 *liǎng* тоже только в разговорных выражениях.

5) В русском и китайском языках числительное «2» часто используется для указания двух лиц или предметов действительности, существующих как одно целое. На основе анализа словарных определений можно выделить три подтипа данного значения: ‘о двух предметах, существующих или носимых в паре’, ‘о двух лицах, имеющих определённые отношения между собой’ и ‘и тот, и другой’. В русском языке в первом значении употребляются слова *двое* и *пара*. См. *двое сапог. Пара чулок*. Во втором значении, или, точнее говоря, при описании ‘мужчины и женщины, связанных друг с другом любовными или супружескими отношениями’, используется слово *пара*. Например, *супружеские пары, влюблённые пары*. В последнем значении употребляется собирательное числительное *оба*: *обе стороны. Оба берега*.

² 兩 [лян] *liǎng* употребляется в неопределённо-количестве значении, когда речь идёт о совокупности в пределах от 1 до 10.

В китайском языке при указании на ‘предметы, существующие или носимые в паре’ используется иероглифы 雙 *shuāng*: 一雙絲襪 *yīshuāngsīwà* «пара чулок». 兩雙皮鞋 *liǎngshuāngpíxié* «две пары ботинок». Для описания ‘двух лиц, рассматриваемых как единое множество’ используются 兩 *liǎng* и иногда 對 *duì*: 兩兄弟 *liǎngxīdōngdì* «два брата» 兩夫妻 *liǎngfūqī* «супружеские пары». 一對情侶 *yīduìqínglǚ* «влюблённая пара». В значении ‘и тот и другой’ используются 兩 *liǎng* и 雙 *shuāng*. Например, 兩岸 *liǎngàn* «оба берега». 雙方 *shuāngfāng* «обе стороны».

б) В русском и китайском языках числительным «2» можно обозначать лиц или предметы, называемые цифрой «2». В русском разговорном языке словоформа *двойка* часто используется для названия различных видов транспорта, нумеруемых цифрой 2 (трамвай, автобус и т. п. маршрута № 2). Например, выражение *Сесть на двойку (автобус № 2)*. Тем же способом другой словоформой *двушка* можно обозначать ‘два рубля’ (в советское время) или чаще всего ‘двухкомнатная квартира’. В китайском языке для описания лиц или предметов, называемых числом «2» употребляется обычно только 二 *èr*. Например, 二號公車 *èrháogōngchē* «автобус № 2», 二號候選人 *èrháohòuxuǎnrén* «избранник № 2». В некоторых случаях допускается использование не только 二 *èr*, но и 兩 *liǎng*. Например, словосочетание *двухкомнатная квартира* можно перевести как 二房公寓 *èrfánggōngyù* или 兩房公寓 *liǎngfánggōngyù*. В отдельных редких случаях используется только 兩 *liǎng*. Например, говорится только 兩點 *liǎngdiǎn* «два часа» (никогда не говорится 二點 *èrdiǎn*).

В целом соотношения числительных со значением «2» в русском и китайском языках в составе свободных словосочетаний можно показать следующей таблицей.

Таблица 1

Числительные со значением «2» в русском и китайском языках в составе свободных словосочетаний

	Число «2»	Порядок «2»	Количество «2»	Несколько и немного	О предметах, существующих или носимых в паре	О двух лицах, имеющих определенные отношения	И тот, и другой	О лицах и предметах, называемых числом «2»
два	V		V	V				V
двое			V		V			
двойка								V

	Число «2»	Порядок «2»	Количество «2»	Несколько и немного	О предметах, существующих или носимых в паре	О двух лицах, имеющих определенные отношения	И тот, и другой	О лицах и предметах, называемых числом «2»
<i>двушка</i>								V
<i>второй</i>		V						
<i>пара</i>			V	V	V	V		
оба							V	
二 èr	V	V						V
貳 èr	(v)							
兩 liǎng			V	V		V	V	(v)
雙 shuāng					V		(v)	
對 duì					V	(v)		

На основе данных таблицы можно предположить потенциальные переводческие соответствия одного числительного (русского или китайского) в другом языке при его употреблении в конкретном значении в составе свободных языковых выражений. При этом знаком (v) обозначается более редкий, но возможный случай перевода. Например, когда слово *двое* сообщает о количестве «2» в составе словосочетания *двое детей*, оно должно быть переведено с помощью китайского иероглифа 兩 liǎng (兩個小孩 liǎnggèxiǎohái). Когда собирательное числительное *двое* передаёт идею о 'предметах, носимых в паре' в составе словосочетаний типа *двое сапог*, это слово переводится на китайский как 雙 shuāng (一雙靴子 yīshuāngxiēzi). Когда русское числительное *два* характеризует предметы, называемые числом «2», его следует переводить китайским иероглифом 二 èr. Например, выражение *я жду автобус № 2* переводится как 我等二號公車. Если переводится китайское выражение, содержащее числительное 兩 liǎng, обозначающее 'несколько и немного', можно использовать русские слова *два* и/или *пара*. Например, выражение 我們過兩分鐘再說 можно перевести как «Через пару минут поговорим», так и «Через две минуты поговорим».

Стоит отметить, что в толковых словарях русского языка у числительного «2» зафиксированы ещё некоторые значения, которых

не наблюдается у соответствующих числительных китайского языка. Например, русским числительным *два* (также в форме *двойка*) и счётным словом *пара* может обозначаться оценка 'неудовлетворительно' (отметка 'плохо' или 'неудовлетворительно' при пятибалльной системе): *схватил двойку/пару по математике*. Слово *пара* по отношению к реально существующим предметам имеет ещё такие значения, как 'упряжка в две лошади', 'две лошади, запряжённые в экипаж, повозку и т.п.' и 'мужской костюм, состоящий из брюк и пиджака': *Ездить на паре. Сшить новую пару. Фрачная пара*. Кроме того, слово *пара* употребляется ещё для описания 'предметов, состоящих из двух одинаковых, соединённых вместе частей': *пара брюк; две пары щипцов; пара ножниц*. В китайском языке соответствующие понятия обозначаются числительными частицами (или счётными словами), стоящими между числительными и существительными³, в том числе: 條 (для описания длинных предметов) и 把 *bǎ* (для описания существительных, обозначающих предметы с ручкой). В китайском языке следует уделить особое внимание иероглифу 雙 *shuāng*, который при сочетании с китайскими счётными словами может обозначать 'двойной' или 'удвоенное количество описанных предметов': 雙倍 *shuāngbèi* или 雙份 *shuāngfèn* «двойной». С помощью иероглифа 雙 *shuāng* также образуются многосложные слова и термины (т.е. он подобен русским преффиксам *би-*, *двух-*, *дву-*, *двойко-*).

2. Перевод числительных, передающих значение «2» в русском и китайском языках в составе фразеологических оборотов

1) Способы передачи числительного «2» в составе русских идиом и китайских чэньюев при переводе.

Для числительного «2», присутствующего в составе фразеологизмов, принципиально уже невозможно создать такую таблицу переводческих соответствий, согласно которой можно предположить варианты в ПЯ. Причины заключаются в том, что, с одной стороны, в составе фразеологизмов числительные часто передают не значения числа и количества, а другие переносные ассоциативные значения. С другой стороны, в отличие от перевода свободных языковых сочетаний перевод фразеологических единиц в большой

³ В современном китайском языке если числительное стоит перед существительным, между ними будут стоять особые слова, называемые числительными частицами [Иванов, 2003, с. 56]. Для этого особого класса слов также используются такие термины, как счётные слова, существительные — единицы измерения и классификаторы [Горелов, 1982, с. 9]. Стоит отметить, что в Вэньяне (древнекитайский литературный язык) числительные слиты с существительными в одно слово [Ван, 1954, с. 45]. Например, пишется — 人 *yīrén* «один человек» вместо — 個人 *yīgèrén*.

степени зависит от актуальных значений фразеологизмов в целом и от значений, в которых действительно употребляются данные фразеологические единицы в данном контексте. Иными словами, перевод всегда осуществляется на более высоком языковом уровне (на уровне словосочетания, предложения и т.п.) и не зависит от выражаемой семантики отдельных компонентов. Выделяется два основных способа перевода числительного «2», находящегося в составе русских и китайских фразеологизмов: 1) замена соответствующими числительными; 2) замена другими словами — числительными или словами других частей речи в ПЯ.

Числительный компонент «2» может быть заменён соответствующими числительными в ПЯ благодаря тому, что в ПЯ существуют достаточно близкие или аналогичные не только по смыслу, но и по форме (лексическому составу) фразеологические единицы. Например, русская идиома *убить двух зайцев* акт. ‘выполнить одновременно два разных дела, достичь двух различных целей’ имеет в китайском языке ряд переводческих соответствий, в том числе 一石二鳥 *yīshíèrniǎo* (букв. «одним камнем сбить двух птиц»); 一舉兩得 *yījǔliǎngdé* (букв. «одним действием добиться двойной выгоды»); 一箭雙鷗 *yījiànshuāngdiāo* (букв. «одной стрелой сбить двух орлов»). Разумеется, что в таких случаях перевода числительное *два* вполне можно заменить соответствующими китайскими числительными, включая 二 *èr*, 兩 *liǎng* и 雙 *shuāng*.

Фразеологические фонды русского и китайского языков очень отличаются составом и объёмом, и в целом в китайском языке числительных фразеологизмов (數詞成語 *shùcíchéngyǔ*) значительно больше, чем в русском. В этой связи многие китайские чэньюи, содержащие числительное «2», не имеют в русском языке близких по форме вариантов (идиом, образуемых с помощью числительного «2»). Следовательно, перевод многих таких китайских числительных чэньюев станет возможным только путём создания в русском языке функциональных эквивалентов, которыми могут быть калькированные сочетания слов или прямые описания/объяснения актуального значения оригинала с указанием на этимологию. В этих случаях, если числительные компоненты оригинала не удаётся сохранить в тексте перевода, они могут быть переданы другими числительными или словами иных частей речи.

В первом случае, числительное «2» в составе многих высокоидиоматичных фразеологизмов может быть заменено другими числительными ПЯ, выражающими аналогичные коннотативные значения. Например, русская идиома *глядеть (смотреть) в оба* акт. ‘быть настороже, быть бдительным’ имеет в китайском языке эквиваленты 眼觀四方 *yǎnguānsīfāng* (букв. «смотреть в четыре (все)

стороны») и 耳聽八方 ěrtīngbāfāng (букв. «уши ловят звуки со всех сторон»). Здесь русское *оба* может быть заменено китайскими числительными 四 sì «четыре» и 八 bā «восемь». В качестве подобного примера можно также привести идиому *как две капли воды*, которая переводится китайским чэньюем 如出一轍 rúchūyīchè (букв. «по одной мерке»).

Во втором случае, когда в ПЯ отсутствуют близкие по значению числительные фразеологические единицы, числительное «2» в составе фразеологизмов может быть заменено словами других частей речи. Например, китайский чэньюи 兩小無猜 liǎngxiǎowúcai переводится как «чистая детская дружба» (букв. «пока тот и другая (мальчик и девочка) малы — подозрениям места нет») и 兩袖清風 liǎngxiùqīngfēng — как «неподкупный бедный чиновник» (букв. «в обоих рукавах свежий ветер»).

2) Коннотация числительного «2» в составе русских и китайских фразеологизмов и её роль в переводе.

При переводе способ представления числительного «2» в составе фразеологических оборотов определяется с учётом передаваемой этим словом коннотации, которая выступает как часть актуального значения фразеологизма в целом. В соответствующих фразеологизмах русского и китайского языков можно выделить такие общие коннотативные значения составляющего числительного «2», как два значения степени — **‘совсем, вовсе или во всех отношениях’** и **‘мало’**, а также три значения отношений между указанными лицами или предметами — **‘два разных (А и Б)’**, **‘сходство (А¹ и А²)’** и **‘противоположность (А+ и А-)’**.

Русское собирательное числительное *оба* в составе ряда идиом может ассоциироваться с идеей ‘совсем, вовсе или во всех отношениях’. См. идиому *за обе щеки уплетать* акт. ‘есть с большим аппетитом, жадно’ (*обе щеки* — ‘все возможности’). *Обеими руками* акт. ‘с большой охотой’. Примерами из китайского языка служат чэньюи с иероглифом 兩 liǎng: 兩全其美 liǎngquánqíměi «давать выгоду в обоих отношениях; обоюдovýгодный» (букв. «обе стороны извлекают для себя выгоду»). 兩相情願 liǎngxiāngqíngyuàn «по обоюдному согласию» (букв. «иметь обоюдное желание»).

Идея ‘мало’ передаётся словами *два* и *пара* в составе таких идиом, как *в двух шагах* акт. ‘близко’ (компонент *два шага* указывает на ‘небольшое расстояние’), *в два счета* акт. ‘легко’ (‘мало усилий’). *В двух словах*. *Вызывать на пару слов (на два слова)*. *Не уметь связать двух слов*. *Пара пустяков*. Из китайского языка можно привести гуаньюнюй 兩三下 liǎngsānxià «о том, что требует мало усилий» (букв. «два-три раза»).

К первому типу отношений между предметами или лицами, ‘два разных (А и Б)’, относятся фразеологизмы двух языков, в составе которых числительное «2» означает два отдельных, не связанных друг с другом лица или предмета. Например, русское числительное *два* в составе идиомы типа *слуга двух господ* акт. ‘о двурушничестве’. В китайском языке существует большой ряд подобных чэньюев с числительными 二 èr, 兩 liǎng и 雙 shuāng: 心無二用 xīnwúèryòng букв. «сердце не лежит к двум вещам»; акт. «не разбрасываться; сосредоточенный; посвятить себя одному целиком». 一身兩役 yīshēnlǎngyì букв. «занимать два поста, выполнять две работы»; акт. «раздваивать внимание; разбрасываться». 雙管齊下 shuāngguǎnqíxià букв. «рисовать одновременно двумя кистями»; акт. «двигаться одновременно двумя путями, преследуя свою цель».

Ко второму типу отношений между предметами или лицами, ‘сходство’ (A¹ и A²)’, относятся такие фразеологические единицы, в составе которых числительное «2» указывает на сходство между описываемыми лицами и предметами, на два аналогичных друг другу лица или предмета. Например, идиомы *на своих двоих* акт. ‘пешком’ (собирательное числительное *двое* обозначает ‘две ноги’). *Два сапога пара. Две капли воды* акт. ‘о людях, похожих друг на друга во многом, стоящих один другого’. *Не пара [кому/чему-либо]*. В китайском языке имеются чэньюи с числительным 雙 shuāng. Ср. 成雙入對 chéngshuāngrùduì акт. «двойной, парный; парами». Например, 比翼雙飛 bìyìshuāngfēi букв. «летать парой (о птицах)»; акт. «нежно относиться друг к другу». 國士無雙 guóshìwúshuāng букв. «среди государственных мужей не иметь себе равного»; акт. «единственный, несравненный, неповторимый, уникальный».

К последнему типу отношений между лицами или предметами, ‘противоположность (A+ и A–),’ относятся идиомы, описывающие ‘две противоположные точки зрения’ или ‘две противостоящие стороны’: *сидеть на двух стульях (между двумя стульями)*. *Палка о двух концах* (‘два противоположных результата’). В качестве примера из китайского языка можно привести чэньюи, содержащие иероглифы 二 èr и 兩 liǎng: 一山不容二虎 yīshānbùróngèrhǔ букв. «в одних горах не уживаются два тигра»; акт. «быть смертельными врагами». 一蛇二首 yīshéèrshǒu букв. «змея с двумя головами»; акт. «невозможно наладить службу при двух правителях». 勢不兩立 shìbùliǎnglì букв. «взаимно исключать друг друга»; акт. «быть смертельными врагами».

В целом коннотативные значения числительного «2» в составе русских и китайских устойчивых фразеологических сочетаний можно показать с помощью следующей таблицы.

Коннотативные значения числительного «2» в составе русских и китайских устойчивых фразеологических сочетаний

	совсем, все, во всех отношениях	мало	два разных	сходство	противоположность
два		V	V	V	V
двое				V	
двойка					
двушка					
второй					
пара				V	
оба	V				
二 èr			V		V
貳 èr					
兩 liǎng	V	V	V		V
雙 shuāng			V	V	
對 duì					

В таблице 2 показано, какие коннотативные значения могут быть у числительного «2» в русских идиомах и китайских чэньюях. Эти данные в известной степени помогают нам разобраться с тем, как следует переводить числительные фразеологизмы, в состав которых входит числительное «2». Например, китайский чэньюй 兩敗俱傷 liǎngbàijùshāng переводится как «пострадали обе стороны» (перевод мой. — Ц.Ч.), так как китайский иероглиф 兩 и русское числительное *оба* могут передавать идею 'все, совсем'. В составе другого чэньюя 兩虎相鬥 liǎnghǔxiāngdòu «борьба двух сильных противников» (перевод мой. — Ц.Ч.) иероглиф 兩 liǎng передаёт идею 'противоположность' и переводится как «два».

Стоит отметить, что здесь рассматриваются далеко не все возможные коннотативные значения числительного «2», входящего в состав китайских чэньюев. Например, в составе некоторых чэньюев встречается более одного числительного: 一來二去 yīláierqù акт. «мало-помалу, постепенно; в конце концов» (числительные 一 ī «один» и 二 èr «два» передаёт идею 'время'). В составе чэньюя 三心二意 sānxīnèr'yì акт. «семь пятниц на неделе; проявлять нерешительность» числительные 二 èr «два» и 三 sān «три» передают

идею «постоянно менять». В составе китайских числительных чэньюев нередко встречаются сочетания числительных, употребляющиеся в функции других частей речи. Например, 二三其德 èrsānqídé букв. «изменчивы его (её) качества»; акт. «непостоянны его (её) чувства» (числительные 二 эр «два» и 三 sān «три» функционируют как глагол и передаёт идею ‘изменить’). В составе чэньюя 二八佳人 èrbājiārén букв. «дважды по восемь»; акт. «шестнадцатилетняя красавица» числительные 二 èr «два» и 八 bā «восемь» функционируют как одно прилагательное и передают идею “шестнадцатилетняя” (о возрасте).

Выводы

В конце сопоставительного исследования числительных, передающих значение «2» в русском и китайском языках, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, в составе свободных языковых выражений у соответствующих числительных двух языков можно выделить несколько общих основных лексических значений, в том числе представления о цифре, порядке, определённом и неопределённом количестве, а также об объектах действительности, связанных с числом «2». Выделение этих общих значений позволяет нам найти переводческие соответствия в другом языке. Кроме того, с точки зрения перевода, можно также утверждать, что в данных контекстуальных условиях между числительными, передающими значение «2» в двух языках, зафиксированы в основном устойчивые системные отношения соответствия, которые обобщаются с помощью данной выше таблицы.

Во-вторых, применительно к числительному «2» в составе фразеологических оборотов русского и китайского языков было бы неразумно говорить об отношениях соответствия, так как перевод фразеологических сочетаний, семантически рассматриваемых и переводящихся как одно целое, существенно отличается от перевода свободных языковых выражений. Но в ходе анализа соответствующих фразеологизмов двух языков были выделены конкретные способы представления числительного «2», выступающего как составляющий компонент фразеологической единицы. Кроме того, у числительного «2» в составе фразеологических единиц двух языков обнаруживаются общие семантические ассоциации, которые в известной степени помогают нам определить подходящий способ перевода.

Стоит отметить ряд ограничений исследования, представленного в данной статье. Во-первых, все переводческие эквивалентные отношения являются условными, т.е. отношения соответствия между

числительными со значением «2» русского и китайского языков устанавливаются только в определённых контекстуальных условиях. Во-вторых, в данной статье возможно рассмотрение только самых распространённых случаев употребления данных числительных в соответствии с нормами двух языков, а далеко не все их возможные сочетания. Например, можно привести такой случай употребления китайского числительного 兩 liǎng, принципиально отступающий от нормы китайского языка: в военной радиосвязи 兩 liǎng используется во всех случаях и независимо от семантики, поскольку его легко распознать на слух. Помимо того, правила употребления китайского числительного «2» могут варьироваться по регионам. Например, при указании на истребитель советского и российского производства Су-27, его название на Тайване читается как 蘇二七 sūèrqī, а в Китае — 蘇兩七 sūliǎngqī.

Практическая и научная значимость данной работы состоит в том, что она отражает тонкости перевода слов, передающих концепт количества «2» в русском и китайском языках, а также большого количества идиом, содержащих эти слова. В целом, в работе показываются отношения между числительными со значением «2» русского и китайского языков и их возможные переводческие соответствия, что чётко представлено в двух таблицах. Стоит подчеркнуть, что эти данные могут подсказать выход из многих сложных ситуаций перевода. Они могут быть полезны как переводчикам, так и иностранным студентам, которым трудно выбрать верный вариант перевода числительного «2» в конкретном контексте.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Баранов А.Н.* Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва, А.Д. Козеренко. М.: ЭКСМО, 2009. 704 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
- Виноградов В.В.* Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
- Ван Ляои.* Основы китайской грамматики. М.: Иностранная литература, 1954. 261 с.
- Гак В.Г.* Курс перевода. Французский язык. Общественно-политическая лексика. М.: Международные отношения, 1980. 355 с.
- Горелов В.И.* Грамматика китайского языка: для 8–10 классов средней школы с преподаванием ряда предметов на китайском языке. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1982. 280 с.
- Иванов А.И.* Грамматика современного китайского языка. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 302 с.

- Казакова Т.А.* Теория перевода (лингвистические аспекты). СПб.: Союз, 2001. 296 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Латышев Л.К.* Курс перевода: эквивалентность перевода и способы её достижения. М.: Международные отношения, 1981. 247 с.
- Латышев Л.К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение. 1988. 160 с.
- Маслов Ю.С.* Введение в языковедение. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект пресс, 1996. 275 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 244 с.
- Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный) / Ред. Т.Ф. Ефремова. М.: Дрофа, Русский язык, 2000. 1233 с.
- Словарь китайских идиом [Электронный ресурс] / Ред. министерства образования Тайваня. 2010. — Режим доступа: <http://dict.idioms.moe.edu.tw/cydic/index.htm>
- Словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / Ред. А.П. Евгеньева. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
- Толковый словарь китайского языка [Электронный ресурс] / Ред. министерство образования Тайваня. — 1994. — Режим доступа: <http://dict.revised.moe.edu.tw/index.html>
- Толковый словарь русского языка / Ред. Д.В. Дмитриев. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
- Шведова Н.Ю.* Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Наука, 1980. 798 с.
- Nida, Eugene, A.* The Theory and Practice of Translation / Nida, Eugene A., Charles R. Taber. Leiden: E.J. Brill. 1982. 218 с.
- Xiuhua, Xu.* On the Usages of “Er” and “Liang” / Journal Of Shanxi Datong University (Social Science Edition). 2010. 24(3).
- Déjīn, Lǐ.* A Practical Chinese Grammar for Foreigners (Revised Edition) / Lǐ. Déjīn [и др.]. Beijing: The publication house of Beijing university, 2008. 652 с.

ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

А.В. Алевич,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: anisalevich@yandex.ru

О ПОЭТИЧЕСКОМ МИРОПОНИМАНИИ: ТВОРЧЕСТВО ДЖОНА ДОННА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ (часть 1)

Первая часть статьи посвящена изучению социокультурного контекста и религиозно-этических представлений, господствующих в период жизни английского поэта и проповедника Джона Донна. В статье особое внимание уделено осмыслению метафизической и алхимической символики, затрагивающей глубинную структуру стихотворных произведений и отражающей индивидуальную картину мира. В качестве материала исследования рассматриваются оригинальные тексты стихотворений Джона Донна из циклов “Songs and Sonnets”, “Holy Sonnets”.

Ключевые слова: поэзия, Джон Донн, картина мира, метафизика, алхимия, символ, интерпретация, перевод.

Anissa V. Alevich,

Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: anisalevich@yandex.ru

POETIC WORLD REFLECTION OF JOHN DONNE'S CREATIVE MASTERPIECES THROUGH CULTURAL AND TRANSLATION STRATEGIES (Part I)

The first part of the article focuses on cultural and religious visions that dominated the English poet and priest John Donne's lifetime, understanding metaphysical and alchemical symbolism, penetrating into deep structure of his creative works and reflecting his individual world picture. Donne's masterpieces, mapped out through the understanding of his personality and life, are studied through his poems “Songs and Sonnets” and “Holy Sonnets”.

Key words: poetry, John Donne, world picture, metaphysics, alchemy, symbol, interpretation, translation.

В 1572 г. датский астроном Тихо Браге обнаружил на небе появление новой необычайно яркой звезды, которая была видна днём. В тот же год родился Джон Донн, английский поэт и проповедник, величие которого не потускнело и по сей день. Джон Донн воспитывался в католической семье, упоминания о которой встречаются в хрониках Войны Алой и Белой розы. Отец Донна был зажиточным лондонским купцом, мать приходилась племянницей

Томасу Мору, автору знаменитой «Утопии». В одиннадцать лет Донна отправили учиться в Оксфорд, где преподавались изящная литература, математика, латинский и греческий языки. Редкая одарённость и незаурядные способности выделяли Донна среди сверстников, однако учёной степени из-за своего вероисповедания он так и не получил.

С 1589 по 1591 г. Донн путешествует по Европе, что было со-звучно веяниям эпохи. Несмотря на то что наука в Англии быстро развивалась, учёные воспринимались как «общественные благодетели», а послушать их лекции выстраивались толпы, для того чтобы овладеть «новым знанием» (“The New Learning”), необходимо было выехать за рубеж. Тем не менее знакомством с культурой Ренессанса он не ограничился и принял участие в двух военно-морских экспедициях, в том числе в осаде Корунны под руководством сэра Френсиса Дрейка (1589 г.).

Вернувшись на родину, Джон Донн поступил на юридический факультет университета Линкольнз-Инн (1592 г.), где начал писать стихи. Работы «частого посетителя театров и талантливого автора изысканных стихотворений» расходились среди друзей [Томашевский, 1973, с. 6]. Окончив университет, он получил должность секретаря у лорда-хранителя печати и члена Тайного совета королевы Елизаветы I (1533–1603) Томаса Эджертона, настолько ценившего ум и тактичность Донна, что, называя своим другом, всегда оставлял для него место за обеденным столом.

Джона Донна ждало блестящее будущее на поприще государственной службы, но этим мечтам не суждено было сбыться. В 1601 г. он обручился с Анной Мор, дочерью влиятельного чиновника, вызвав резкое осуждение в обществе и гнев отца Анны, приложившего усилия для того, чтобы перед Донном закрылись все двери. После увольнения со службы он отметил: «С Джоном и Анной Донн покончено» (“John Donne, Ann Donne — Un-done”) [Walton, 1670, p. 8]. И эти слова оказались пророческими. Прошло десять полных лишений лет, перед тем как Донн стал помощником епископа Томаса Мортонна, снискал уважение отца Анны, стал вхож в круг творческой элиты, считавшей его одним из наиболее образованных и разносторонних людей своего времени.

Несмотря на то что современный читатель воспринимает Джона Донна исключительно как поэта, при жизни он прославился своими проповедями. Тем не менее история каждого народа начинается не с прозы, а с поэзии, ведь то, что первым возвысилось над обиходной речью, было стихом. Исследователь поэтического слога Е.Г. Эт-кинд отмечает, что в стихотворном творчестве «...с наибольшей полнотой и концентрированностью выражается дух народа. <...> Понять поэзию другого народа — значит понять национальный

характер, эмоциональный мир другой культуры» [Эткинд, 1963, с. 3–4]. Действительно, картина мира каждого народа уникальна и неповторима, что находит отражение в языке. Понимание источников и мотивов, представляющих индивидуальную картину мира, которые впервые прозвучали в ранних стихотворных произведениях Джона Донна и получили своё дальнейшее развитие в проповедях, становится основной целью данной научной статьи.

Особенности английского языка в эпоху Джона Донна

Джон Донн жил во времена, когда привычная картина мира переписывалась на глазах: мореплаватели вносили на карты новые земли и континенты, астрономы — далёкие планеты и звезды. Англия XVI столетия переживала период расцвета. Правление королевы Елизаветы I (1533–1603) стало временем становления британской нации: страна постепенно становилась территориальным, языковым и экономическим единством.

В елизаветинскую эпоху позиции латыни, господствующей во всех сферах государственной жизни, начали ослабевать, о чём веком ранее нельзя было даже и помыслить. Сохранилось письмо, которое в 1444 г. будущий Папа Пий II написал своему английскому другу Адаму де Молино, епископу Чичестера: «Я с горячим интересом прочитал Ваше письмо и с удивлением отметил, что стиль латинского языка проник в Британию. <...> Осваивайте и шлифуйте красноречие, которым Вы обладаете: это единственная благородная вещь, которая отличает Вас от других. Сила красноречия велика. Ничто в такой степени не правит миром» (перевод мой. — А.А.) [Mandell, 1985, р. 19–20]. Позиции латыни пошатнулись в 1529 г., когда Генрих VIII разорвал отношения с папством. С того момента «вульгарный» английский язык начал своё восхождение и к концу столетия стал, по выражению писателя Ричарда Мюлкастера, «лучшим из существующих». Несмотря на то что диссертации по-прежнему защищались на латыни, поскольку считалось, что «латинский том будет жить столько, сколько будут жить книги», учёные начинают создавать свои работы на двух языках, всё более склоняясь к английскому.

Укреплению английского языка содействует книгопечатание. В 1473 г. в типографии Уильяма Кэкстона вышла первая книга “The Recuyell of the Histories of Troy” («Сборник рассказов о Трое»). Число издаваемых в год книг в течение XVI столетия возросло от 45 до 460, при этом каждая пятая была переводом с других языков. Возросший объем переводов привёл к существенному обогащению словарного состава языка. Так, широкое распространение получили слова-дублеты: *frequency* (1553) и *frequentness* (1664), *imma-*

turity (1540) и *immatureness* (1665), *immediacy* (1605) и *immediateness* (1633). Заимствования привели к образованию синонимов, при этом если одно слово было латинского, то другое — англосаксонского происхождения (*praise — magnify, erred — stayed, prisoners — captives, prepare — make ready*).

Лексика менялась настолько стремительно, что это видели даже современники. В предисловии к переизданию “*The Book of Common Prayer*” («Книга общих молитв») через девяносто лет после создания отмечалось: «Перевод выполнен для того, чтобы выразить некоторые слова и выражения старинного употребления современным языком» (перевод мой. — А.А.) [*The Cambridge history*, 1992, p. 146].

Джон Донн, будучи проповедником, уделял языку самое пристальное внимание и не мог остаться в стороне от сотрясающих его изменений. Влияние Донна на становление английского языка сложно переоценить. Согласно исследованию британского лингвиста Г. Александра, он ввёл в употребление 342 слова, опередив по этому показателю Уильяма Шекспира [цит. по: *Crace*, 2008]. Донн многое почерпнул в творчестве античных поэтов, перенимая сложные синтаксические построения и сюжеты. Однако основной вклад в развитие языка определяется не объёмом нововведений, а отношением к слову, данному «и во искупление, и на муку». Но, прежде чем перейти к его пониманию Слова, следует уделить внимание тому, как смена церковных приоритетов на территории Англии изменила уклад общественной жизни и повлияла на конкретную языковую личность.

Воцарение англиканства

Елизаветинская эпоха ознаменовала воцарение англиканства. В 1534 г. Генрих VIII Тюдор (1509—1547), которого с детства готовили к должности архиепископа, был объявлен главой церкви. В «Акте о Супрематии» было отмечено следующее: «Король должен быть принимаем и признаваем единственным на свете верховным главой Английской церкви» (перевод мой. — А.А.) [*Documents illustrative*, 1966, p. 243]. К XVI столетию авторитет римской католической церкви заметно пошатнулся. Ведущие итальянские деятели эпохи Возрождения выступали против Папы, церковные ритуалы становились предметом насмешек, а фраза “*Intus ut libet, foris ut moris est*” («внутри — как пожелаю, внешне — как подобает», перевод мой. — А.А.) стала своеобразным лозунгом эпохи.

В Англии отделение от римской католической церкви произошло бескровно. Реформация, начавшаяся по инициативе монарха и получившая название «королевской», сплотила страну. В англикан-

ство обратились многие видные деятели эпохи, и Джон Донн не стал исключением. Тем не менее переход Донна в англиканство был болезненным и занял почти пятнадцать лет: среди его близких родственников были католические священники, мать сохранила приверженность католицизму до конца дней, пережив своего выдающегося сына на несколько месяцев, а негласно существовавший список деления священнослужителей на «о» (ортодоксальных, благонадёжных) и «п» (пуритан, критиковавших господствующий режим) лишь усугубил внутренние противоречия.

Переломный момент в жизни Джона Донна совпал с радикальными изменениями в жизни общества. Когда в 1601 г. Елизавета I (1533—1603) поднималась по ступеням, ведущим к трону, чтобы «произнести свою последнюю речь перед парламентом, она запнулась и не упала лишь благодаря придворным» (перевод мой. — А.А.) [Correspondence of King James VI, 1861, p. 9]. Правление великой английской королевы подходило к своему завершению. «Золотой» век Англии угасал, на трон взойшёл Иаков I (1566—1625), которому английская элита не могла простить шотландские корни. Иаков I, проводивший взвешенную политику «среднего пути», сыграл важную роль в жизни Донна, во многом определив его будущее.

В 1610 г. вышло сочинение «Псевдомученик» (“Pseudo-Martyr”), ознаменовавшее переход Донна в лоно англиканской церкви, в котором он призывал присягнуть на верность королю Иакову I: «Испокон веков отдавать жизнь за католическую веру было религиозным обычаем. Однако любую прихоть Папы выдавать за проявление католической веры и проливать за неё кровь является малодушием» (перевод мой. — А.А.) [Donne, 1610, p. 377]. С того момента он оставил “the mistress of my youth, Poetry” («возлюбленную юности Поэзию») ради “the wife of mine age, Divinity” («жены моей зрелости Богословия»), проделав путь, который, по выражению исследователя творчества Донна Дж. Сейнтсбери, можно сравнить с «превращением храма Диониса и Афродиты в христианскую церковь» [Saintsbury, 1894, p. 86]. Несмотря на отход от католицизма, Донн указывал на фундаментальную общность церквей. «Церковь есть Церковь вселенская» (перевод А.В. Нестерова), — писал он, впоследствии став личным духовником короля [Donne, 1923, p. 97].

В своей вере Донн опирался на слово: «И сотворил Бог человека посредством слова, и через слово мы зываем к нему» (перевод мой. — А.А.) [The Cambridge Companion, 2006, p. 149—150]. В одной из своих проповедей, произнесённых в соборе Святого Павла в Лондоне, где он служил настоятелем с ноября 1621 г. до конца своих дней и обрёл славу величайшего проповедника, он говорил: «Бог Отец сотворил мир словом своим» (“God spake, and all things were made”), Бог Сын — «Божье Слово во плоти» (“The Word made

flesh”), а Святой Дух «доносит смысл доселе неведомого познания Бога до сердец и умов верующих» (“Enables us to apprehend, and apply to our selves, the promises of God in him”) (перевод мой. — А.А.) [The Cambridge Companion, 2006, p. 151].

Три ипостаси единого Бога понимаются Донном в контексте понятий, обсуждаемых и сейчас в истории языковедческой науки, а именно в категориях речи, символического выражения и интерпретации. В ответ критикам, полагавшим, что «Донн, не будучи понят, погибнет», он говорил, что двоякость присуща не только словам, но и деяниям Бога: «Служение Тебе аллегорично насквозь; образ наслаивается здесь на образ. <...> И на этом языке говорил Ты. <...> И в этом причина того, что Твои служители издревле <...> создавали свои тексты, чтобы дозваться Тебя тем же языком, на котором обращался Ты к нам, — языке образов и метафор. Поэтому и я дерзну последовать их манере» (перевод А.В. Нестерова) [Donne, 1923, p. 94]. Донн приводит переписку отцов христианской церкви — выдающихся теологов и писателей раннего Средневековья Августина (354–430) и Иеронима (342–420), которые, несмотря на то что жарко спорили о верном толковании определённых фрагментов текста Священного Писания и даже «обрушивались друг на друга с нападками», призывали всех, ищущих Бога, читать Писание полностью, не ограничиваясь доступными для понимания отрывками.

Понимание метафизических смыслов в поэзии Джона Донна

Как это часто бывает, когда возникает новое явление, не укладывающееся в рамках привычных категорий, появляется необходимость подобрать ему соответствующее определение. Новое название может возникнуть практически случайно, а затем начинает жить собственной жизнью, и со временем иногда бывает довольно сложно определить, каким образом оно подбиралось. Так было с философским термином «метафизика», который обязан своему происхождению александрийскому библиотекарю Андронику Родосскому. Расставляя на полке работы Аристотеля в соответствии с их содержанием, он озаглавил книгу «о первых родах сущего» “Meta a ta physika” («после физики»). Так появилась метафизика, которая, по выражению Декарта, является «корнями философии» [Декарт, 1950, с. 421]. Сам Аристотель называл «науку об определённых причинах и началах», изложенную в этих книгах, «первой философией», «наукой о божестве» или «мудростью» [Аристотель, 2002, с. 32–36]. Тем не менее И. Кант полагал, что название, которое так точно отражает сущность дисциплины, находящейся вне области физики, не могло возникнуть случайно. Содержание по-

нятия «метафизика» менялось на протяжении столетий. Перевод греческого предлога “meta” английской приставкой “super” привёл к образованию слова “supernatural” («сверхъестественное»), которое в трактате «Парадоксы и проблемы» Джона Донна употреблено в качестве синонима слову «метафизика»: “And that poor Knowledge... we call Metaphysics supernatural” [Donne, 1967, p. 14].

Несмотря на переосмысление термина «метафизика» на протяжении столетий, обретение одних оттенков значения и утраты других, опора на религиозные учения оставалась неизменной. Именно поэтому стихотворения поэтов-метафизиков выливались в жанр молитвы или исповеди. Метафизику не обходят вниманием писатели и философы XIX и XX вв., поскольку она затрагивает вопросы общечеловеческого характера, неподвластные опытной науке, которые во все эпохи оставались предметом духовных исканий. Л.Н. Толстой полагал, что «метафизика и этика учения Христа до такой степени неразрывно связаны, что отделить одну от другой нельзя, не лишив все учение его смысла» [Мардов, 2005, с. 67].

Впервые в литературоведении философский термин «метафизика» был применён поэтом Уильямом Драммондом (1585–1619). В 1630 г. он назвал абстрактную поэзию Джона Донна «возведённой к метафизическим идеям и схоластике» (перевод мой. — А.А.) [From Donne to Marvell, 1976, p. 105]. Тем не менее, согласно исследователю Д. Герберту, определение поэт-метафизик относится не только к творчеству Донна и его последователей, но и «охватывает таких поэтов, как Данте и Лукреций, вдохновлённых философской концепцией Вселенной и ролью, отведённой человеческому духу» (перевод мой. — А.А.) [Metaphysical lyrics, 1921, p. 19].

По мнению И. Канта, ключевыми объектами метафизики являются Бог, Мир и Душа. Три концепта представляют единое целое, в дефинициях каждого из этих слов можно найти отсылки к двум другим. Так, в слове God (Бог) определяется как создатель Вселенной (“creator of the universe”), World (Мир) — как то разнообразие объектов, которые созданы Богом, Вселенной (“created things: Universe”), под словом Soul (Душа) понимаются «духовные принципы, воплощённые в человеке или Вселенной» (“the spiritual principle embodied in human being or universe”), а в христианстве душа является синонимом Бога (“Christian Science: God”) (перевод мой. — А.А.) [Merriam-Webster’s, 2003, p. 1192]. Представление о Боге соотносится с легендой о божественном создании Вселенной (лат. *dues* «Бог», *duo* — «два», букв. «разделивший (хаос) на две части»), где существенное место занимает Душа («дух», «душа» > «Бог», ирл. *scal* «дух») [Маковский, 1996, с. 150].

Указанные три слова формируют стержень поэтического миропонимания Джона Донна. Если представить трихотомию Бог —

Мир — Душа в виде треугольника, то в её основании, бесспорно, находится Бог. Тем не менее в раннем творчестве Донна слово “God” употребляется без религиозного подтекста (“*For God’s sake hold your tongue*”) или с некоторой долей иронии, что находит своё отражение в переводе стихотворения “*Love’s Deity*” («Божество любви») М.Я. Бородицкой, где God передано как «божок», ср.:

*But since this god produced a destiny,
And that vice-nature, custom, lets it be,
I must love her that loves not me.*

А нынче мы — ни шагу от завета
Божка жестокого: сему примета,
Что сам люблю я без ответа.

Но все меняется с принятием сана священника: центром мироздания становится Бог, а не возлюбленная, как это было в его ранних поэтических произведениях. Подобное изменение отношения к эволюции представлений Донна свидетельствует о том, что в «текстовом пространстве происходит объективация субъективного мира автора» [Манерко, 2004, с. 3].

Следующим концептом, которым оперирует Донн, является Мир, поделившийся на внешний (Макрокосмос) и внутренний (Микрокосмос).

*I am a little world made cunningly
Of Elements, and an Angelike spright,
But black sinne hath betrayed to endless night
My worlds both parts, and (oh) both parts
must die.
“Holy Sonnets”*

Я — микрокосм, искуснейший узор,
Где ангел слит с естественной природой,
Но обе части мраку грех запродад,
И обе стали смертными с тех пор...
«Священные сонеты»,
пер. Д.В. Щедровицкого

Джон Донн жил в эпоху Великих географических открытий, когда границы мира ширились и казались безграничными. Однако разрастающийся на глазах мир не подавлял человека, скорее наоборот: человек возвышался вместе с ним. Так, видный государственный деятель, писатель и историк XVII в. Уолтер Рэли сравнивал человека с «краткой повестью Истории Мироздания», поскольку тело человеческое заключает в себе отражение всей Вселенной. В трактате знаменитого врача Парацельса, являющегося основоположником ятромедицины, направления алхимии, связанного с изготовлением лекарств, находим следующее: «Человек есть микрокосм не только в силу формы своей или элементов, из коих создано его тело, но в силу всех данных ему сил и способностей, делающих его мир подобным миру великому» [Донн, 2012, с. 61].

Тем не менее представление о человеке как о Микрокосме, господствующее во времена «расцвета человеческого духа», восходит к временам Античности и встречается у Платона в трактате «Тимей»: «Восприняв в себя смертные и бессмертные живые существа и пополнившись ими, наш космос стал видимым живым существом, <...> единородным небом» [Платон, 1994, с. 499]. Джон

Основы теории смешивания (“fusion”), заключающиеся в получении золота из неблагородных материалов, были заложены древнегреческим философом Гераклитом Эфесским. Он выделил четыре элемента (огонь, землю, воздух и воду) и расположил их в виде цикла. Для алхимика всякая жидкость есть «вода», все твёрдое — «земля», всякий газ — «воздух».

На первый взгляд, алхимия является наукой, занимающейся превращением неблагородных камней в золото. Однако не все так однозначно. «Алхимия — это, прежде всего, искусство, а не техника, — пишет исследователь Ф. Шварц, — её сокровенный характер есть не что иное, как знак уважения к Живому» [Шварц, 1995, с. 11]. Алхимики одушевляли металлы и полагали, что жизнь теплится в любом камне. Верившие в триединство алхимической серы, ртути и соли, они начинали свои трактаты с молитвы. В предисловии к одному из алхимических трактатов приводятся следующие слова: «Благослови, Господи, деяния служителей твоих, восхваляющих имя твоё во веки веков. Аминь» (перевод мой. — А.А.) [Read, 1937, p. 40]. «Величайшее безумие» и «величайшая мудрость» появилась в Европе в XIII в., когда стали появляться переводы алхимических трактатов с арабского на латынь. «Алхимическая чума», захватившая Европу и нашедшая поддержку в лице королей и церкви, стала угасать к середине XVII в. В 1661 г. вышла работа Бойля с говорящим названием «Химик-скептик» (“The Sceptical Chymist”), однако число алхимических трактатов достигало пяти тысяч, а в возможность создания философского камня верил Исаак Ньютон (1643–1727).

К алхимии Донн, как и многие его современники, относился с иронией. “All honour’s mimic, all wealth alchemy”, — напишет он. В переводах алхимия звучит как «прах и пыль» у Б.В. Томашевского («Триумф монархов — нам лишь подражанье, / Честь и богатство — в *прахе и пыли*») или «фиглярство» у Г.М. Кружкова («В сравненье с этим власть — *пустое слово*, / Богатство — *прах*, и почести — *фиглярство*»). Тем не менее алхимическими символами пропитаны его произведения, а сам Донн отмечает, что они встречаются и в Библии: “As in the Bible some can find out alchemy”. По-видимому, он ссылается на следующий отрывок, в котором говорится о выплавке олова: «Раздувательный мех обгорел, свинец истлел от огня: плавильщик плавит напрасно, ибо злые не отделились; отверженным серебром назовут их, ибо Господь отверг их» [Библия, 2000, с. 718].

Алхимические символы, встречающиеся в пространстве поэтических произведений Донна, делятся на три группы: символы, связанные с названиями планет, химических элементов, первостихий (или первооснов как у Аристотеля). В средние века считалось, что между землёй и другими планетами существует тесная связь.

Именно поэтому алхимики называли металлы в честь «божественных сил неба»: золото означало Солнце, серебро — Луну, медь — Венеру, олово — Юпитер. В раннем цикле “Songs and Sonnets” слово *Sun* употреблено 21 раз, *Moon* — 3, *Venus* — 1, *Jove* — 1.

*All Kings, and all their favourites,
All glory of honours, beauties, wits,
The sun itself, which makes times, as they pass,
Is elder by a year now.
“The Anniversary”*

Все короли со всей их славой,
И шут, и лорд, и воин бравый,
И даже солнце, что ведёт отсчёт
Годам, — состарились на целый год.
«Годовщина», пер. Г.М. Кружкова

Вторая группа символов, связанная с химическими элементами, также широко представлена в цикле: *gold* встречается 5 раз, *silver* — 2, *salt* — 3.

*Therefore I'll give no more, but I'll undo
The world by dying, because love dies too.
Then all your beauties will be no more worth
Than gold in mines, where none doth draw it forth.
“The Will”*

Раздав дары, я цель свою открою:
Умру — весь мир любви умрёт со мною!
И будет не ценней улыбка на устах,
Чем золото в забытых рудниках.
«Завещание», пер. Б.В. Томашевского

Согласно учению алхимиков, изначально вся материя подразделялась на серу и ртуть, позднее к ним присоединилась соль. Алхимики представляли свою теорию в виде треугольника, символа абсолютного равновесия: в правом углу они ставили знак серы (символ силы), в левом — знак ртути (символ материи), на вершине — знак соли (символ движения). К трём химическим элементам добавлялись четыре стихии: земля, вода, воздух и огонь. Все эти элементы также встречаются в цикле: *land* — 4, *water* — 5, *air* — 5, *fire* — 8.

*O wrangling schools, that search what fire
Shall burn this world, had none the wit
Unto this knowledge to aspire,
That this her feaver might be it?
“A Fever”*

Давно учёные гадают,
Как будет мир земной сожжён...
Но истины они не знают —
В твоём огне погибнет он.
«Лихорадка», пер. Б.В. Томашевского

Произведения Джона Донна пропитаны алхимической символикой, отражающей психологию авторского «Я». Исследователь Л. Стэнтен отмечает, что «новаторские формы, которые приобрела алхимия в творчестве Донна, не носили сатирического оттенка, что по тем временам было редким исключением» (перевод мой. — А.А.) [Stanton, 1996, p. 154–155].

Поэт, преданный забвению после смерти, проповедник, перешедший в англиканство, Джон Донн полагал, что ему выпало родиться трижды. «Первое рождение — рождение естественное, когда явился я в этот мир, рождение второе — сверхъестественное, когда принял я рукоположение, и ныне [после тяжёлой болезни. — Прим.

автора] я родился в третий раз — и сие рождение лежит вне естественного порядка вещей. <...> Сей же раз я не только родился сам, но явился в мир отцом: мой отпрыск — это книга» (перевод А.В. Нестерова) [Donne, 1923, р. 15]. Творчество Донна, пережив громкую славу и почти двухвековое забвение, обрело новое рождение в XX в. и казалось «недостижимым идеалом». В одном из эссе, посвящённом трёхсотлетней годовщине со дня его смерти (1931 г.), Вирджиния Вульф напишет: «Пройти мимо него невозможно. <...> Тебя кидает в дрожь от встречи с настоящей поэзией: ты чувствуешь, как в твоих жилах — вялых, обмякших, точно со сна, мгновенно вскипает жар. <...> Среди поэтов Донну, пожалуй, нет равных по умению изумлять и подчинять себе читателя» (перевод Н.И. Рейнгольд) [Woolf, 1935, с. 24–25]. Вторая часть статьи посвящена переводам стихотворных произведений Джона Донна, не имеющих аналогов в русской литературной традиции.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подготовка текста С.И. Еремеев. СПб.: Алетейя, 2002. 832 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Рос. библейское общество, 2000. 1233 с.
- Декарт Р.* Избранные произведения. М.: Изд-во Госполитиздат, 1950. 712 с.
- Донн Джон*. Стихотворения и поэмы / Под ред. Г. Кружкова. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
- Донн Джон*. По ком звонит колокол: Обращение к Господу в час нужды и бедствий; Схватка смерти, или утешение душе, ввиду смертельной жизни и живой смерти нашего тела. Изд. 2-е. М.: Энигма, 2012. 432 с.
- Маковский М.М.* Язык — миф — культура: Символы жизни и жизнь символов. М.: Изд-во Русские словари, 1996. 330 с.
- Манерко Л.А.* Концептуально-смысловое пространство текста // Теория и практика германских и романских языков: Материалы научной конференции. Ульяновск, 2004. С. 24–28.
- Мардов И.Б.* Лев Толстой. Драма и величие любви. Опыт метафизической биографии. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 632 с.
- Нестеров А.В.* Рецепция поэзии Джона Донна в русской литературе: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Нестеров А.В. М., 2000. 192 с.
- Платон*. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
- Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 702 с.
- Томашевский Б.* Поэзия Джона Донна // Джон Донн. Стихотворения. Л.: Худ. лит-ра, 1973. 168 с.
- Шварц Ф.* Алхимия и духовная эволюция. М.: Новый Акрополь, 1995. 195 с.
- Эткинд Е.* Поэзия и перевод. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 431с.
- The Cambridge Companion to John Donne / Ed. by Achsah Guibbory. Cambridge Univ. Press, 2006.

- The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. IV. Prose and Poetry: Sir Thomas North to Michael Drayton. Ed. Cambridge Univ. Press, 1953.
- Correspondence of King James VI of Scotland with Sir Robert Cecil and others in England, during reign of Queen Elizabeth / Ed. by Bruce John. Westminster. Printed for the Camden Society. 1861.
- Crace, J.* John Milton-our great word-maker. *Gardian*, 28 January 2008.
- Documents illustrative of English Church history. Comp. by H. Gee and W. Hardy. 2nd ed. N.Y., 1966.
- Donne, J.* Collected poems / Ed. by Roy Booth. Wordsworth Editions Limited. 2002.
- Donne, J.* Pseudo-martyr. Printed by W. Stansby. London, 1610.
- Donne, J.* Devotions upon Emergent Occasions / Ed. by John Sparrow. Cambridge Univ. Press, 1923.
- Donne, J.* Selected prose. Chosen by Simpson H. / Garden H., Healy T. Oxf. Univ. Press, 1967.
- From Donne to Marvell. The Pelican Guide to English Literature / Ed. by Boris Ford. G.B., Penguin books, 1976.
- Kawasaki, T.* Donne's Microcosm // Seventeenth-Century Imagery: Essays on Uses of Figurative Language from Donne to Farquhar / Ed. by Earl Miner. Berkeley: UofC Press, 1971. P. 25–43.
- Mandell, C.* The Early Renaissance in England. The rede lecture delivered in the Senate-house on June 13, 1895. Cambridge University Press, 1985.
- Merriam-Webster's Dictionary of the English language. College ed., USA, Massachusetts, Springf Publ, 2003.
- Metaphysical lyrics and poems of the Seventeenth Century. Donne to Butler / Ed. by Herbert J.C. Grierson. Oxford Clarendon Press, 1921.
- Read, J.* Through Alchemy to Chemistry: N.Y., 1937.
- Saintsbury, G.* Donne. In: English Prose. Vol. 11. Macmillan, 1894.
- Stanton, J. Linden.* Darke Hieroglyphics: alchemy in English literature from Chaucer to the Restoration. Lexington, 1996.
- Walton, J.* Lives of Dr. John Donne, Sir Henry Wotton, Mr. Richard Hooker, Mr. George Herbert. Oxford Clarendon press, 1670.
- Woolf, V.* The Common Reader. Vol. 2. L., 1935.

В.А. Нуриев,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, старший научный сотрудник Института проблем информатики РАН; e-mail: nurieff.v@gmail.com

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС ДИСЦИПЛИНЫ. ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье показывается, как изменился раздел отечественной теории перевода, ответственный за изучение поэтического текста. Также в ней приводятся некоторые наблюдения относительно роли переводоведения в современном российском литературном процессе.

Ключевые слова: художественный перевод, поэтический перевод, теория перевода, поэтический синтаксис.

Vitaly A. Nuriev,

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher at the Institute of Linguistics | Institute of Informatics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; e-mail: nurieff.v@gmail.com

TRANSLATION THEORY AND POETIC TRANSLATION: CONTEMPORARY STATUS, ISSUES AND SOLUTIONS

The paper shows how our translation theory that focuses on poetic texts has changed in recent years. The author brings up some examples to define the role the translation theory now plays in the Russian publishing process.

Key words: literary translation, poetic translation, translation theory, poetic syntax.

В своём новом фундаментальном труде «Беседы о немецком слове» Д.О. Добровольский, цитируя О.Б. Йокояму, подчёркивает, что за последние несколько десятилетий связь между теорией перевода и языкознанием значительно ослабла, что переводоведение отмежевалось от лингвистического метода и сосредоточилось на междисциплинарных аспектах перевода [Добровольский, 2013, с. 274].

Раздел отечественного переводоведения, ответственный за изучение поэтического текста, следует общему направлению и претерпевает похожие изменения. С одной стороны, это действительно происходит из-за постепенного смещения исследовательского фокуса в сторону лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, вследствие чего возникает необходимость адаптации привнесённого из других областей нового терминологического аппарата. С другой стороны, во многом изменился сам вектор исследования. Российские переводоведы, ставящие своей задачей изучение зако-

номерностей перевода поэтического текста, отвлеклись от эмпирического речевого анализа и углубились в построение теоретических моделей, призванных в самом общем виде отразить ведущие переводческие установки.

Исследователь нередко уходит от сопоставления конкретного языкового материала, предпочитая инвентаризировать хрестоматийные высказывания известных литературных критиков, поэтов и переводчиков XVIII, XIX и XX вв., тем самым якобы подкрепляя свои выводы авторитетным мнением (см., например: [Гончаренко, 1999; Леонтьева, 2012]). Цитируются В.Я. Брюсов, В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, М.Л. Лозинский, В.В. Набоков, Б.Л. Пастернак, В.К. Третьяковский, К.И. Чуковский и т.д.

Приведём несколько таких цитат, получивших широкое научное обращение:

«Мы находим достойной похвалы мысль переводчика — переводить Данте не стихами (для чего потребовался бы огромный поэтический талант), а прозой, где главное достоинство — буквальная близость и верность, без насилия русскому языку и без ущерба плавности и правильности слога» (В.Г. Белинский).

«Стихи, переложённые прозой, даже хорошей прозой — умирают» (В.Я. Брюсов).

«Иногда нужно отдаляться от слов подлинника, нарочно для того, чтобы быть к нему ближе» (Н.В. Гоголь).

«Переводить стихотворца может один только стихотворец... Переводчик стихотворца есть в некотором смысле сам творец оригинальный» (В.А. Жуковский).

«...в этом трагизм поэтического творчества: всечеловеческое содержание раскрывается только для одного народа, на языке которого пишет поэт <...>; самое мощное из видов искусства — поэзия — становится немым на чужбине» (М.Л. Лозинский).

«Гоняются за буквальной верностью в переводе только люди, не имеющие художественного чутья и понимания... Внешняя близость к подлиннику только делает всякий перевод безличным» (Д.Д. Минаев).

«...г-н Фет старался о сохранении верности своего перевода с подлинником. Но как понимает он эту верность? ...Он хлопочет только о том, чтобы сохранить буквальную верность и составить пятистопный ямб... Остальное же всё до него, можно сказать, не касается» (Д.Л. Михайловский).

«Перевод может быть и часто бывает лексическим и структурным, но буквальный он станет лишь при точном воспроизведении контекста, когда переданы тончайшие нюансы и интонации текста оригинала» (В.В. Набоков).

«Все сочинения Гёте передаются по-русски в прозе... Так и должно переводить, если... хотим передать писателя как предмет изучения для своих соотечественников» (Н.А. Полевой).

«Подстрочный перевод никогда не может быть верен» (А.С. Пушкин).

«Переводчик от творца только что именем рознится» (В.К. Триаковский).

«...ямбы надо переводить ямбами, хорей — хорейми, но красоту надо переводить красотой» (К.И. Чуковский).

Инвентаризированные высказывания группируются по признакам схожести, и далее исследователь выводит некоторые переводческие модели, как правило, стараясь разместить их на оси «вольный перевод — буквальный перевод». Модель нередко получает своё обоснование путём обращения уже к научным теоретическим построениям. Так, К.И. Леонтьева в одном из своих выводов обращается к П.М. Топеру, говоря, что выбор стратегии и метода перевода задаётся максимумами «формалистического буквализма» и «вольного сенсуализма» [Леонтьева, 2012, с. 101].

В целом не отрицая полезности подобных исследований, нельзя не подчеркнуть и то, что они в значительной мере игнорируют одно имманентное свойство теории перевода, которое нам представляется весьма важным.

Переводоведение, действительно, возникло на стыке лингвистики, литературоведения, культурологии, психологии и т.д.¹, отличаясь от многих смежных областей научного знания тем, что имеет непосредственный выход в практическую деятельность, которая существует в тесном симбиозе с теорией. Таким образом, постулаты, сформированные в результате переводоведческих штудий, могут и в отдельных случаях должны носить нормативно-прескриптивный характер. Однако стоит отметить, что эти постулаты, в свою очередь, должны проходить предварительную верификацию на репрезентативном речевом материале.

Необходимость возвращения переводоведению нормативно-прескриптивного характера прослеживается даже применительно к поэтическому переводу, несмотря на его явно маргинальное значение в формировании современной литературной среды. То что теория перевода (в том числе и поэтического) имеет самое косвенное отношение к современному отечественному литературному процессу, становится очевидным при изучении ряда издательских продуктов.

¹ Междисциплинарный характер теории перевода не раз подчёркивался в различных работах. Их обширный анализ представлен в «Теории перевода» Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2004, с. 201–206].

Возьмём в качестве примера несколько русских изданий англоязычного сборника рассказов «Хрупкие вещи» (“Fragile Things”). Его автор, Н. Гейман (N. Gaiman), имеет большой удельный вес в современной мировой литературе. Он обладатель престижных наград за писательское мастерство в разных жанрах (премия «Хьюго» 2002 г., 2003 г., 2009 г.; премия «Небьюла» 2002 г., 2003 г.; премия журнала «Локус» 2002 г., 2003 г.; премия Брэма Стокера 2001 г., 2003 г.; премия Mythopoeic Awards 2006 г.). Роман Н. Геймана «Океан в конце дороги» (“The Ocean at the End of the Lane”) стал лучшей британской книгой в 2013 г.

«Хрупкие вещи» издавались на русском языке дважды — в 2008 и в 2009 г. В оригинальной англоязычной версии сборник рассказов дополнен несколькими стихотворениями, одно из которых — “The Faery Reel” — мы здесь рассмотрим.

В русском издании 2008 г. оно печаталось под названием «Эльфийский рил» в переводе Н. Эристави, в 2009 г. — как «Феерический рил» в переводе Э. Штайнблата.

Приведём отрывок оригинала, двух официально опубликованных переводов и одного неопубликованного, который был сделан в 2013 г. (с. 112).

Прежде чем приступить к сопоставительному анализу четырёх приведённых отрезков поэтического текста, целесообразно обратиться к системе, предложенной в 1974 г. чешским учёным-теоретиком перевода И. Левым. Он берет за отправную точку постулат функционально-эстетического подобия перевода и оригинала. За художественной литературой (в том числе и поэзией) закрепляется безусловный статус формы искусства, а от перевода художественного литературного произведения требуется воссоздание средствами принимающего языка исходного замысла, равновеликого по эстетическому воздействию на читателя [Левый, 1974].

Это положение впоследствии разовьёт эстонский исследователь П. Тороп, определивший перевод поэзии как формальный (макростилистический) — перевод, который заключается в аналитическом перекодировании, то есть ориентируется преимущественно на план выражения подлинника для реконструкции плана содержания. Такой перевод характеризуется эквиметричностью, эквилинеарностью, точным соблюдением схем рифм и строфики [Тороп, 1982, с. 10–23].

Между тем и сам И. Левый в своём основополагающем труде 1974 г. «Искусство перевода» почти треть исследования отводит анализу поэтического перевода. Он отмечает глубокие различия между стихом и прозой, касающиеся всей художественной структуры произведения: в прозе конструктивная единица — это мысль в своей полной развёртке, а стих опирается на частный мотив (на-

If I were young as once I was, and dreams and death more distant then,
 I wouldn't split my soul in two, and keep half in the world of men,
 So half of me would stay at home, and strive for Fa rie in vain,
 While all the while my soul would stroll up narrow path, down crooked lane,
 And there would meet a fairy lass and smile and bow with kisses three,
 She'd pluck wild eagles from the air and nail me to a lightning tree
 And if my heart would run from her or flee from her, be gone from her,
 She'd wrap it in a nest of stars and then she'd take it on with her.

“The Faery Reel” by N. Gaiman [Gaiman, 2007, p. 59]

Когда бы снова я молод был,
 И верил бы снам, и не верил бы смерти,
 Я б сердце своё пополам поделил,
 Чтоб быть среди вас хоть полжизни, поверьте!
 Полсердца осталось на ферме моей,
 Чтобы об эльфах страдать неустанно,
 Полсердца крадётся меж серых теней,
 По тропке лесной, извилистой, тайной.
 Когда бы встретил эльфийку я,
 Я б стал целовать её, робок и жалок.
 Она же орлов созвала бы, друзья,
 И к древу в огне меня приковала!
 И колья из черных сетей её кос
 Глупое сердце моё рвалось бы,
 Она б его заперла в клетку из звёзд,
 И я бы оставил мольбы и просьбы.

«Эльфийский рил» (Н. Эристави) [Гейман, 2008, с. 56]

Будь молод я, как прежде, и не будь столь близки смерть и сны,
 Я б не оставил пол души там, где мы жить обречены,
 Чтоб дома часть меня жила и фейей бредила бы власть,
 Пока скитается душа, и в чаще не страшась пропасть.
 В лесу я встречу фею и уста ей буду целовать,
 Орлы помогут ей меня к сосне горящей приковать.
 Удрать захочет сердце прочь, сокрыться прочь, умчаться прочь,
 Но, в звезды улотив меня, она утащит сердце прочь.

«Феерический рил» (Э. Штайнблат) [Гейман, 2009, с. 70]

Когда бы я моложе был, мечтой гоним, забыв про смерть,
 Не рвался бы на части я, держась за нашей жизни твердь.
 Чтобы не стал острогом дом, где волшебству грозит отказ,
 Покуда мысль бежит стремглав на узкий путь, вдали от глаз.
 Девуца встретится мне там. Её я стану целовать.
 Она орлам отдам приказ меня на молнии распять.
 Захочет сердце сбросить гнёт, убраться прочь, умчаться в ночь.
 Из звёзд силки она сплетёт; и сердце их не превозмочь.

«Зачарованный рил» (В. Нуриев)

пример, образ). Синтаксические связи в стихе ослаблены, поскольку они не единственный членящий фактор. Развитие синтаксической перспективы здесь определяется границами стиха (полустушия), и, наоборот, отдельные его части, синтаксически слабо связанные, оказываются спаянными рифмовкой и другими формами параллелизма [Левый, 1974, с. 239]. И. Левый подробнейшим образом пишет о переводе стихов, созданных в родственных и неродственных принимающему языку версификациях, выделяя конкретные правила: «...если мы не хотим изменить соотношение между формой стихов и их содержанием, следует исходить не из формальной схемы (метр), а из её конкретной звуковой реализации (ритм, темп и пр.), поскольку она тесно связана с содержанием» [там же, с. 254].

Сходные мысли высказывает А.В. Фёдоров в приложении к «Введению в теорию перевода», посвящённом «основным понятиям, связанным с переводом стихов» [Фёдоров, 1953, с. 321–331]. А.Е.Г. Эткинд в своей монографии «Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина» подчёркивает, что русский язык содержит в себе неограниченные возможности к перевыражению любых иноязычных форм [Эткинд, 1973, с. 4].

В частности, последнее высказывание даёт право считать, что перевод стихов, написанных в родственных принимающему языку версификациях, должен не только априорно признавать примат формы, но и учитывать необходимость её инвариантности, то есть неизменности при реализации переводного текста.

В пользу этого говорят метакомментарии А.А. Блока относительно его творческого процесса, которые приводит в книге «Девять статей о поэтическом тексте» Ю.А. Сорокин: «Я прежде всего слышу какое-то звучание. Интонацию раньше смысла. <...> А слова приходят потом. И нужно следить только за тем, чтобы они точно легли в эту интонацию, ничем не противоречили» [Сорокин, 2009, с. 6].

В одном из интервью актриса Ч.Н. Хаматова выступила с резкой критикой русских переводов У. Шекспира, отмечая, что на русском языке исходный ритм крайне изменяется, смысловое слово становится безударным, смещается акцент, искажается эмоциональный контур предложения–высказывания, заключённого в поэтическую форму. Актриса справедливо утверждает, что ритмический рисунок в английском подлиннике образует свой параллельный — «эмоциональный» — синтаксис, когда сама музыкальность выводит организм на совершенно иной уровень восприятия. В русских переводах это в значительной мере утрачено, из-за чего их сложно использовать в театральных постановках [Хаматова, 2008].

Итак, возвращаясь к анализу приведённых выше отрывков из стихотворения “The Faery Reel” и его трёх переводов, обратим

внимание, прежде всего, на работу с формой. Текст-подлинник создан по законам силлабического стихосложения, где строки соизмеримы по числу слогов вне зависимости от чередования ударений. Оригинальное стихотворение на английском языке представляет собой 16-сложник, который ритмически делится на два полустишия 8+8.

Согласно мнению исследователей-специалистов, популярность 16-сложника в русском силлабическом стихосложении весьма условна (см.: [Федотов, 2001, с. 181]). Это повторяет общую тенденцию: в мировой литературе 16-сложник классицистических «высоких» жанров со временем отошёл на периферию метрического репертуара [Папаян, 1980, с. 191]. В то же время опыт создания сверхдлинных стихов в отечественной литературной традиции имеется [Илюшин, 1988, с. 31], из чего можно заключить, что русская литература располагает необходимыми возможностями для сохранения формы стихотворения “The Faery Reel” при переводе.

Очевидно, Н. Гейман при написании своего произведения руководствовался особым художественным замыслом: он стилистически имитирует 16-сложную форму, которую использовали англичане У.Ш. Гильберт и А.С. Салливан в своих операх в XIX в. (см., например, оперу «Пензанские пираты» / “The Pirates of Penzance”, 1879 г., в частности «Песню генерал-майора» / “Major-General’s Song”). Эти оперы относят к комическому типу, где манера пения нередко приближается к речитативу, что ещё раз указывает на большую возможность сохранения поэтической формы стихотворения “The Faery Reel” при переводе на русский язык. Как отмечает О.И. Федотов, при речитативной декламации русский 16-сложник приобретает особую выразительность, «некий ритмический импульс» [Федотов, 2001, с. 181]. Кроме того, и в английском, и в русском языках 16-сложник как архаизированная форма стихосложения несёт здесь сходную функциональную нагрузку — служит намеренному старению текста. Этой функцией также наделены некоторые лексические элементы, например “with kisses three”, отсылающие читателя к текстам шотландских баллад первой половины XIX в., и синтаксические конструкции.

В обозначенном отрывке стихотворения Н. Гейман применяет смежные рифмы, причём в первых четырёх стихах рифмующие слова заканчиваются согласными, а в пятом и шестом — гласными. Далее ритмический рисунок резко меняется: в исходе восьмистишия автор отказывается от принятых рифм и трансформирует мелодический контур, вводя слабую рифму и имитируя заговорно-заклинательную формульность. В оформлении рифм наблюдается чёткий лексический изоморфизм: попарно зарифмована адвербиаль-

ная скрепа и существительное, что раскрывает масштабную смысловую программу, подкреплённую эмоциональной синтактикой.

Первый перевод (Н. Эристави) игнорирует силлабический контур оригинала. В стихе наблюдается слоговая неравномерность, рифмы меняются на перекрёстные. В тексте преимущественно не сохраняется признаков архаизации. В исходе предъявляемого отрезка слом рифмы нивелируется.

Второй перевод (Э. Штайнблат) сохраняет исходный 16-сложник, смежность и характер рифм, но изменяет следование рифмующих слов с открытым/закрытым конечным слогом, перемещая рифмующие слова с открытым слогом в первые два стиха. Он содержит признаки архаизации, достигая старения при помощи специфических лексем типа «скитаться», «страшиться», «сокрыться», «уста». Вместе с тем на синтаксическом уровне текстового старения не наблюдается, монтаж конструкций не выходит за рамки современной нормы, а также имеются резкие стилистические сдвиги в силу присутствия таких просторечных слов, как «удрать», «утащить». Во втором переводе исход восьмистишия, как и в подлиннике, сопряжён со сломом рифмы.

Третий перевод берет за основу 16-сложник, смежность рифм и возводит доминанту рифмующего слова с конечным закрытым слогом в абсолют. В исходе восьмистишия не наблюдается слома рифмы, но сохраняется авторский звуковой параллелизм, который осуществляется на фоническом уровне за счёт ассонанса — «...прочь... ночь... превозмочь». Старение текста достигается благодаря использованию определённых лексических элементов («когда бы», «гоним», «твердь», «покуда», «острог» «превозмочь» и т.д.) и продуктивной синтаксической инверсии. Стилистические сдвиги отсутствуют. В ритмическом отношении третий вариант перевода более строен, чем второй и первый. Синтаксическое устройство оригинала направлено на поэтапную компрессию и убыстрение ритма наподобие танцевального мотива (рила), что наблюдается исключительно в третьем переводе, позволяя ему следовать исходному художественному замыслу.

Данный анализ подкрепляет постулат о примате формы в поэтическом переводе и последовательно показывает, что ни один из приведённых поэтических переводных вариантов не может быть исчерпывающе описан с помощью теоретических моделей, представленных на оси «вольный перевод — буквальный перевод».

В качестве заключения отметим, что случай многократной публикации неудовлетворительных переводных вариантов стихотворения “The Faery Reel” является не исключением, а скорее правилом в современной российской издательской практике. Это ещё раз говорит: 1) о том, что переводоведение, изучающее поэтиче-

ские тексты, далеко отстоит от реального литературно-издательского процесса; 2) о необходимости возвращения переводоведению нормативно-прескриптивного характера и роли арбитра (по меньшей мере, в сфере художественного перевода). Изменение современного статуса дисциплины, очевидно, не представляется возможным без пересмотра методологии, реанимации лингвистического метода и постоянного обращения к реальному речевому материалу.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Гейман Н.* Хрупкие вещи / Пер. с англ. А. Аракелова, Н. Гордеевой, А. Комаринец, М. Немцова, Т. Покидаевой, Н. Эристави. М.: АСТ, Астрель, 2008. 384 с.
- Гейман Н.* Хрупкие вещи / Пер. с англ. А. Аракелова, Н. Гордеевой, А. Комаринец, М. Немцова, Т. Покидаевой, Э. Штайнблата, Н. Эристави. М.: АСТ, Астрель, 2009. 480 с.
- Гончаренко С.Ф.* Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 108–111.
- Добровольский Д.О.* Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
- Илюшин А.А.* Русское стихосложение. М.: Высшая школа, 1988. 165 с.
- Левый И.* Искусство перевода / Пер. с чешского Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 400 с.
- Леонтьева К.И.* Вольность и буквализм при поэтическом переводе: дихотомия или антиномия? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 101–104.
- Папаян Р.А.* Сравнительная типология национального стиха: русский и армянский стих. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980. 228 с.
- Сорокин Ю.А.* Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 146 с.
- Торон П.* Процесс перевода и некоторые методологические проблемы переводоведения // Учёные записки Тартуского государственного университета. 1982. Вып. 576. С. 10–23.
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 336 с.
- Федотов О.И.* Теория и история русского стиха: В 2 т. Т. 1: Метрика и ритмика. Т. 1. М.: Флинта, 2001. 360 с.
- Хаматова Ч.Н.* Современница [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: <http://www.khamatova.ru/?i=305>
- Эткинд Е.Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. 248 с.
- Gaiman, N.* Fragile Things. London: Headline Publishing Group, 2007. 440 p.

РЕЦЕНЗИИ

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok1946@mail.ru

Р.К. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ. МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ НА СЛУХ. Москва: Издательство ИМО, 1959. 183 с.

Знаменательной вехой, свидетельствующей о переходе к новой, собственно теоретической, стадии в науке об устном переводе и в методике преподавания устного перевода следует считать малоизвестную работу выпускника Военного института иностранных языков Юрика Константиновича Миньяра-Белоручева «Методика обучения переводу на слух», опубликованную в Институте международных отношений в 1959 г., учеником которого мне посчастливилось быть в период обучения в Военном институте иностранных языков и в дальнейшей научной и педагогической деятельности.

Важно отметить, что методологические разработки, связанные с основными операциями в ходе последовательного перевода, такими, как запоминание больших фрагментов речи, восприятие на слух, речевая компрессия, трансформации разного типа, начинаются позднее, когда возникает альтернатива последовательному переводу, а именно, синхронный перевод. В послевоенный период практический опыт в области нового вида переводческой деятельности — синхронного перевода — даёт материал для размышлений. Плоды размышлений проверяются экспериментальным путём, в первую очередь экспериментами на обучаемых, достигших разных уровней компетенций, как лингвистических, так и специальных переводческих. Исследования феномена устного перевода и обучение устному переводу идут нога в ногу.

Устный перевод, прежде всего синхронный, становится объектом научных и методологических исследований лишь после Второй мировой войны, когда стала очевидной необходимость массовой подготовки переводчиков для обеспечения устного перевода в международном общении в политической сфере, на международных форумах и конференциях. Как известно, Нюрнбергский процесс стал точкой отсчёта в истории синхронного перевода в мировой истории устного перевода. Он дал ценнейший опыт, который ещё предстояло осмыслить, с тем чтобы построить теоретические модели этой уникальной речемыслительной деятельности и на их основе разработать методологию устного перевода, создать системы специальных упражнений и проверить их эффективность на практике.

Обращение автора к проблемам обучения переводу на слух наглядно показывает дидактическую направленность советской научной школы переводческой деятельности. Исследования переводческой деятельности ведутся, прежде всего, в интересах обучения переводу.

Миньяр-Белоручев констатирует явную письменную доминанту в обучении переводу: «Переводческая деятельность многообразна. Однако при подготовке переводчиков об этом иногда забывают, концентрируя основное внимание на зрительно-письменном переводе. До сих пор мы почти не имеем работ, посвящённых вопросам методики обучения переводу на слух. Правда, отдельные попытки ввести в учебный процесс специальные упражнения и виды работ, шире использовать лингафонный кабинет, бывший до сих пор объектом внимания только фонетистов, имели место в некоторых вузах нашей страны. Однако новые интересные упражнения не становились достоянием широких преподавательских кругов, научно не обосновывались и не систематизировались. В то же время необходимость систематизации уже накопленного опыта становится всё более очевидной» [с. 2].

Автор этой работы концентрирует своё внимание на психологической стороне восприятия устной речи, опираясь при этом на работы представителей советской психологической школы, посвящённые речевой деятельности и психологической составляющей лингводидактики.

В тот период начала обучения устному переводу формировалась специфическая советская профессиональная модель переводчика, которая предполагала, что переводчик должен был обладать компетенциями как устного, так и письменного перевода. Миньяр-Белоручев писал: «Обучение переводу на слух мы рассматриваем как один из аспектов подготовки переводчика, который не только не исключает обучение зрительно-письменному переводу, а, наоборот, его предполагает. Зрительно-письменный перевод, безусловно, остаётся основой обучения переводу вообще. В то же время методика обучения переводу на слух не должна дублировать методику обучения зрительно-письменному переводу, а должна дополнять её» [с. 3].

Автор концентрирует своё внимание на восприятии исходного текста на слух в процессе перевода. Основываясь на положениях советской психологической школы в той её части, которая посвящена изучению речевой деятельности (Артемьев; Выготский; Леонтьев), автор выделял три основных аспекта психической деятельности устного переводчика, требующие изучения: восприятие на слух, понимание и запоминание исходного текста в условиях невозможности повторной рецепции.

Осмысление личного опыта устного переводчика позволяет автору впервые представить теоретические модели последовательного и синхронного перевода и предложить системы тренировочных упражнений для формирования навыков перевода на слух на разных этапах подготовки переводчиков.

Автор отмечает, что «методика обучения переводу на слух должна предусматривать решение следующих задач:

- а) достижение непосредственного понимания устной речи;
- б) развитие смыслового запоминания и слуховой памяти;
- в) привитие специальных переводческих навыков;
- г) отработка умения быстро и грамотно оформлять перевод на слух».

Решение этих задач возможно, по справедливому убеждению автора, «лишь приведением в систему упражнений и методических приёмов, то есть путём построения курса обучения переводу на слух» [с. 180].

Миньяр-Белоручев строит цельную методическую систему подготовки к осуществлению профессионального устного перевода.

Он полагает, что «обучение переводу на слух должно базироваться на важнейших дидактических принципах и происходить на подлинных иностранных материалах (текстах), имеющих воспитательное значение, учитывающих специфику устной речи, подобранных в связи с программными вопросами, предлагаемых с учётом принципа доступности, отвечающих требованиям каждого отдельного вида работы или упражнения и могущих вызвать интерес у учащихся» [с. 179].

В завершении автор приводит разработанную им схему построения курса обучения переводу на слух, где последовательно представлены виды работ, и даёт ориентировочное количество часов, отводимое на каждый этап, на каждое упражнение.

Эта первая теоретическая работа, посвящённая деятельности устного переводчика, иллюстрирует дидактическую доминанту советской школы устного перевода. Поэтому не случайно основным жанром публикаций, содержащих в наиболее концентрированном и полном виде результаты теоретических разработок советских учёных, работавших в данной области, оказывается жанр учебного пособия для подготовки переводчиков.

Миньяр-Белоручев был одним из тех учёных и педагогов, которые стояли у истоков советской научной школы устного перевода. Экспериментальные исследования деятельности устных переводчиков, предпринятые этими исследователями, позволили построить образовательные модели подготовки переводчиков, которые успешно используются и в современной российской образовательной системе.

Несмотря на то что материал, на котором приводилось обучение более полувека тому назад, бесконечно устарел и отражает реалии того периода жизни нашего общества, несмотря на новые информационные и обучающие технологии, активно вводимые в учебный процесс подготовки переводчиков, методическое пособие, разработанное Р.К. Миньяром-Белоручевым, и сегодня может оказать неоценимую помощь тем преподавателям, которые начинают свою деятельность по обучению устному переводу.

В.Г. Кульпина,

доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. Татаринов,

доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

**ЯПОНИСТИКА В СЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ
(о языковых единицах, о переводе *хайку*, концептах
и субконцептах, японизмах в лексикографии и др.)**

Предпринят критический анализ проблем сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии, лексикографии и других отраслей гуманитарного знания, представляемых авторами рецензируемого сборника. Основное внимание обращается на сопоставительные и переводческие аспекты японо-славянских лингвистических и лингвокультурных параллелей.

Ключевые слова: лингвистика, лингвокультурология, лексикография, сопоставительный анализ, японский язык, польский язык, русский язык.

Valentina G. Kulpina,

Dr.Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov,

Dr.Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society, Russia; e-mail: rossterm@mail.ru

**JAPONISTICS IN SLAVIC CONTEXT
(language units, translation of haiku, concepts
and subconcepts, Japonisms in lexicography etc.)**

There was critical analysis on problems of linguistics, linguoculturology and lexicography and other branches of humanities carried out in the articles presented by the authors of reviewed collected articles. The attention is focused on the contrastive and translating aspects of Japanese-Slavic linguistic and linguocultural parallels.

Key words: linguistics, linguoculturology, lexicography, contrastive analysis, Japanese language, Polish language, Russian language.

Идея рецензируемого издания “Opuscula Iaponica et Slavica”¹ — представить конформативный срез развития японистики в славянских странах. Адепты японистики и разных департаментов языкознания могут

¹ Opuscula Iaponica et Slavica / Ed. Marek A. Iwanowski; Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. 228 s.

многое узнать об истоках японского языка, к которым в разных исследовательских ракурсах обращаются уважаемые авторы сборника. Статьи сборника помогут читателю, не знакомому с японским языком и культурой, сформировать о таковых представление. Для специалистов же статьи являются серьёзным импульсом по пути накопления знаний о предмете и стимулом, побуждающим к аналитическим исследованиям.

Основателем и издателем серии “Opuscula Iaponica et Slavica” является Ян Вавжиньчик, известный в нашей стране лексиколог, специалист по толковой и двуязычной лексикографии — русско-польской и польско-русской, создатель аспектных словарей самого разного профиля — словообразовательных, фразеологических, хронологизационных и др., специалист по созданию полезных и оригинальных библиографических словарей (см., например, MBJS).

Редактор первого тома Марэк Ивановски является известным польским японистом. Его новейшая книга — обратный японско-польский словарь. Если перевести название словаря с польского языка буквально, то оно звучит так: «Атерговник японско-польский». Однако этот буквальный перевод с польского языка требует разъяснений. Согласно польской (и международной) традиции, все обратные словари называются словарями *a tergo*. Ян Вавжиньчик — редактор серии “Opuscula Iaponica et Slavica” — от этого латинского названия *a tergo* создал польский дериват «атерговник», название вполне благозвучного научного вида, которое принято уже многими польскими учёными. В российской традиции такие словари, в которых материал распределён по окончаниям, принято называть обратными, или грамматическими, словарями. Иногда их называют инверсариями.

Сборник открывается статьёй Владимира Михайловича Алпатова (Россия, Институт языкознания РАН) “The notion of sound and word in the European and Japanese linguistic” (‘Понятие звука и слова в европейской и японской лингвистике’). Проблема основной языковой единицы японского языка обсуждается на фоне европейской лингвистической традиции. Автор обращается к такой фонетико-фонологической единице, выделяемой в японском языкознании, как *он* (хотя это слово обычно переводят как слог, в реальности же оно может означать также звук и другие единицы). На фоне погружения в античную традицию — от звука к слогу и море — В.М. Алпатов указывает на своеобразие традиции, сложившейся в японском языкознании, согласно которой японские слоговые азбуки — *хирагана* (для записи японских слов) и *катакана* (для записи заимствований) — опираются на *оны* (с известными исключениями). Значительная более крупной единицей, чем *оны*, является *бунсэцу* — часть предложения (потенциально способная трансформироваться в предложение). В то же время в японской лингвистике основной единицей (шире морфемы, но короче слова) считается *го* — лингвистический конструкт, коррелирующий с частью речи и состоящий не только из автономных, но и из несамостоятельных единиц. Несамостоятельные *го*, с точки зрения европейских языковедческих представлений, формируют нестандартные грамматические категории: варьируемые (*ёдооци*), к которым относятся глаголы, прилагательные и др., и не варьируемые (*ёси*) — к ним причис-

ляются послелого, частицы и некоторые глагольные аффиксы. В результате такого подхода автономные *го* (возможно, мы имели бы право назвать их автосемантическими) коррелируют не с морфемой и словом, но — с основой слова в европейском понимании, во всяком случае, близки к ней. Отмечается, что понимание словоизменения и деривации в японском и европейском языкознании различны, хотя общее в подходах может быть найдено. Так, выделяются единицы, которые могут сочетаться со многими *го*, и *го* с ограничениями на сочетаемость, что и предопределяет возможности их употребления. Критерии их выделения В.М. Алпатов сравнивает с критериями в европейской лингвистике, применяемыми для отделения аффиксов от строевых слов: строевые слова присоединяются к целому слову, а аффиксы — к части слова (корню или основе). Однако, согласно лингвистическим воззрениям Хасимото Синкити, идущим прямо от японской лингвистической традиции, основные критерии регулярности не связаны с делением на аффиксы и строевые слова. В европейских и японских концепциях критерии выделения названных грамматических категорий различны. Хотя некоторые подходы японских языковедов напоминают подходы к словообразовательным аффиксам в европейской традиции, тем не менее границы слов устанавливаются здесь по иным принципам.

Различия в подходах к выделению языковых единиц (базовых и вторичных) в японской и европейской лингвистических традициях объясняются В.М. Алпатовым в первую очередь структурными различиями самих языков — в условиях, когда на эти представления накладывает свой отпечаток языковедческая интуиция, а также неосознанные лингвистические представления самих носителей языков. При сопоставительном анализе нельзя не учитывать ту очевидность, что «центральной единицей европейской лингвистической традиции со времён античной грамматики является слово. Другие единицы мыслятся как части слов или как словосочетания» (с. 12). При этом, хотя «дефиниции слова многочисленны и разнообразны, необходимость в этом понятии очевидна, и слова в европейских языках выделяются практически аналогичным образом, несмотря на различие теоретических концепций» (с. 13), отсюда вся морфология описывается как изменение всего слова (не как добавление аффиксов к корню). Именно представленный выше подход служит В.М. Алпатову контрастным фоном для описания японской традиции, отличающейся значительной спецификой. И таким образом, лингвистические признаки основных единиц японской традиции — *го* — не аналогичны таковым в европейской традиции. Дефиниции слова и *го* не тождественны друг другу, тем не менее корреляции между этими единицами могут быть установлены. *Го* выдвигается на роль главной психолингвистической единицы японского языка, без выделения которой адекватная картина составных элементов этого языка сложиться не может (шкалой сравнения служит опора на слово в распространённых европейских языках). В связи с вышесказанным В.М. Алпатов подчёркивает, что одним из общих, универсальных, признаков в строении мозга является наличие неких единиц, содержащихся в нем в виде готовых комплексов: «Если считать их фонемами, порождение текстов будет слишком сложным. Но трудно себе

представить себе, что это предложение: их число было бы слишком велико. Оптимальные единицы в языках разной структуры могут различаться» (с. 16). Итак, определение границ слов в японской лингвистике выглядит иначе, чем в европейской традиции, и этот факт глубоко впечатляющ. В.М. Алпатов обращает внимание на психолингвистические основания этого разграничения, подпитывающие гипотезу, что такая единица, как слово, реально существует в мозгу носителя языка, служа опорой процесса порождения текста. Особо акцентируется плодотворность интереса, проявляемого к таким традициям описания языков, которые не являются слепком с европейской традиции.

Статья В.М. Алпатова имеет большое значение для теории и практики перевода, поскольку различия в вычленимости основной интегративной языковой единицы в японском языке и в европейских языках проецируются непосредственно в особенности выделения так называемой единицы перевода и, соответственно, в закономерности установления отношений эквивалентности между японским языком и языками перевода.

Ян Вавжиньчик в статье «Лексические японизмы в электронных эскизах Библиографического словаря польского языка» занимается изучением вопроса представленности японизмов в польской лексикографии. Он полагает, что изучение этой категории заимствований требует большого хронологического разброса и широкого охвата таких лексикографических жанров, как толковые словари польского языка, словари иностранных слов и польские энциклопедии.

Японизмы Я. Вавжиньчик извлекает из своего «Библиографического словаря польского языка. Доэлектронная версия», в котором зафиксировано определённое количество слов/словосочетаний, заимствованных из японского языка (в латинской или иной записи). Среди таковых мы находим такие известные лексемы (позволим себе привести их в русской графической системе, поскольку они совпадают с соответствующими русскими лексемами), как *банзай* (восклицание!), *бусидо* (кодекс самурая), *гейша*, *джиу-джитсу* (вид борьбы), *икебана*, *кабуки*, *камикадзе*, *каратэ*, *кимоно*, *оригами* (фигурки, вырезанные из бумаги), *самурай*, *сумо*, *синтоизм*, *татами*, а также менее известные, например исторические термины, такие, как *сёгун* — старинный японский военный чин, музыкальные — *сямисэн* (музыкальный инструмент) и другая эрудитивная лексика. Составленный им список японизмов Я. Вавжиньчик считает целесообразным спроецировать на самые известные словари польского языка и словари иностранных слов (начиная с самых старых словарей и вплоть до наших дней), что является немалой работой, которую не сделать одному человеку. В рамках своего собственного лингвистического эксперимента Я. Вавжиньчик сосредоточил внимание на «Энциклопедическом словаре иностранных слов» под редакцией С. Ляма (Warszawa, 1939) и современном «Словаре иностранных слов» под редакцией М. Банько (Warszawa, 2005). Я. Вавжиньчик анализирует также результаты реализации Программы исследований новой польской лексики, предпринятой Институтом польского языка Польской академии наук в Кракове. Созданные в рамках данной Программы орфографические данные документируют определённое количество японизмов из языка прессы (с. 21). Среди таковых,

в частности, *jakuza* ‘якудза’, *judok* ‘дзюдоист’, *karoshi* ‘кароси’, *tsunami* ‘цунами’. Однако Я. Вавжиньчик подчёркивает, что представленный в рамках выполнения указанной Программы материал может иметь лишь дополнительную значимость, поскольку в ней не приводятся исторические даты первого употребления японизма. А ведь не все из этих японизмов новы, «не все появились после Второй мировой войны или переломного 1989 г., часть из них была известна и использовалась в польских текстах до 1940 г.» (с. 22). Я. Вавжиньчик полагает, что этот лексический материал следует верифицировать с точки зрения его хронологии (например, следует ожидать, что слово *karoshi* ‘кароси’ известно уже с 2003 г. (а не с 2005)). В целом же — чтобы описывать жизнь японских слов в польском языке, следует вести документацию из источников в исторической последовательности, не пропуская ни одного периода. Задачи такого типа описания успешно решаются в издающемся с 2010 г. «Лексическом депозитории польского языка». Вышло уже 12 томов, объём всей серии запланирован на 50 томов. Тома 11–40 уже подготовлены к печати; их статус определён как приложение к 8-томному Варшавскому словарю (Словарю польского языка Я. Карловича, А. Крыньского, В. Недзвецкого (1900–1927)).

В электронных эскизах содержится польская лексика, эксцерпируемая из тех источников, из которых ранее она лексикографами не извлекалась. «Эти тексты — это большой резервуар лексических единиц, которых не может объять отдельный лексикограф, он скрывает (*verba abscondita*) необозримые языковые сокровища» (с. 22). Я. Вавжиньчик предлагает осуществлять в текущем режиме интенсивное эксцерпирование текстов, посвящённых Японии, и тогда запас японизмов обогатится за счёт такой лексики, которой нет в словарях (словарными агнонимами). Я. Вавжиньчик приводит примеры из пробной выборки: игрушка *какемоно*, *оби*, *сакэ*, *тан...* Некоторые из этих японизмов опровергают предположения о первой дате их появления в польском языке и требуют переаттирования.

Я. Вавжиньчик предлагает полностью задействовать текстовые ресурсы с точки зрения изучения полной картины японско-польских лексических реляций, и здесь важна хронология заимствования отдельных единиц. Хотя это дело будущего, уже сейчас электронные эскизы к Библиографическому словарю польского языка содержат немалую часть такого лексического материала.

Разумеется, широта охвата японизмов в толковых словарях и словарях иностранных слов послужит прогрессу двуязычной лексикографии и делу перевода, так как переводчики получают для своей работы готовые межязыковые эквиваленты.

Статья Петра Вежхоня, написанная им на японском языке, «Корпус польского языка с возможностью доступа к фотоархивизации материалов источников. Эскиз проекта» содержит целый ряд актуальных идей, выдвигаемых в связи с созданием самого крупного собрания слов и словосочетаний польского языка XX в. с цитатами, иллюстрирующими их употребление. При этом планируется охватить всё столетие целиком с 1901 по 2000 г. Гарантией верности первоисточнику служат примеры, выполненные фотографической техникой — *фотоэксцерпты*, а также приводимое вместе с примером развёрнутое название источника.

Каждый пример планируется сопроводить датировкой его употребления в конкретном тексте. Инновационность проекта состоит в том, что это будет крупнейший в мире фонд лексических единиц, ранее неизвестных и не зарегистрированных. Итогом работы призвана стать доказательная база употребления лексических единиц с полной документацией, которая значительно дополнит нынешние знания относительно лексического состава польского языка. П. Вежхонь отмечает скудость имеющихся языковых данных по первой половине XX в. и особенно периода межвоенного двадцатилетия (1918–1939). Мы узнаем из статьи, что поиск этих данных регулярно осуществляли Ян Вавжиньчик и П. Вежхонь. Планируется, что это будет самая крупная в мире такого типа база лексических единиц. Области её применения очерчиваются как морфология, заимствования, фразеология, стилистический анализ, и весь материал будет приводиться в оригинальных контекстах. Инструментарий этой базы позволит осуществлять анализ данных по самым разным критериям. Описываемый проект станет продолжением огромного амбициозного труда серии «Лексический депозитарий польского языка» на основе фотоэксцерпций. Главные задачи, они же идеи П. Вежхоня — обнаружить около 300 000 слов/словосочетаний польского языка за 1901–2000 гг., которые отсутствовали бы в Орфографическом словаре В. Коковского от 1903 г., и дать полный комплект данных для каждой лексической/фразеологической единицы, включая дату употребления, географическую локализацию, фотоцитату. Главная цель — познать лексику польского языка XX в. Подчёркивается, что обработка материала напрямую зависит от того, насколько удачно произведён его сбор. Собранный материал имеет вид заголовочных слов в присущем им в первоисточнике контексте. Наличие датировок при каждом таком слове позволит приступить к серии работ по изучению диахронии, орфографии, частотности, лингвогеографии и др. полученных лексических единиц. Это позволит получить полезные данные по динамике развития лексики. Эти данные пригодятся и не только лингвистам — например, составителям энциклопедий, которым полезны будут вырезки из прессы в качестве носителей разнообразной информации, нигде ранее не зафиксированной.

Частью статьи является целый ряд диаграмм, по которым можно проследить нарастание или угасание употребления каких-то лексем по годам. В первой диаграмме мы наблюдаем динамику употребления лексем *telewizor* ‘телевизор’, *telewizyjny* ‘телевизионный’. Высшая точка употребления лексем *opozycja* ‘оппозиция’, *solidarność* ‘солидарность’ приходится на 1979–1982 гг. Пик употребления слов *faszyzm* ‘фашизм’, *faszystowski* ‘фашистский’, *faszysta* ‘фашист’, *antyfaszysta* ‘антифашист’ приходится в Польше на 1937–1939 гг. Такие слова, как *mózg elektronowy* ‘электронный мозг’, *komputer* ‘компьютер’, «на топе» начиная с 1963 г. Диаграммы демонстрируют, сколь важную роль в изучении общественной жизни может сыграть добросовестное изучение употребления лексем и словосочетаний. К статье даётся обширная библиография по праксеологии (термин введён польским философом, языковедом и математиком-логиком Тадеушем Котарбиньским и означает рациональную деятельность); библиография трудов Я. Вавжиньчика по проблемам презентации лексики в словарях,

по анализу словарей, по теории и практике лексикографии; библиография трудов П. Вежхоня, в том числе по фотолексикографии и оцифровке фондов польских библиотек. Изложение проекта на японском языке с помощью японской иероглифики придаёт статье особый шарм и несомненный учебный заряд.

Агнешка Адамчик во вводной части к своей обширной статье «Хайку: японская поэзия и искусство» рассказывает о хайку как жанре японской и мировой поэзии и о развитии этого жанра в Польше. *Хайку* — это поэтическая миниатюра из 17-ти слогов. В то же время *хайку* — принадлежность не только поэзии, но и психосоциологический факт, которому были посвящены десятки периодических изданий на Западе и сотни таких в Японии. В Польше в 90-е гг. образовался целый журнал, посвящённый хайку, и с 1994 по 1995 г. вышло пять номеров. Интересный факт, что в Польше по-прежнему растёт число поэтов, пишущих хайку. В основной части статьи А. Адамчик раскрывает родословную понятия *хайку*, истоки которого восходят к композиции *ренга*, начальные строки которой (*хоку*) — трёхстишие из 17 слогов, с годами превратились в самостоятельное произведение — поэтическую миниатюру *хайку*. *Ренга* — это, собственно говоря, песня, строящаяся на коллективном исполнении и сочинении очередных строф её очередными участниками. Благодаря Мацуо Басё, известнейшему японскому поэту и писателю, в XVII в. произошли кардинальные перемены в *ренга*, состоявшие в привнесении в этот жанр характерных стилистических новаций в виде особого акцента на образы природы, и отсюда возникновение специфической метафорики. А. Адамчик детально описывает правила соединения строф в *ренга*, на особую образную структуру этого песенно-поэтического жанра — к примеру, в ходе исполнения произведения дважды следует упомянуть цветок, трижды луну, а насекомое может быть упомянуто лишь единожды.

Особый раздел статьи посвящён религиозно-философским истокам хайку, восходящим к философии таоизма, анимизма, синтоизма, дзэн-буддизма и конфуцианства. Подчёркивается особая роль природы в произведениях *хайку*. А. Адамчик вводит сопоставительный пласт, сравнивая хайку с такими поэтическими жанрами, как *танка* (старейший поэтический жанр в Японии, высоко лиричный, личностный и эмоциональный) и *вака* (жанр, характеризующийся многочисленными декоративными элементами — постоянными эпитетами) — именно этот жанр рассматривается как предтеча хайку.

Внимание уделяется также эстетическим категориям, на которых строится хайку. Остановимся на главных из них. Категория *ваби-саби* (*ваби* и *саби*, когда-то мыслимые как разные сущности, сейчас означают своего рода простоту и естественность, служат созерцанию, интуитивному пониманию жизни).

Юээн — категория сокровенного, недосказанного, связана с лирическим символизмом, поиском в словах дополнительного смысла, очарования. Категория *мононоаваре* означает чувство прекрасного, осознание сути вещей, эфемерности бытия.

Категория *сатори* — озарение, понимание, поэтическая рефлексия, умение в малом увидеть большое, связана с положительным настроением

в отношении всего сущего. Указывает на спокойное, неспешное восприятие действительности, с известной долей отрешённости. Эстетическая категория *макто* указывает на искренность намерений автора хайку и на правдивость, аутентичность его произведения.

Важной для хайку категорией является *киго*: это слова/фразы, отсылающие ко времени года). Для того чтобы вызвать ассоциации с временем года, в хайку в большинстве случаев выступает какой-либо элемент природы, такой, например, как сев, запуск змея. Важной функцией *киго* является отражение настроений, связанных с данным временем года. Среди функций *киго* также — внушать мысль о том, что человек является частью природы. Для поэтов, пишущих хайку, имеются специальные комплекты *киго* — это списки слов, или своего рода календарики *сайдзюки*, в которых слова, связанные с каким-либо временем года, упорядочиваются и содержат примеры их употребления. В комплектах *киго* под названием *киёсэ* такая лексика каталогизирована без примеров употребления. Весна, японски *хару*, приходит в Японию 4 февраля. Первые ассоциации, связанные с весной, — цветение сакуры и сливового дерева (*умэ*). Среди главных атрибутов весны в Японии: птичьи гнезда, пение птиц, особенно жаворонка (*хибари*), лягушки с их весенним кваканьем, увеличение дня, пробуждение надежд. Образ луны бывает связан с разными категориями прекрасного; хотя первой ассоциацией является осень, однако словосочетание *обородзюки* ‘луна в дымке, бледная луна’ и *цукки но каса* ‘луна в ореоле, лунный свет’ пробуждает ассоциации с весной. Лето наступает 5 мая, на это время года указывают упоминания о жаре, о дожде и о звоне цикад. Осень и зима вызывают ассоциации с отлётом птиц, холодом, долгими ночами, опаданием листьев (но могут возникать и более приятные ассоциации с отдыхом от трудов, красотой пейзажа). Началом осени считается 8 августа, главный элемент пейзажа, привлекающий к себе внимание японцев, — краснеющие кленовые листья (*момидзи*). Осенний настрой связан также с луной, особенно с полнолунием, а также с Млечным путём (*Аманогава* ‘Река Небес’), который осенью предстаёт в необычных ракурсах. Начало зимы приходится на 8 ноября. Растение, которое не прячется от холодных зимних дней, — это вечнозелёные кусты камелии. Зима вызывает прочные ассоциации с опавшими и лежащими под деревьями листьями (*отиба* ‘опавшие листья’), и это не то же самое, что опадающие листья (примета осени).

В разделе, посвящённом переводу, описываются трудности перевода хайку на польский язык. Уже сформировались своеобразные приёмы такого перевода, когда мора транспонируется в знаки препинания — тире, восклицательный знак, многоточие и т.п. Феликс Шута является создателем поэтической программы “Pilleus”, в рамках которой анализировались возможности перевода хайку на польский язык и их сочинения польскими авторами. Так, хайку однозначно привязано к настоящему времени (будущее и прошедшее могут служить лишь добавлением). Прозаическая запись уничтожает хайку, не оставляя для читателя простора для домысливания; хайку не может быть переведено в виде описания. Этот вид поэтического творчества устанавливает связи далеко отстоящих друг от друга вещей, что способствует развитию ассоциативности мышле-

ния; при переводе следует избегать сравнений и их языковых показателей как обедняющих содержание произведения. У японских миниатюр *хайку* не бывает названий, поэтому и в польском переводе заглавия быть не должно. Не следует писать строки с прописной буквы, так как это дезориентирует читателя. И ещё много правил перевода было установлено в рамках программы “Pilleus”. В разделе неоднократно упоминается имя Токимаса Сэкигути, известного японского специалиста по польскому языку и культуре, высококвалифицированного переводчика, прилагающего большие усилия к развитию японско-польских культурных связей.

Один из разделов статьи посвящён подробной биографии Масаоки Сики — поэта, пишущего *хайку*, и теоретика этой поэтической миниатюры, много сделавшего для его развития. Путь Масаоки Сики был полон самоотверженности и служения избранному делу, он может служить примером для подражания. В Заключении А. Адамчик констатирует, что *хайку* остаётся пленником японского языка, так как *хайку*, созданные за пределами Японии, неазиатскими авторами, не аутентичны и не помещаются в пределах этого жанра. Автор настаивает, что «в пропагандировании *хайку* в Польше следует сохранять умеренность, чтобы эта поэтическая форма не стала рекламным продуктом, продаваемым подобно банальному произведению поп-культуры, несомому волной сезонной моды» (с. 85). Стиль статьи, который можно охарактеризовать как научно-поэтический, формирует не только научную рефлексию, но и высоко лирический настрой, и, конечно, — уважение к нации, для которой поэзия с древних времён является частью жизни.

Мальвина Пётровска в статье «Ёкаи — мир японских демонов» декларирует, что её целью является представление в статье богатства и разнообразия японского фольклора на основе категории *ёкаи* и классификация этих вымышленных демонических существ японской мифологии. В этих персонажах легенд и сказаний отражаются особенности географического положения, естественных ресурсов, состояния технологии и устройства общества; в них находят своё выражение «человеческое незнание и слабость перед лицом мощи природы» (с. 205). Существование демонов можно расценивать как попытку объяснить неведомое, способ сохранить порядок и основы морали. При этом М. Пётровска обращает внимание на живучесть доисторических традиций: если основой жизни населения была рыбная ловля, сохранялись праздники, связанные с морскими или речными божествами, а в исконно сельскохозяйственных районах продолжают почитать богов урожая и дождя; там, где долее всего сохранялась охота, больше следов золатрии и тотемизма. В понятии *ёкаи* фактически соединяется всё то, что удивляло и поражало японцев на протяжении столетий. М. Пётровска отмечает, что в японской религиозной традиции мир, постигаемый органами чувств, невидимыми нитями связан с миром сверхъестественных существ.

Ёкаи представляет собой общий термин для обозначения разнообразных духов и страшилищ, но это понятие распространяется и на призраков, на животных со сверхъестественными способностями, на оборотней, на предметы домашнего обихода «с нестандартным поведением», вообще на всё паранормальное. Ключом к семантике слова, как и у большинства

японских слов, является его иероглифическая запись, декодируемая как «нечто странное, не из этого мира, что очаровывает и привлекает» (с. 206).

Хотя в дискурсе наиболее частотен именно термин *ёкаи*, встречаются и другие, например *бакэмоно* (в детской речи — *обакэ*), в научной литературе — *кайи гэнсё*. Обманчивый вид и непостоянство формы — вот главные признаки аномальных креатур. Обращаясь к буддистской теологии, автор указывает, что в её основе лежит концепт трансмутации и трансмиграции, поэтому не должно удивлять, что тело мыслилось как временное пристанище. Вера в демонов хотя и подвергалась критике (например, уже в эпоху Мэйдзи), тем не менее, когда в начале XXI в. *ёкаи* практически исчезли из дискурсивных практик, стали возникать другие демоны с характерными признаками предыдущих.

М. Пётровска останавливается на месте и роли *ёкаи* в японской культуре, обращая внимание на «степень их погружённости в сознание и традиции японцев. Ведь демоны и духи обычно являются реликтом прошлого, в современном мире не должно быть места для предубеждений и веры в духов. Но *ёкаи* выдержали испытание временем и прочно поселились в менталитете японцев» (с. 207). М. Пётровска упоминает о том, что М.Д. Фостер предпринял периодизацию категории *ёкаи*, начиная с эпохи Эдо и вплоть до первых годов XXI в., в течение которых культура *ёкаи* развивалась и культивировалась, став неделимой частью японской культуры. Эпоха Эдо (1603—1868), ставшая золотым веком для страшных рассказов, была периодом экономического развития Японии, связанным с развитием коммуникации и интеграцией горожан и жителей деревни. По всей Японии странствовали ремесленники, купцы, монахи... В ситуации, когда, к примеру, ночью надо было бодрствовать, люди рассказывали друг другу всякие страшные истории (*кайдан*), благодаря чему сохранялась память о *ёкаи*. Благодаря такой популярности страшных историй возникла игра *хякумоногатари кайданкай* ‘встреча на сто рассказов’, которая приобрела характер ритуала. При свете свечей, установленных кругом, каждый делился какой-нибудь историей, необычным событием, случившимся с ним или с кем-то ещё, после чего гасили одну свечу. По мере выгорания свечей и наступления темноты усиливалась тревога и ожидание чего-то ужасного. Принято считать, что эта игра возникла благодаря самураям, которые придумали её в качестве теста на мужество. Игра быстро распространялась благодаря странствующим рассказчикам, писались антологии страшных рассказов. В XVII в. игра утратила свою популярность, но страшные истории остались; во многих из них говорилось о чудовищах и духах. В этот период в Китае и в Японии были написаны первые энциклопедии, а в 1778 г. увидел свет первый bestiарий (в свитках) «Иллюстрированный парад демонов», увековечивший в тематической презентации образы более 50 демонов, в основном из народных сказаний.

В эпоху Мэйдзи (1868—1912), когда Япония явила себя миру и когда многое заимствовалось с Запада, демоны претерпели трансформации. Возникла новая научная область — *ёкаи-гаку*. Иноуэ Энрё в рамках нового направления пояснил, что миром правят невероятные силы — они-то и становятся основой верований. В мир демонов он внедрил модернизм,

желая осовременить общество по западному образцу. Им написано много работ по систематизации *ёкаи*, в которых разъяснялась суть феноменальных явлений. Его статьи печатались в газетах, что обеспечивало их доступность. Писатели Нацумэ Сосэки и Мори Огай, старавшиеся сохранить древнее культурное наследие, бросили вызов рационализму Иноуэ Энрё, настаивая на сохранении *ёкаи* в традиции в качестве метафоры и музейной ценности. Веру в них они считали мерой самоидентификации личности и народа. Исследователь Эма Цутому (1884—1979) проводил исследования, связанные с постоянной сменой значимости *ёкаи* в культуре. Янагита Кунио каталогизировал *ёкаи* (по месту их обитания, по хронологии их появления и по их характеристикам). Мидзуки Сигэру не только способствовал популяризации культуры демонов ради сохранения преемственности культуры с Японией в древности, но и сам создал сколько-то чудовищ «от и до», основываясь на представлениях других или только на своих собственных фантазиях (например, он сам создал монстра и назвал его *иттанмомен*). Мидзуки Сигэру стал со временем главным источником знаний и представлений о чудовищах, создателем многих книг и комиксов о демонах. Японскими монстрами занимался Патрик Лафкадио Хёрн (Hearn) (1850—1904), принявший после женитьбы на дочери самурая имя Кидзуми Якумо. Он постоянно писал книги и статьи о культуре и жизни японцев, коллекционировал и записывал сказания и легенды, в том числе в стиле страшилок *кайдан*, и издавал их в книжном формате.

Обращаясь к проблеме классификации *ёкаи*, М. Пётровска в качестве одного из её параметров указывает причины появления каждого из демонов. При этом оказывается, что таких причин много: большинство *ёкаи* были когда-то людьми, которые из-за каких-то сильных эмоций — страха, ненависти — сохранили и после смерти связь с миром живых. Некоторые из них не могут уйти, пока не удовлетворят жажду мести. Среди причин существования *ёкаи* называют следующие разновидности страха: перед болезнью или нуждой, стихийными бедствиями (ураганами, землетрясениями, наводнениями, извержениями вулканов, хищными животными). Сверхъестественными способностями, согласно представлениям японцев, обладают животные и растения, продолжительность жизни которых значительно превышает таковую у человека, что связано с желанием опереться на что-то вневременное, непреходящее.

М. Пётровска подчёркивает, что демоны не образуются на пустом месте, потому что это «гибрид, собрание деталей от разных существ, объединённых в одно уникальное целое» (с. 212). *Ёкаи* соединяют в себе осязаемое с неосязаемым, духовное с материальным. В целом же истоки панорамного мира коренятся в явлениях, не поддающихся объяснению, описанию. Численность японских монстров может достигать тысячи особей, но если ограничиться запечатлёнными на холсте, как и теми, о ком имеется хоть какая-то информация, таковых наберётся около четырёхсот. Их можно поделить на несколько крупных групп по способу возникновения, особенностям их натуры или по внешнему виду, и эти группы весьма многочисленны. Некоторые демоны в связи с неуловимостью и расплывчатостью их облика пребывают за пределами классификаций. Согласно классификации Мидзуки Сигэру, выделяются группы: *юрэй* — духи умерших,

скитающиеся среди живых, и призраки (*хитодама*, *борэи*); *обакэ* — монстр-оборотень, способный изменять свою форму или уже её изменивший; животные-оборотни; насекомые и животные, обладающие магической силой трансформаций; паранормальные явления; предметы повседневного обихода, которые, превывсив 100 лет своей «домашней службы», оказались наделены сверхъестественными способностями (*цукимогами*). При этом *обакэ* (*бакэмоно*) своим охватом распространяются на всех демонов, способных к метаморфозам или уже прошедших трансформации. Среди демонов выделяются *ками* (собственно говоря, это божества), которые противопоставляются *ёкаи*. При этом о *ёкаи* могут говорить как о падших *ками*. Ёкаи предстаёт в статье как концепт японского языкового сознания, в то же время границы между субконцептами которого весьма расплывчаты.

Марчин Клос в статье “Quizy telewizyjne: analiza porównawcza quizów w telewizji polskiej i japońskiej” ‘Телевикторины: сопоставительный анализ викторин на польском и японском телевидении’ рассматривает сферу развлечений в Японии и в Польше как динамичную отрасль общественной коммуникации. М. Клос указывает, что квизы функционируют в большом разнообразии форм. Рассказывается история самого термина *квиз* — искусственно созданного в конце XVIII в. владельцем театра в Дублине *Ричардом Дэйли* (*Daly*) на пари, что он придумает слово, которое в течение 48 часов войдёт в оборот, а его значение придумают сами люди. В наши дни квизы (викторины) являются популярной формой телешоу. В телепрограммах обычно присутствует хотя бы одна такого типа передача. В Польше популярны аудиотелепрограммы: чтобы стать их участником, нужно позвонить или послать текстовое сообщение по указанному номеру. Кроссворды автор считает бумажным субститутотом квиза.

М. Клос рассказывает о том, что японское телевидение функционирует с 1936 г., и тогда же появилось большое количество новаторских программ, в том числе телетурниров. Многие телеканалы в наши дни соревнуются друг с другом в создании разнообразных квизов. В числе наиболее креативных станций автор называет *Тибизэсу Тэрэби* и *Фудзи Тэрэби*. Практически у каждой телевикторины есть эквивалент в виде игры на основе мобильного телефона или планшета или поисковой системы в интернете. В телеконкурсах часто участвуют *тарэнто* — это комики (обычно не один), которые способствуют созданию раскованной атмосферы.

Социкультурные различия заложены уже в сценариях, очерчивающих способы проверки знаний участников, их поведение, визуальную сторону программы. В Японии особенно популярны программы, связанные с проверкой не только знаний, но и физических умений, устойчивости к давлению на психику. В Польше проводился такого рода конкурс *Форт Бояр*, но в нем делался упор скорее на проверку физической выносливости. На польском телевидении был организован конкурс *Русская рулетка*, в рамках которого под ногами неудачливого участника могла разверзнуться «бездна». В то же время опасности, подстерегающие польских участников, не могут идти ни в какое сравнение с опасностями, трудностями и эмоциями, сопутствующими японским телеконкурсам (например, в программе *Дэро*). Такие ситуации, из-за которых могла бы пострадать честь

участника, в Японии категорически недопустимы. Автор отмечает, что по польскому телевидению организуется много квизов по западным лицензиям, прежде всего Великобритании и США. М. Клос считает, что польские авторы программ должны сосредоточиваться на польских языковых и культурных реалиях в большей мере, чем это имеет место на сегодняшний день. В японских квизах делается акцент на оригинальность, разнообразие, преобладают чисто японские конкурсы. В программе викторины по британской лицензии «Миллионеры», организуемой как на польском, так и на японском телевидении, среди различий указывается, в частности, наличие в японских квизах комиков *тарэнто*. К позитивам М. Клос относит также краткие комментарии к вопросам на японском ТВ, позволяющие зрителю расширить свой кругозор. Японские новации говорят о способности приспособить программы к своим интересам. М. Клос обращает внимание на соревновательные аспекты квизов и на преимущественно корпоративный характер японской соревновательности, на работу в группе, преобладающую в японских викторинах. Польские задания ориентированы в основном на выбор одного индивидуума, лучшего из лучших, а передачи, рассчитанные на игру в группе, явно менее популярны. Ведущий викторины в Японии необязательно должен быть человеком — это может быть компьютерная анимация. Участники соревнований естественным образом вступают в диалог с компьютерным персонажем, что, как считает автор, свидетельствует о способности японцев к быстрой адаптации к технологическим новшествам. Если ведущий — человек, то их может быть двое — мужчина и женщина: женщина зачитывает вопросы, объясняет правила игры, мужчина общается с участниками конкурса, сдабривая свою речь шутками. В польских телевикторинах обычно один ведущий, он человек, причём человек серьёзный, в его задачи входит задавать вопросы участникам и комментировать их ответы (как Кароль Страсбургер в «Фамилиаде»). С какого-то времени на роль ведущего стали приглашать шоумена, но, в отличие от японского *тарэнто*, приглашённый шоумен не является столь яркой индивидуальностью, не устраивает из себя посмешища (примером может послужить Роберт Яновски из музыкального квиза «Какая это мелодия?», который сам иногда исполняет некоторые произведения и развлекает публику).

Автор подчёркивает роль радио и телевидения в популяризации квизов. Сравнивая телевикторины, автор приходит к выводу, что для японцев чрезвычайно важна оригинальность, в то время как в Польше нередко обращаются к готовым западным образцам. У японских квизов богаче графический декор. Интересные эффекты даёт локализация в центре игры комиков *тарэнто* в качестве ведущих и одновременно участников программы. Закупленные за рубежом программы японцы нередко преобразуют и совершенствуют, что в целом является важнейшей японской чертой — усваивать чужие идеи и доводить их до перфекции.

В статье Алексея Александровича Коренева «Теория “заимствования и создания” как философская модель описания развития образования и науки в Японии и России» обсуждается целый ряд проблем развития образования в Японии и России, выделяются как общие, так и дистинктивные аспекты — в ретроспективе и в современности, от древнейших эпох

(Токугава, Мэйдзи) и вплоть до жгучей современности. Особый упор делается на обучении иностранным языкам. Отмечается, что японские исследователи относят японскую культуру (и, в известной мере, русскую) — к культурам коллективистского типа со всеми вытекающими из этого последствиями. Подчёркивается, что в Японии всегда широко обсуждался вопрос о сочетании традиционных ценностей с достижениями западной культуры. Заимствование и традиции в японской культуре стали рассматриваться как противоположности. А.А. Корнев обращается к книге Кийонобу Итакура «Заимствование и создание. Методы исследования в науке и образовании» (1987), в которой обсуждаются указанная выше проблематика. В статье постоянно присутствует сопоставительный пласт систем образования в Японии и в России, которые во многом схожи, особенно в отдельные периоды. Интересный момент, что «при выставлении итоговой оценки по предмету посещаемость имеет первостепенное значение, и часто все студенты курса получают одинаковую итоговую оценку (как правило, 80%), что является одним из проявлений уравнительного характера коллективистской японской культуры» (с. 118). Основное внимание в статье уделяется проблемам экзаменационных систем обеих стран, разным аспектам стандартизированного контроля, институционализированного тестирования, в первую очередь лингводидактического тестирования по иностранным языкам. А.А. Корнев отмечает, что хотя «развитие центрального стандартизированного тестирования в России началось намного позже, однако условия его появления сопоставимы с японскими» (с. 127). В центре внимания автора находятся вопросы тестирования на рубеже *школа — вуз*. Главное стремление в российской, японской и британской системах — обеспечить равные шансы абитуриентов на поступление в вуз в любой части страны, в большом городе или в сельской местности. В японской системе немалая роль отводится ритуально-культурной составляющей, при этом руководство страны старается поддерживать дух равенства. Подчёркивается преобладание в Японии грамматико-переводного метода перевода, что связано с историей и традицией преподавания иностранных языков: «В Японии существует долгая история знакомства с достижениями Запада посредством перевода книг, поэтому японскую культуру принято называть “культурой перевода”» (с. 131). А.А. Корнев полагает, что «умение говорить о своей стране на иностранном языке является важной целью школьного иноязычного образования и должно быть частью экзамена. В то же время представляется более правильным оценивать данное умение не в рамках заданий на чтение, как в японских экзаменах, а в рамках контроля продуктивных речевых умений» (с. 131). А.А. Корнев указывает на различия в подходах к тестированию, ярко выражающие национальную специфику: «чем дольше стандартизированный контроль используется на рубеже *школа — вуз*, тем более явно выражены традиции и ценности системы образования в материалах экзамена. Требования к знаниям, навыкам и умениям будущих студентов значительно разнятся. Значительно разнятся в японской и американской системах образования взгляды на вопрос, кого считать талантливым — в Японии наиболее трудолюбивого, «способного работать с большими объёмами информации, структурировать, запоминать, обладающего раз-

витым логическим мышлением» (с. 132), в то время как в американской и британской системах упор делается на самостоятельность и критичность мышления, умение «свободно выражать своё мнение по широкому спектру проблем, подкрепляя данное мнение необходимой фактической информацией...» (с. 132). Обращаясь к традициям нашей страны, А.А. Корнев полагает, что если исходить из длительности традиции написания сочинений, позволявших выявить знание отечественной литературы, эрудицию абитуриента, грамотность, то на экзаменах по иностранному языку целесообразно увеличивать объем эссе и предоставить возможность выбора жанра сочинения. Студенты должны уметь устно и письменно рассказать о родной стране, уметь подмечать сходства и различия — в разных областях культуры и жизни — в родной стране и в стране изучаемого языка. А.А. Корнев считает, что японский опыт в сфере образования, стремления определить пропорции в сфере «заимствования и создания» может быть весьма полезен для российских учёных.

Статья Синсукэ Мияно (Shinsuke Miyano) «Кароси — трагический феномен в современном обществе» — посвящена важному социальному термину, понятию и явлению современной Японии. *Кароси* — это смерть от переработки. Как подчёркивает С. Мияно, это не есть термин социоклинической патологии и это не есть естественное завершение человеческого жизненного пути. Это термин социомедицинский и социальноэкономический. С. Мияно обрисовывает этимологию термина, смысл его составных частей в японской иероглифике, историю его возникновения. Хотя корни явления произрастают на японской почве, термин возник в Южной Корее специально для описания этого японского феномена и был воспринят в Корее в форме *кароса*. Со времени возникновения термина условия труда изменились в лучшую сторону и уже не требуют столь больших вложений физического труда и такого количества калорий для работы организма. Однако стремление к повышению эффективности приводит к стрессорирующим эффектам. Увеличилось количество ночных дежурств, в целом работ в разное время суток, что пагубно влияет на нервную, эндокринную и иммунную системы. Явление *karoshi* особенно затронуло рабочих среднего и пожилого возраста, однако белые воротнички — офисные работники также сильно страдают вследствие чрезмерной продолжительности рабочего дня (к тому же за переработки они не получают сверхурочные). Если рабочий день продолжается у сотрудника 10 часов, то это уже создаёт угрозу стать очередной жертвой *кароси*. Подсчитано, что многие жертвы *кароси* работают более 3 тыс. часов в год. О том, что *кароси* — общеяпонская проблема, — говорят опросы населения, которое испытывает страх перед этим явлением. Указывается, что термин получил широкое хождение в мире не только как чисто японский феномен, но служит обрисовке явления, которое выражено не только в Японии, но имеет и наглядные свидетельства на территории Кореи и Америки.

Для японоведов интерес представляют исключительно ценные статьи Анджее Пёнтышека «Дискриминация меньшинств в Японии. На примере корейцев» и Анатолия Аркадьевича Кошкина «Реванш японских консерваторов. Курилы: возможна ли ничья?».

Список сокращений

MSBJR — *Wawrzyńczyk, J., Malek, E.* Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego: W 2 t. Warszawa: BEL Studio, 2010 (Semiosis Lexicographica, vol. LV).

Список литературы

- Корнев А.А.* Теория «заимствования и создания» как философская модель описания развития образования и науки в Японии и России // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 109–135.
- Кошкин А.* Реванш японских консерваторов. Курилы: возможна ли ничья? // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 215–228.
- Adamczyk, A.* Haiku: japońska poezja i sztuka [‘Хайку: японская поэзия и искусство’] // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 35–95.
- Alpatov V.* The notion of sound and word in the European and Japanese linguistics // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 9–16.
- Kłos, M.* Quizy telewizyjne: Analiza porównawcza quizów w telewizji polskiej i japońskiej [‘Клос М. Телевикторины: Сопоставительный анализ викторин на польском и японском телевидении’] // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 97–107.
- Miyano, S.* Karoshi — a tragic phenomenon in the current society // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 137–141.
- Piątyszek, A.* Dyskryminacja mniejszości w Japonii na przykładzie Koreańczyków [‘Пёнтышек А. Дискриминация меньшинств в Японии на примере корейцев’] // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 143–202.
- Piotrowska, M.* Yokai — świat demonów japońskich [‘Yokai — мир японских демонов’] // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 203–214.
- Wawrzyńczyk, J.* Japonizmy leksykalne w e-brudnopisach Słownika bibliograficznego języka polskiego [‘Лексические японизмы в электронных эскизах к Библиографическому словарю польского языка’] // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 17–22.
- Wierzchoń, P.* [‘Корпус польского языка с возможностью доступа к фотоархивизации материалов источников. Эскиз проекта’] [на японском языке] // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. *Marek A. Iwanowski*; Założyciel i patron serii *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. I. S. 23–33.

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате ПДФ;

— *примечания* в виде подстраничных сносок. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8-495-939-33-48.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и ее соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.